

ИГРУШКИ В ПУСТОТЕ

роман

№ 1. СНЫ В ПЛЕНУ ИЛИ РАЗГОВОР С АНГЕЛОМ

Происходящие события казались дурным сном. Словно сплю на левом боку и давя на сердце. Надо перевернуться на правый, и ночные кошмары развеются, как влажный утренний туман с восходом солнца. И, стерев со лба холодный пот, я смогу сказать:

- Не надо жрать после шести.

Увы. Напоминающий клетку сарай, вечно оружие джунгли и укусы надоедливых мошек, - всё реальность, а не сон. Сколько продлится плен? Повстанцы меня не убьют, пока есть надежда на выкуп. Но за меня некому платить. Все мои сбережения - двадцать тысяч зелены. Их хватит на оформление документов, взятки чиновникам, доставку гроба на родину и похороны на семейном участке кладбища. Возможно, родственники разорятся на поминки, где незнакомый мне при жизни человек возьмёт на себя роль «похоронного тамады», и будет всем напоминать: «только не чокаться».

Конечно, можно продать упавшую в цене недвижимость и заплатить выкуп. Но я уверен, что там, в brutальной Москве, родственники мысленно уже закопали мой прах и теперь «пилят» квадратные метры квартиры. В ненасытном мегаполисе у всех «сносит крышу» при виде денег. Когда повстанцы поймут, что я неплатёжеспособен, меня пустят в расход. И их можно понять, миска риса и кружка воды тоже чего-то стоят.

Я обращаюсь к тебе, мой Ангел-Хранитель. Ты извини, но здесь больше не с кем говорить. Если бы Всевышний слушал нытьё каждого из семи миллиардов, он сошёл бы с ума. Ведь достаточно произнести слово «раз» и представить, что в этот миг на планете 21 новорожденный человечек закричал «уа, уа». И одновременно последний вдох-выдох сделали 18 умерших на пути с этого Света на тот. Разве сможет выдержать даже Высший Разум противоречивость наших просьб и проклятий? Каждый шарлатан заявляет, что только он владеет правильным переводом Слова Божьего? Носители непререкаемых истин, их так много на Земле. Вот и сейчас я буду казнён за очередную «великую» истину, раздувшуюся, как мочевого пузыря, в чьей-то больной голове. Насколько меньше было бы войн, если бы каждый учебник начинался со слов об относительности истины?

Что осталось от всемогущих богов древнего Египта и Вавилона, вместе с их истинами? Кто разрушил пантеоны древней Греции и Рима, и почему сегодня никто не верит в мифологию? А ведь тем богам поклонялись с не меньшим рвением, чем мы в современную эпоху Будде, Христу, Магомету, Марксу. В чём причины гибели цивилизаций Шумеров и Ассирийцев, Инков и Майя, зачем покинули дворцы обитатели Анкора? Где затерялись их истины о добре и зле, войне и мире, любви и измене? Какое учение объявят ложным в начале, а какое в конце? Чья империя с воспалёнными глазами патриотов рухнет раньше,

а чья позже? Нам не даны ответы. Мы не можем разобраться даже в самих себе. Вылетаем искрами пламени из темноты и снова уходим в темноту, не успев понять ни цели рождения, ни смысла жизни, ни назначения смерти. Мы всего лишь случайные прохожие на этой земле, оставляющие после себя горы мусора.

Под Парижем, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, я видел скромное надгробие на могиле Андрея Амальрика - автора эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В далёком 1969 году в пророчество о скором крахе крупнейшей империи Мира не поверили ни враги, ни друзья. Мысль казалась абсурдной, а держава незыблемой. Даже срок он получил по статье 190-1 УК РСФСР с характерным названием «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Интересно было бы спросить у судей в 1991-м, в год распада Советского Союза: «Что же тут ложного, когда «погрешность» автора по историческим меркам - ничтожна?»

Сила авторитарной власти - это иллюзия народа, населяющего шестую часть суши на планете Земля. Царство Романовых, диктатура Сталина, «застолье» Политбюро, плюрализм Перестройки вмиг складывались, как карточные домики. Искра, воспетая мстящим за брата вождём революции, всего одна искра на Дворцовой или Манежной, и, как рванет, «бабах». На место самонадеянных нынешних вождей придут новосибирские, владивостокские, кущёвские... пекинские, шанхайские.... Которые тоже забудут, что время – лучший похоронный оркестр для всех непререкаемых истин.

Ангел-Хранитель, в ожидании казни, молю тебя об отпущении грехов. Взвесь все «За» и «Против» моей турбулентной жизни. И вынеси свой приговор, не тревожа Иегову, Саваофа, Элохима, Ар-Рахмана, не произнося напрасно имени Его. Так как чувствую я себя слишком мелким и ничтожным для Суда Самого Бога. Аминь.

№ 2. В ПЛЕНУ. АМЕРИКАНКА И НАСИЛЬНИКИ

Громкий крик с просьбой о помощи прервал ход моих размышлений. Потом мычание, как будто заткнули рот. Я знал, кто кричит – молодая американка, тоже заложница с того рокового маршрута. Сарайчик, в котором ее держат, как в клетке, находится метрах в тридцати от моего. Охранники приходят её насиловать, она отбивается и кричит. А мы, запертые в такие же клетки, шумим, пытаюсь защитить девушку.

Ещё три дня назад, на свободе она напоминала восторженно чирикавшего птенца, увидевшего как велик мир, но не понявшего насколько он опасен. Трудно было не заметить её огненно-рыжие волосы. Зеленоглазая, с веснушками, чуть вздёрнутым носиком и фигурой подростка. Я помог ей внести в автобус вещи, и мы немного поболтали. Она жила в Бостоне, и это было её первое самостоятельное путешествие. Фотоаппарат работал **без** отдыха. Она ещё не научилась выбирать значимое и фотографировала всё, что отличалось от скупых красок и размеренной жизни Новой Англии. «Прицелилась», - и вот в фото-памяти бездомные собаки охотятся у ручья на белую цаплю. Я не успел

отвернуться и сам пополнил фотоколлекцию. Щелчок и вслед за мной бабочка размером с птицу добавила картинки прожитой жизни... Я понимал её энтузиазм. Как-то осенью меня занесло в Бостон, и я хорошо помню, что самыми яркими пятнами на фоне дождливой серой погоды, были оражево-жёлтые тыквы, украшавшие улицы по случаю праздника Хэллоуин. В её возрасте и я бы тоже потерял голову от буйства тропической природы. Это всё равно, что на выставке от сумеречных полотен Чюрлёниса перейти к полуденным пейзажам Сарьяна.

- Родители и друзья будут удивлены, увидев мой подробный фотоотчёт, - с улыбкой говорила она. А улыбка была открытая, не наигранная. Я запомнил её имя – Келли. Американка прилетела в Сиам с подругой по колледжу. Но её сокурсница отказалась от поездки в Бирму. И вот сейчас одна в грязном сарайчике в ужасе отбивается от группы бандитов, срывающих с неё одежду. А вторая проводит weekend с бой-френдом в Бангкоке, потягивая коктейль и слушая музыку, в прохладном баре.

Не мучайте себя вопросом «почему?». Это великий анархист - его величество Случай скачет верхом на облаках и разбрасывает во все стороны чёрные камни с номерами. А мадам с косой лишь исполняет приговор. Когда-то, в древние времена, людей на Земле было мало, и «сладкая парочка» не путала адреса. Но сейчас, при таком многочисленном населении, они сбились со счёта и разбрасывают смерть наугад. Эту версию изложил мне старый монах, после гибели сотен тысяч туристов и аборигенов под гигантской волной Индийского океана. Там, в благополучных Европе и Америке, люди подобрали свои чёрные камни, которые привели их в роковой день на песчаные пляжи. Вот и сейчас, попавшие в плен схватили по чёрному камню, предназначавшемуся, возможно, и не им.

Уже повторно криками и стуком металлической посуды спасаем девушку от издевательств. Первый раз мы орали от безысходности и отчаяния, но потом поняли: тактика сработала. Прибежал командир повстанцев и с бранью выкинул насильников из сарая. По его понятиям, требуя большие деньги за выкуп, он должен вернуть «товар» неиспорченным. Бойцы, как видно, имеют другие взгляды на жизнь.

Сегодня повстанцы решили отомстить мне за поднятый шум. Действительно, моя клетка ближе других к клетке Келли, и первым вопить и колотить кружкой по миске начал я. В мой сарайчик вошли двое: невысокие, худощавые, жилистые, как большинство азиатов из сельской местности. Оба в состоянии сильного возбуждения от амфетамина. Его в Бирме производят в огромных количествах из китайского сырья. Точнее сказать, в Бирме его не производит только ленивый.

Тот, что постарше, ударил первым, потом принялись бить оба, по бокам и в живот, стараясь не оставлять следов. На прощанье - сильный удар в челюсть, отправивший меня в нокаут. Да, бандиты наглеют. Первые дни они держали себя в руках. Отсутствие выкупа плохо сказывается на их дисциплине.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очнулся после побоев. Мне хотелось доказать, в первую очередь себе самому, что дух мой не сломлен. Едва ворочая языком, еле слышно, а затем громче и громче я запел единственную песню, которую знал на английском. Песня была из моей юности,

это были «Beatles»:

Desmond has a barrow in the market place,
Molly is the singer in a band.
Desmond says to Molly, girl I like your face.
And Molly says this, as she takes him by the hand
Ob-la-di, ob-la-da, life goes on bra.
La-la how the life goes on... .

Слова рвались наружу, переходя в крик и выражая солидарность с другими заложниками, в большинстве англоязычными. Вряд ли музыканты из «Beatles» могли предположить, что их весёлая песенка будет исполнена как протестная. Бандит, недавно избивавший меня, подошел к клетке и плюнул. Он что-то прошипел, я понял только «лусия фула» (русский дурак). Азиат страдал садистским комплексом, и в своё дежурство лишал заложников дополнительной кружки воды. Мог взять «на проверку» миску риса и плюнуть в неё, оставляя заключённого голодным. Но особенно ему нравилось пугать девушек из нашей группы - американку и польку. Его звали Винай, и он не пользовался уважением даже среди своих.

Судьба, подарившая мне на короткое время счастье, затем, вдруг закошмарила. Маятник жизни точно знает свой маршрут: «тик» - в одну сторону, «так» - в другую.

№ 3. В ПЛЕНУ. ПУТЬ ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ

Мы шли по узкой заросшей тропе, наши конвоиры ударами мачете прокладывали дорогу. Захваченным в плен иностранцам надели наручники, и наша группа с каждым шагом всё глубже погружалась во влажный лес, напоминавший трясицу, из которой нет выхода. Ветки с шумом смыкались за спиной, как будто захлопывались двери. Джунгли – настоящие, не из сказок – это покрытые колючками и твёрдой листвой растения, густой кустарник, высокая трава, заросли бамбука и лианы. Фильмы, в которых обнажённые герои носятся босиком по этим самым джунглям, мягко говоря, не корректны. Весь лес стрекочет и шумит бесконечным множеством насекомых - листоедов и короедов. Представьте пенье цикад в средней полосе России и помножьте его на сто. Шли медленно, хотя конвоиры всё время подгоняли нас.

Пока человек жив, он думает о повседневных мелочах. Приговорённые к смертной казни просят в туалет или жалуются на пересохшее горло, будто идут не с жизнью прощаться, а занять места для зрителей. Вот и я поймал себя на мысли, что правильно поступил, надев джинсы и походные кроссовки, а не шорты и сандалии. Так же я снарядил в дорогу и Муан Чан – мою тайскую girlfriend. Может быть, сейчас одежда помогает ей избежать царапин и порезов. Куда эти бандиты повели её? И как сложатся наши судьбы?

А сейчас задача – дойти! Дойти, несмотря на жару, духоту и отсутствие кислорода из-за гниения листвы. Если в пути сломаться, конвоиры добьют. Сколько мы идём – неизвестно. Часы и мобильные телефоны отобраны.

Боясь споткнуться, смотрел на тропу, и не заметил, как собрались тучи. Полил настоящий тропический дождь, сопровождаемый громом и молнией. Казалось, с неба льются ни струи дождя, а сплошной поток, напоминающий водопад. Идти стало трудней, ноги скользили, и командир повстанцев, встав под кроной высокого дерева, подал знак остановиться. Страдавший отдышкой, пожилой американец всё время беспокоился о лекарстве, у него был диабет. Командир отряда не понимал, что от него хотят, и приказал пленному янки сесть на землю рядом с другими заложниками.

Состав захватившей нас банды делился на две группы. Одни - вооружённые, в одежде военного образца и армейской обуви, выглядели крепкими и упитанными. Другие - безоружные, худые, бедно одетые, в самодельной обуви из старых автомобильных шин. Именно они и несли отобранные чемоданы и сумки. Говорили они на тайском, отдельные слова я понимал. Наконец, дождь прекратился, и мы продолжили путь. Земля намокла, и один из носильщиков, не удержав равновесия, свалился в высокую траву. Быстро вскочив, он с испугом начал кричать своим товарищам, показывая небольшую ранку под коленом. Извивающееся тело змеи он держал в высоко поднятой руке. Куском ткани ему перетянули ногу выше укуса, сделали надрез на ране, и один из соплеменников начал, сплёвывая, отсасывать кровь. В рот пострадавшему всунули листья лекарственного растения, забрали у него поклажу, спрятали в мешок змею. Мы двинулись дальше.

Как-то в Индонезии, на малообитаемом острове, я увидел прямо посреди тропы большую, гревшуюся на солнышке, змею. Чтобы её вспугнуть, начал стучать ногами – ноль внимания, скинул сланцы и громко хлопнул одним о другой - фунт презрения. Из любопытства протянул ей шлепанец, - она тотчас приняла боевую стойку, потом попыталась вползти в него и укусить меня за руку. Тут только я понял, как мне везло до сих пор. Конечно, я верю учёным-герпетологам, утверждающим, будто змеи чутко улавливают малейшие колебания почвы. Это, однако, не означает, что змея готова при появлении человека, покинуть облюбованный участок. А я-то, каждый вечер, ступая на тропу, сначала топал ногами, «разгоняя» змей. У меня был реальный шанс наступить в темноте на змею и получить порцию яда. В то время судьба сберегла меня от опасности, хотя, в другой раз, на Тихом океане, я «влетел» рукой в щупальца по-настоящему крупной медузы. Это было немногим «приятнее», чем укус змеи. Когда удалось выбраться на берег, рука была синей с красными пятнами. Общаясь с природой, понимаю: я незванный гость, и змея, и медуза пытались объяснить мне, кто местный житель, а кто «понаехал». На закате солнца, мы подошли к реке. Нас ждали джонки с моторами. Укушенный змеей носильщик задыхался, его положили на дно лодки. Плыли против течения примерно час, не встретив ни одного поселения - только лес и горы. От шума моторов взлетают испуганные цапли, уплывают под защиту камышей дикие утки, медленно и неохотно сползают в воду крокодилы. Наконец, метрах в ста от реки мы увидели деревню. Обитатели хижин

выбежали на берег и с любопытством смотрели на нас.

Минуя толпу открывших рты аборигенов, нас погнали дальше к большому барaku. Рядом с ним находился полигон с полосой препятствий, тренажёрами и мишенями. Тут же в лесу стояли палатки повстанцев. Все было укрыто от посторонних глаз кронами деревьев и маскировочной сеткой с зелёными кусочками ткани. Самолёт или вертолёт пролетит, не обратив внимания на три десятка лачуг.

Из барака вышел ещё один командир, судя по строгому голосу и офицерскому мундиру главный в этой шайке. Хотя называть шайкой отряд захвативших нас людей и бойцов, тренирующихся на полигоне, неверно. При всём ненависти к ним, мне стало ясно, это не просто криминальная группировка, а отряд повстанцев, претендующий на дисциплину и подготовку к ведению боевых действий. Взяв наши паспорта, командир устроил перекличку. На моих «анкетных данных» сбился и начал злиться: страна - Лусия, имя - И-Голь Ла-Лин (Игорь Ларин). Голью быть не хотелось. Но бандит был прав: кто я на фоне зажиточных англосаксов, голь и есть голь. Правительство Таиланда разрешает иностранцам годами жить в стране вечноцветущих лотосов, при наличии солидного счёта в тайских банках. Большинству моих соотечественников такие суммы сбережений не угрожают даже в снах. Но мысли эти меня посетили не из-за зависти к иностранцам. Я понял, что если нас до сих пор не убили, значит, будут требовать выкуп. Или добиваться обмена нашей группы заложников на своих соратников, сидящих в тюрьмах.

После переклички один из повстанцев отвел меня к сарайчику, в котором мне предстояло находиться в заключении. Внутри он напоминал клетку, площадью два на два метра, пригодную для кур или свиней. Охранник снял с меня наручники и навесил на дверь замок. При внимательном осмотре клетка оказалась крепче, чем казалась снаружи. Довольно толстые, вкопанные в землю угловые колья, перпендикулярно им прибиты доски. Щели, закрытые вставленными между досок прутьями и замазанные глиной. Сколоченный из дерева низкий лежак. В углу глиняный горшок для отправления естественных нужд на треть наполненный водой, рядом кувшин с водой для «омовений». Помимо двери, в стене вырезана квадратная дыра, позволяющая просунуть миску с едой или кружку, не отпирая дверь. Кто придумал посадить нас по одному? От этого решения больше веяло иезуитской Европой, чем конфуцианской Азией. Каждый сарайчик стоял рядом с хижинкой. Это распределение устанавливало ответственность крестьянской семьи за заложником.

В повстанческой группе, как мне показалось, порядка ста бойцов. Судя по крикам и приказам, тренируются они в поте лица своего. Только небольшой патруль, два человека, обходит деревню по кругу. В сарайчике, метрах в тридцати от меня, заперта американка Келли. С другой стороны на таком же расстоянии от моей клетки заключён австралиец Арчи, я запомнил его имя при перекличке.

Уже стемнело, когда хозяйка дома, рядом с которым находится моя клетка, принесла металлическую миску с рисом и кружку с водой.

- Сватди кхраб (здравствуйте), - приветствовал я её.

Она растерялась: - Сватди ка (здравствуйте).

Речь мужчины и женщины в тайском языке различается. Если мужчина обращается к кому-то, он в качестве уважения прибавляет в конце фразы слово «кхраб». Если говорит женщина, она в такой же ситуации добавляет частицу «ка».

Я, принимая у неё еду: - Кхопкхун кхраб (спасибо).

Она улыбается и кланяется, сложив ладони перед собой.

Я, тыча себя пальцем правой руки в грудь (только правой, левой указывать не прилично, левой рукой выполняют мытьё тела в туалете): «Игорь».

Она, указывая на себя, тоже правой рукой: «Бан Чуен».

- Рау най пратхет тхай рыплау? (мы находимся в Таиланде, не так ли?), - спрашиваю я.

Она явно в замешательстве и не знает, что ответить. Потом утвердительно кивает головой и, поклонившись, уходит.

Интересная ситуация. Мы в Таиланде. Вот почему в аэропорту Хуа Хина, обслуживающем местные рейсы, не спрашивали никаких документов. Скорее всего, мы на границе с Бирмой, на тот случай, если повстанцы захотят быстро скрыться. Прокручиваю в уме разные варианты спасения. Солнце приходит в Бирму со стороны Таиланда, значит, бежать надо навстречу восходу. Если мы на территории этой страны, то есть шанс добраться до тайского городка и там обратиться в полицию? А если это всё-таки Бирма, то двигаясь к Таиланду можно столкнуться с пограничниками военной хунты, что означает верную гибель. С обеих сторон границы местность почти безлюдна. Горы и непроходимые леса. А для местных джунгли - дом родной. Мысли застучали в висках. Выпил воды, есть не стал. Нервное напряжение нарастало. Что они с нами сделают? А что с Муан Чан или Микки, как я её звал? Это моя вина, что пригласил её в поездку. Жара, безветрие, не шелохнётся ни один лист. Только мелкие мошки кусают вспотевшее тело. И это взвинчивает нервы ещё больше.

№ 4. МОСКВА – ДОХА – БАНГКОК ИЛИ ГИМН ПОЛЁТУ.

Вначале описываемых событий, ни что не предвещало опасности. В Москве купил билет на Катарские авиалинии по маршруту Москва - Доха – Бангкок. Почему выбор пал на эту авиакомпанию? Ответ покажется странным: из-за действующих в ней исламских правил, не разрешающих пассажирам напиваться. Премерзостная картина, когда, сквозь стекло опустошённых бутылок, видна сущность человека. Начинаешь понимать, что теория Дарвина о небожественном происхождении хомо сапиенс, не самая большая ошибка. Куда страшнее оскорбление обезьян, не по своей воле объявленных нашими прародителями. Родство с крокодилами или пираньями больше соответствует человеческой натуре.

Не беда, если турист, выйдя из здания аэровокзала на раскалённый асфальт, вдруг вспоминает, что кроссовки и носки он снял в самолёте. Или прибыв в Грецию, требует у гида, высадить его у «Голубой мечети», забыв, что прилетел в Афины, а не в Стамбул. И даже, когда девушка, желая осчастливить нового знакомого, громко на весь салон предлагает ему «всё проделать прямо щас». А он, по причине выпитого, уже не боец. Также пустяки, вы просто не спите и

завидуете, почему вы не на его месте.

Много хуже, когда пассажир курит там же, где стрельнул зажигалку или провоцирует драку. А не дай бог, туристу жарко, и он пытается открыть или разбить «непослушные люки». Это угрожает безопасности полёта в целом. Стюардессы, конечно же, разносят бесплатное лёгкое вино, но не более того. Наказание за пьянство весьма реально. Пассажиры делают пересадку в Дохе, столице Катара, и дебоширов могут снять с рейса и сдать в полицию. Я не состою в рядах общества трезвости, но право персонального комфорта и защита личного пространства для меня важны. Навязчивое желание подвыпивших сограждан спеть вместе с иностранцами и экипажем лайнера «Старинные часы ещё идут», при этом раскачивая самолёт в такт воображаемому маятнику, не вызывает у меня прилива патриотизма. Я никогда не был коллективистом. Не принимал волю других над собой и при этом не навязывал свою. Может поэтому, семейная жизнь, основанная на подчинении жены мужу или мужа жене, у меня не складывалась. До безразличных семейных отношений мы доживали, до равноправных – нет. Мне не удалось найти женщину под названием «крепкий тыл» или «надёжная опора».

С годами из холостяка-трудоголика я превратился в холостяка-пилигрима, ищущего повод улететь, уехать, уйти от повседневной скуки, от решения карьерных и бытовых проблем. Я развил в себе привычку к странствиям. Моя настоящая жизнь начинается с отхода поезда от платформы, с отрыва трапа от самолёта, с команды «отдать швартовы». Словом, я не герой нашего времени, а скорее изгой. Кто знает, кем бы я стал, родившись в эпоху открытия новых земель. Но эти размышления напоминают поговорку «дурень думкой богатеет».

Мне нравится чувство полёта. Уже взревели двигатели, и шасси, освободились от земли, оставив на ней мелкие заботы и сиюминутные хлопоты. Устроившись в кресле, убиваешь время беседой с соседями в ожидании бокала вина и стандартного набора блюд. На долгих перелётах время проходит неспешно. Даже самые суетливые откладывают свои лэптопы и телефоны, смиряясь с тем, что на бурлящую внизу жизнь невозможно повлиять. Припав к иллюминатору, смотрю на страны без границ, на непокорённые людьми вершины гор, на морские просторы, несущие волны за горизонт. Причудливые облака похожи то на сказочных зверей, то на лица ушедших друзей, то на глаза забытых женщин. Отвечая на самый популярный вопрос: «Where are you from?» - можно выбрать любую страну. И в ходе беседы присвоить себе интересную профессию, придумать звучное имя. На заоблачной высоте, только небо - судья вашим фантазиям.

Разбуженный стюардессой для очередного поглощения пищи, вдруг, чувствую присутствие Риммы. Этот смешанный запах цветов и пряностей Востока, притягивавший к её лицу, волосам, при прощанье в Домодедово. «Ангел или демон», - произношу я вслух, окончательно пробуждаясь. Проходящая мимо элегантная итальянка оборачивается и дарит мне «отбеленную улыбку», решив, что я с ней заигрываю.

№ 5. РИМКА – РИММА.

С Риммой, провожавшей меня в аэропорту, мы были в близких отношениях последние полтора года. Она нашла меня в интернете, позвонила. Встретились в кафе, недалеко от её работы. Вначале, обманываем себя, будто не изменились и сразу узнали бы друг друга. Отмечаем появившуюся с годами степенность и мудрость.... Хотя любой, не задумываясь, променял бы эти качества на прежние молодые годы.

Когда видишь любимую женщину спустя столько лет, это вызывает такое же щемящее чувство, как возвращение в дом, где проходило детство или прогулка по парку, в котором в юности учились целоваться. Между молодостью и зрелостью разверзлась пропасть, и она углубляется с каждым прожитым годом. Две стороны этой пропасти соединяет узкий качающийся мостик под названием память. И по нему всё труднее и всё бессмысленнее ходить. Словом, встретить женщину из прошлого и попытаться соединить образы той прежней и этой нынешней, задача не для слабонервных. Я ищу глазами знакомые черты лица, изгибы тела, улыбку Римки из тех ушедших лет. И, вдруг, замечаю, так же пристально смотрит и она на меня.

Римма преуспела: руководит большой фирмой, «добывает» деньги, имеет связи во властных структурах. И вместе с тем, в гостях у неё засиделось одиночество. Пусть гордое, пусть изящное, пусть чёрт знает какое, но одиночество. С мужем рассталась уже давно. А дочь живёт в Америке и, кроме денег, ничего не просит. Я ещё не решил, впускать её в мою жизнь или нет? Но она для себя всё определила, уже вошла и теперь «ищет тапочки».

Её желание найти меня окрепло после очередного дня рождения, когда её подчинённые и партнёры по бизнесу завалили её подарками и цветами. За лицемерными поздравлениями, утонувшими в шампанском, время прошло незаметно. Съели чёрную икру, растащили с подносов осетрину, обглодали нежные косточки молочного поросёнка и смахнули последнюю устрицу со льда. Наступила тишина. Одна среди «клумбы» подаренных цветов, пирамиды коробок с электротехникой, сервизами, часами. Где то здесь добытая по знакомству медаль, и грамота от министра. Она уверенно набрала номер мобильного и тут вспомнила: персональный водитель болен. В гараже офиса всегда стояла её запасная машина. Но она не рискнула после шампанского и виски продираться сквозь хаотичный московский трафик. Идти в метро с оранжереей цветов и складом коробок? Даже не смешно. Она не забыла рассказ богатой подруги, решившей после кальяна и текиллы проехать ночью на метро. Как говорится, вспомнить молодость. Она была задержана, обобрана и изнасилована щенками в милицейской форме. Да, она нашла способ отомстить, но это было уже потом.

И тут Римма поняла, что она плачет. Слезы, такие же солёные, как и в детстве, катятся по щекам и попадают в уголки рта. Ей стало жалко себя за одиночество, за отсутствие того единственного, с кем можно разделить радость этого вечера. Кому пришлось бы выслушать, какая она замечательная, и как об этом говорили гости. Она вызвала VIP такси, и, покрасневшийся от обильных чаевых, уроженец южных республик отнёс все подарки к дверям квартиры. Римма расставила цветы по вазам и на следующий день позвонила мне.

В школе у нас был роман: походы в кино, на концерты, долгие поцелуи и робкие попытки добраться до интимных мест. И, конечно, бесконечные клятвы.... Но первым её мужчиной был не я. В те годы нас не волновали вопросы материального благополучия. Мы просто дружили и просто любили, невзирая на заслуги родителей. Но мать Риммы, тётя Рая, одна поднимала семью, вкалывая на двух работах. Так что при появлении «состоятельного мужчины», офицера советской армии, она с удовольствием отдала дочку из однокомнатного рая хрущёбы в гарнизонное общежитие. Помню, Римма не очень возражала, офицерик был ладненький, светленький, голубоглазенький и, ко всему прочему, со стабильной зарплатой. Я же пошёл учиться в институт. А у студента, как у бомжа: член да душа. Иногда она присылала мне открытки, то с видами Сахалина, то с панорамой Владивостока.

Второе пришествие наступило, когда нам было по двадцать восемь. Её мужа прислали в Москву на учёбу. Встретились у меня в кабинете. Я видел не прежнюю смущённую девочку, а знающую себе цену женщину, с короткой стрижкой до боли знакомых тёмно-каштановых волос. Дорогой импортный костюм с воротничком стойкой и пара бриликов на руках подчёркивали её имущественный статус. Нога на ногу в дефицитных тогда, тонких чёрных колготках, поднятая в пределах разумного юбка. Тонкие накрашенные губы, принимавшие форму сердечка, даже при разговоре о пустяках. И глаза, обещавшие затянуть в омут с головой.

Нам хватило выкурить по сигарете, чтобы всё вспомнить и понять. Вместо кровати был стол со сметёнными на пол бумагами. Мы оба, как будто свихнулись, навёрстывая упущенное, отданное другим. Вместо совещаний я ехал к ней, вместо приготовления ужина она спешила ко мне. Я понимал, что подрываю оборонную мощь страны, так как некормленный муж-офицер - это плохой офицер, но ничего не мог с собой поделать.

Мои и её друзья, кто с чувством зависти, кто с осуждением, оставляли нам ключи от квартир и дач. Наша любовь напоминала цыганскую, кочевую. Надо сказать, за время гарнизонной жизни она усвоила такие приёмы сексуальных игр, что, казалось, предел возможного достигнут. Но в ход шли руки, губы, язык и кровь опять закипала. Меня так тянуло к ней, что, захлопнув входную дверь, я начинал её раздевать, целуя освободившиеся от одежды плечи, грудь. Спускаясь ниже, я чувствовал волнение её тела и готовность к близости. Кровь стучала в висках, были только мы и наши чувства. Дела, работа откладывались «на потом».

Через год моя жена созрела для похода с жалобой в партийную организацию, а её муж добился перевода на службу в Новосибирск. У меня была дочь, у неё была дочь. К тому же, на кону стояли карьеры: моя и её мужа. Я и она, мы оба струсили...

И вот теперь третий период нашей игры под названием совместная жизнь. Она пытается изменить мой холостяцкий быт, повлиять на привычный стиль жизни, создавая «душевный комфорт». Я делаю вид, что ценю это, в надежде отстоять хотя бы мой образ мыслей. С женщинами легко потерять индивидуальность, погружаясь в мирок мелких дел и хлопот, о которых забываешь через день, ну, ладно, через неделю. Римма с годами превратилась в «коробочку», складывающую в себя «необходимые вещи». Подобно кассиру

провинциального магазина, нанизывающему чеки на металлический штырь, Римма нанизывает на свою шею приобретения, которые обеспечат «достойное существование» на пенсии. К ближней даче прикупается дачня. К московской квартире добавляется квартира в Сочи. Она носится со своим имуществом, как курица с яйцом, постоянно что-то ремонтируя, охраняя, отсуживая, сдавая в аренду.

Какое место в этом водовороте дел занимает моя персона? Неизвестно. Может быть, я приравниваюсь к машине, а возможно, и к дальней даче. Её стимулирует страх отстать от подруг - «коробочек». Ну как же, у других есть мужичонки, должен быть и у неё. Она мало отдыхает, ведь отдых нельзя потрогать руками или уложить в «коробочку». В наших отношениях я боюсь увязнуть в паутине «цен на коврики», «смены обоев», «покупки новой ванны» и т.д. и т.п.

Никогда не поверю, что жизнь отпущена человеку для накопления имущества. На тот свет с карманами не пускают. Попытки древних цивилизаций «снабдить» в последний путь фараона или императора «всем необходимым» не имели успеха. Если человек создан по образу и подобию Бога, то Он кто?

Мне возражают: - Человек, любитель пива, футбола, кожаных курток и сигарет, - создан для продолжения рода.

Мой вопрос: - Для продолжения рода кого? Любителей пива, футбола, кожаных курток и сигарет? Может быть и так. Но тогда какое это имеет отношение к Всевышнему? Разве Христос шёл на казнь за куртки, сигареты и пиво?

Я и Римма живём в параллельных мирах, раз в неделю, пересекаясь для секса. Эти любовные встречи со временем становятся ритуалом, от которого нельзя увильнуть. Мы уже не меняем позы, только вспоминаем об этом. По её словам, я ещё похож на персонажа анекдота, который, выступая в цирке, членом колот грецкие орехи. А состарившись, стал колоть кокосовые орехи, объясняя это плохим зрением. Нам ещё удаётся получать удовлетворение друг от друга, хотя мысль сделать «это» спонтанно в ванне или на ковре, как раньше, в голову уже не приходит. А может быть такова форма любви, или хотя бы привязанности современной российской женщины, пытающейся не только везде успеть, но и преуспеть?

Да, между мужчиной и женщиной достигнуто равноправие: «Всем полам – пополам». И слабая половина человечества, успевающая похоронить сильную, набирает всё больше прав и свобод. Не мужчина выбирает женщину, а она его. Прекрасный пол диктует поведение в постели: акт без презерватива приравнивается в Европе к изнасилованию. Из-за репутации «ходока» в Берлускони бросают тяжёлые сувениры, калечащие лицо. Таскают по судам за связь с несовершеннолетней марокканкой, которая сама не знает, когда и где родилась.

Бывшему президенту Израиля Моше Кацаву «присуждают» максимальный срок – семь лет тюрьмы и огромный штраф за два случая принуждения к сожительству, совершённые ещё в прошлом веке, когда он был министром. За давностью лет никто не помнит, что, может быть, это он с трудом отбил от навязчивых приставаний секретарш.

Билл Клинтон до сих пор вздрагивает, видя женщин с эскимо или леденцом на палочке. При этом вторая половина «оральной любви» - Моника Левински,

ничуть не стесняясь, заколотила деньги за описание того, за что Клинтон поплатился карьерой в возрасте всего-то 42 лет. Да, всё очень феминистично и демократично. Но при этом процент одиноких людей стремительно растёт. Американские яппи всё реже женятся, боясь финансовых потерь при расторжении брака. Всё больше мужчин и женщин изменяют телевизору только с компьютером или наоборот.

№ 6. В ПЛЕНУ. КАНАДЕЦ, РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

Ангел, я снова прерываю свои мысленные наброски. Они помогают мне не сойти с ума под раскалённым солнцем, в джунглях, с кричащими на все голоса птицами и нехваткой кислорода из-за гниющих растений. От головной боли перепутались явь и сон, кожа покрыта красными пятнами и зудит от укусов насекомых. Таких мелких и бесцветных, что с тоской вспоминаешь конкретных российских комаров, которым нам хоть иногда удаётся отомстить.

Охранники, возбуждённо крича, ходят от клетки к клетке. Они достают какой-то предмет из мешка и показывают заложникам. Юная американка вскрикнула и потеряла сознание. Охранники засмеялись.

- Сюрприза не получится, гниды, - сказал я вслух. Вслух я говорю здесь всё, что хочу. Никто не понимает по-русски. Вот уж где полная свобода слова. Ещё утром тайка, которая приносит еду, сообщила, дополняя речь жестами, что один из заложников убежал вместе с двумя местными. Но их поймали.

Повстанцы подходят к моей клетке. Самый злобный из них - Винай, выхватывает мешок у другого охранника, чтобы насладиться самому моим замешательством или испугом: - Лусия, лука, лука! - Он достал голову канадца.

- Кем был этот смелый человек? За что ты убил его? Он назвал тебя дураком и вором? Но ведь это правда. - Я говорил на английском медленно и простыми словами, зная, что кто-нибудь поймёт. Ему перевели. Охранники рассмеялись, его многие не любили. Он с ненавистью посмотрел на меня. Я провёл рукой по своей щеке. Мы с ним поняли друг друга.

Вчера рано утром, когда меня смарил сон, он зашёл в клетку и провёл руками по моим щекам. Я проснулся и понял в чём дело. Это была кровь американской девушки. Они изнасиловали её. В ту ночь он, как всегда, подходил к Бан Чуен проверить мою еду и воду. И не плюнул, как обычно, в миску с рисом. Теперь он достал и развернул клочок бумаги, показывая мне белый порошок. Как же я, идиот, не понял, что его «доброта» продиктована коварством. Винай показал руками, как он насыпал порошок в мою пищу. Затем, сложив ладоши, изображая, как крепко я сплю. Посмотрел в сторону сарайчика американки и сделал руками неприличный жест, понятный во всём мире. Он смеялся, демонстрируя свою власть над пленными. Его распирала гордость от собственной значимости и хитрости.

- Ах ты, гнида, - сказал я, - изнасиловал девушку и гордишься. Я постараюсь выжить, чтобы тебя кокнуть.

Он злорадно улыбался, ничего не поняв.

Я не мог начать петь или выкрикивать слова «песни протеста». На душе было очень мрачно. Смерть настигла уже второго заложника. Первым погиб из-за

отсутствия лекарств американец, болевший диабетом.

И вот теперь канадец. Я запомнил его: высокий, худощавый, с крепко скроенной спортивной фигурой. На вид лет сорока-сорока пяти, с неутраченным задором бойскаута в глазах. Он, как и я, был с тайской женщиной. Судя по их привычному общению, это была семейная пара. И, когда от общей группы отделили тайцев, он бросился спасать свою жену, но, получив удар прикладом, упал на пыльную дорогу. Думаю, он очень любил её, если решился бежать из плена. Канадец свободно говорил на тайском, и смог подговорить двух местных на побег вместе с ним. Я сидел в углу клетки и думал о нашей судьбе, когда внезапно услышал свою «песню протеста», звучащую на другом конце деревни. По акценту узнал поляка, с которым познакомился незадолго до нашего пленения. Он пел, старательно выговаривая слова, я подхватил припев. Ближе к вечеру, когда спала жара, и крестьяне вернулись в свои лачуги, на площадь привели юношу и девушку. Они любили друг друга, но её продали охраннику. Поэтому они решили бежать вместе с канадцем, рассчитывая на его поддержку в Таиланде. С них сняли одежду, растянули, как шкуры животных на специально подготовленных жердях, и начали бить бамбуковыми палками. Первым ударил командир повстанцев, показывая, как надо бить, потом по кругу пошли все селяне. Если кто-то бил недостаточно сильно, то сам получал удары от охранников. Заложников вытащили из клеток и тоже пригнали смотреть на экзекуцию. Вначале хотели и нас заставить бить юных влюблённых, но австралиец Арчи наотрез отказался и выбросил протянутую ему палку, получив за это несколько ударов. Со стороны крестьян тоже начали звучать возгласы протеста. Поняв, что мы оказываем «плохое» влияние на местных, командир выругался и отошёл от группы иностранцев, обрушив свой гнев на головы крестьян.

Девушка громко кричала, юноша молчал. Не знаю, как ему это удавалось. Он вёл себя, как герой. Невозможно было пассивно смотреть на расплывшуюся от ударов кожу и брызги крови. Иностранцы стали свистеть и кричать, в ответ охрана принялась избивать и нас тоже.

Воду и пищу в этот день не давали, устроив коллективное наказание. Несмотря на строгий запрет, моя «кормилица» ночью принесла мне миску риса с куском рыбы и кружку воды. Отпив половину, я попросил её отнести воду американке. Она боялась, но потом, всё же, выполнила просьбу, видя мои поклоны и сложенные на груди ладони. Уходя, она сморщилась и указала рукой на свою спину, давая понять, что ей самой сегодня досталось за слабые удары беглецам.

Забитые до смерти влюблённые остались лежать на площади. Утром крестьянам разрешили похоронить их в лесу. А еще говорят, Шекспир устарел, - подумал я с грустью.

№ 7. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В СИАМЕ. ЧАО ПРАЙЯ.

За разговорами и ужином время пролетело незаметно. Вот и пересадка с рейса Москва – Доха на рейс Доха - Бангкок. Часа хватает, чтобы размять ноги, выпить чашечку арабского кофе, выйти в интернет, который ловится на счёт

«раз» в любой части аэропорта. Отдельная тема - пестрая разноплеменная толпа пассажиров. Она напоминает межпланетную тусовку из «Звёздных войн». Когда-нибудь, века, этак, через три, люди будут говорить друг другу: «это было давно, в те времена, когда всё человечество обитало на одной планете Земля». И им будет казаться очень примитивной жизнь всего на одной маленькой планете.

Только в больших транзитных аэропортах понимаю, как мало я видел. В очереди за чашкой кофе передо мной грациозный кенийский тур-агент, в наброшенной на плечо шкуре гепарда. А в затылок мне дышит здоровый, как буйвол, наркоторговец из Нигерии. На пластиковых сиденьях в зале ожидания малазийка в платке, работающая прислугой в Эмиратах, а рядом - небрежно, но дорого одетый европейский авантюрист. Вот мимо прошёл завернутый в белые одежды араб с часами на руке, равными по стоимости часам высокопоставленного российского чиновника. А на ступеньке споткнулся сикх, никогда не стриженный волос, спрятанных под чалмой.

Но самое занятное зрелище – одетые с головы до пят в чёрное, гаремы восточных жён, послушно следующих за своим господином в костюме от-кутюр. От коконов их отличают только прорези для глаз. Ах, эти глаза! Когда нельзя показать ни прелести тела, ни модную одежду, всё сообщают глаза: живые, игривые, любопытные, чёрные, как спелые вишни. Что там европейские комплименты: «твои глаза глубоки, как море», «в твоих глазах отражается голубизна озёр». В глазах заживо замурованных восточных женщин читается мудрость и хитрость пустыни. Пусть пошляки говорят, что в женщине главное ноги, бёдра или грудь, - не верьте. Только глаза могут сказать «да» или «нет», выразить любовь или ненависть. Глаза - это видимая часть души человека, что может быть важнее?

В аэропорту Бангкока меня ждали водитель на новеньком лимузине и носильщик. Оба в фирменных костюмах отеля с «золотыми» пуговицами и в фуражках. Доехали быстро по скоростной платной дороге, проложенной на многие километры над городскими трассами. Вот и отель «Menam riverside». Даю по сто бат чаевых, тайцы кланяются и благодарят. Из номера прекрасный вид на реку Чао Прайя (Chao Phraya). Открываю окно. В охлаждённый кондиционером воздух вползает жара, настоящая тропическая, напоённая влагой, пропитывающей одежду сразу и всю, будто встал под душ. Июль – сезон дождей, но осадки выпадают редко. В основном, как по расписанию, во второй половине дня проходит часовой ливень, смывая всю пыль с асфальта и деревьев. Потом, словно нажали на выключатель, дождь прекращается. Через двадцать минут сухо, будто и не было потоков воды. В горах, в джунглях устанавливается настоящий сезон дождей, но не на побережье, где давно вырублены хранящие влагу леса. Я замечаю, что с моего последнего визита в марте, река стала более полноводной и поменяла цвет своих потоков с серо-стального на светло-коричневый. Смотрю на воду, на набережную отеля, пощипывая фрукты из

вазы, поставленной к приезду. Созерцание воды успокаивает нервы. Река будто говорит со мной, жалуясь на плывущие ветки деревьев с сидящими на них цаплями, кораблики с туристами, гружёные баржи, покорно гонимые катерами, набитые пассажирами паромы. А вот, расталкивая длинные узкие лодки, гордо плывут, как хищные птицы среди рыб, корабли военно-морского флота.

- И так каждый день. Думаешь, мне легко? - шепчет река.

Меня будит стук в дверь, улыбочивые горничные что-то уже меняют, хотя я задремал, не успев не к чему прикоснуться.

Люблю селиться в отелях у реки, на верхних этажах. Во-первых, лучше воздух, во-вторых, красивые панорамные виды, в-третьих, более спокойная и консервативная публика. Гостиницы, расположенные вдоль реки, в среднем дорожке, чем в других частях Бангкока.

Накинув отельский шёлковый халат и просунув ноги в отельские же шлёпанцы, спускаюсь к бассейну. Выйдя из лифта в холл, попадаю в сети тайской вежливости, столь непонятной и чуждой российской ментальности. Первым вступает в игру швейцар у лифта, сообщая сэру, то есть мне, что сегодня хороший день: (good day, sir). Дальше эту «полезную» информацию доводит до моего сведения каждый работник отеля, находящийся в радиусе 10 метров по ходу движения. Если вы живёте в отеле продолжительное время, то с вами из приличия будут пытаться ещё и поговорить (how are you?). Что предполагает в вашем ответе хотя бы: - I'm fine, and you? И затем вас благодарят за внимание и сообщают, что он (она) тоже fine. Через две недели я уже называю это «навязчивым дружелюбием». И пытаюсь предложить администрации отеля план сокращения обслуживающего персонала, в силу их постоянного мелькания перед глазами.

Деловым людям Востока, по моим наблюдениям, наоборот, нравится обилие работников и их постоянная готовность услужить за необременительные чаевые. Персонал чувствует различие культур и ведёт себя подобострастно с восточными гостями: вставая на колени при получении заказа, сгибаясь до пояса, чтобы не попасться на уровень глаз «господина». Часто прислуга отеля изображает на лице невероятный испуг от близости к «влиятельной особе» в ранге младшего помощника, младшего менеджера китайской или сингапурской фирмульки. Окружение своей персоны свитой, готовой к исполнению прихотей господина до сих пор широко принято на Востоке, каких бы ревнителей демократии они не изображали перед европейцами или американцами. Вы помните сказку времён социализма о том, что в обеденный перерыв простой японец бьёт (метелит) фигуру босса фирмы, спуская пары злобы и раздражения. Забудьте, этого не было никогда, и быть не могло, в силу иерархических традиций.

Нормальный западный человек будет чувствовать себя неловко при постоянной демонстрации услужливости и покорности. И работники отеля с европейцами держатся более независимо. Я вспоминаю, как в одном дорогом отеле Индонезии официантка, которой я нравился, хлопала меня по плечу, очевидно, насмотревшись по телевизору на президента Буша, любителя похлопать по плечам своих гостей. Бедная девушка полагала, что это требование этикета.

№ 8. «МАЛЬВИНА» ИЗ КОСОВО.

Поплавав в мелковатом бассейне, рассчитанном на тайский рост, и получив сеанс массажа, пытаюсь опять подружиться с Морфеем, делая вид, что читаю журнал. А вдруг бог сна пожалеет меня и заберёт хоть на время в своё царство. И он, действительно, пожалел меня после ночного перелёта, но что это?

- Привет, привет, эй ты, привет! Хватит спать! Давай кормить рыбок! - будит меня звонкий детский голос. Открываю глаза: рядом стоит кареглазая «Мальвина» и протягивает мне сразу четыре пакетика с кусочками хлеба. Продавщица-таиландка, обращаясь ко мне с поклоном на ломанном английском:

- Девочка сказать, вы она папа и платит рыба еда. Четыре пакет она отдавать рыба.

- Да, конечно, заплачу, - киваю я.

Мы бросаем куски хлеба с пристани. Сплываются сотни сомов, прикормленных прислугой отеля для развлечения иностранных гостей. Крупные, длиной с вытянутую руку, они пробираются к крошкам по спинам друг друга, толкаясь и жадно раскрывая рты. Я подумал о том, что мы, люди, такие же ненасытные и жадные. Нас тоже прикармливают к определённом месту. И мы каждый день бегаем на работу, чтобы получить свою порцию крошек. И точно также лезем по спинам друг друга, желая отхватить кусок побольше.

- Нет, рыбы хорошие, они просто очень голодные, они намного лучше тех страшных людей, которые нас обижали дома, на родине, - «Мальвина» неопределённо показала рукой в какую-то только ей понятную сторону. Я невольно вздрогнул, услышав в словах девочки продолжение моего мысленного монолога.

Смотрю на неё: - Ты о чём?

Она смотрит на меня: - А ты?

Подбегает взволнованный мужчина: - Вы извините меня, я читал газету и заснул, а дочь убежала. Я, конечно, заплачу за корм. И он принялся отчитывать девочку за побег, на понятном мне славянском языке.

- Не ругайте её, - сказал я, - она хорошо себя вела, а корм – это пустяки.

Извините, откуда вы, ваш язык очень похож на мой?

- Мы из Сербии, но в настоящее время я работаю в Сингапуре, в порту. В Бангкоке я по делам фирмы, и дочь взял с собой, её не с кем оставить. А вы?

- Я из России, из Москвы.

- Из России? – спросила взволновано девочка. - Русские, ну что же вы не помогли?

Отец смутился: - Что ты, русские наши братья, мы одной веры. Он говорил с ней на сербском, но я понимал.

- Как же вы так с нами, русские? - вновь спросила девочка.

Теперь уже смутился я.

Отец начал оправдываться: - Дочка очень переживает, что мы уехали из дома, да и дома больше нет. Мы ведь жили в Косово. Её бабушка сгорела в церкви, верующие заперлись там, хотели спасти старинные иконы, а албанцы сожгли

их вместе с иконами. Её друзья далеко от нас. Дочка очень переживает отъезд с родины. Жена у меня умерла пять лет назад, и дочь жила у бабушки. А теперь вот, – он растерянно развёл руками.

Я с сочувствием посмотрел на ребёнка: - Ты храбрая девочка. Как тебя зовут?

- София, - быстро ответила она и взглянула на отца.

- Вообще-то она Зорица, но, после гибели бабушки упорно называет себя Софией, - пояснил её отец, - хотя никто из родственников не носит этого имени.

Я уже не возражаю, может это голос свыше. Впрочем, среди женщин, оберегавших иконы, была одна с таким именем – известная в наших краях прорицательница. Она погибла там же в церкви в тот страшный день.

Услышав слова о прорицательнице Софии, я замер и внимательно посмотрел на девочку. Господи, неужели это возможно? Нет, нет, конечно, совпадение.

Девочка очень впечатлительная и предсказательница судеб, с её уверенной манерой держаться и говорить, повлияла на ребёнка. Тем более, в условиях войны, мученической смерти бабушки и других женщин. Погружённый в эти мысли, я что-то пробормотал, стараясь выразить соболезнования.

От внимания ребёнка не ускользнуло моё замешательство.

- Ты не расстраивайся, мы ведь живы, - вдруг сказала она, - а вот ты в опасности.

Произнося эти слова, девочка как будто повзрослела и превратилась в маленькую женщину, уже познавшую цену смерти, ещё не изведав радости жизни. Мне на мгновение показалось, будто уже видел этот взгляд, устремлённый в бескрайнюю даль. Так смотрят в пустыню.

- Извините, так получилось, - сказал серб, - выплеснули на вас свои горести.

Отец взял за руку Зорицу-Софию и пошёл с ней к бассейну. Она повернулась и помахала мне рукой. А я стоял и думал: «В опасности лично я или Россия? Что имела в виду юная прорицательница? В этом английском, как известно, «ты» и «вы» не различимы, существует только «you». Под впечатлением беседы с девочкой из исчезнувшей с карты Мира Югославии, я вспомнил черногорскую поговорку во время воин с турками:

- Нас много, сто один миллион, - говорили они, - сто миллионов русских и один - черногорцев.

В моей памяти девочка так и осталась Мальвиной из любимой в детстве сказки. Мальвиной, предупредившей безнадёжного романтика Буратино о надвигающейся опасности. Но деревянные мозги романтика были поглощены мыслью о золотом ключике, который решит все его проблемы.

И вот теперь, лёжа на подстилке из соломы, я пытаюсь восстановить в памяти подробности поездки в Югославию. Неужели прорицательница София смогла передать свой дар этой малышке, потерявшей и близких, и друзей, и свой дом, и родину?

Но не буду забегать вперёд. У меня сегодня очередная бессонная ночь.

Дежурит Винай – самый злобный из наших охранников. Важно не заснуть, иначе некому будет спасать от издевательств юную американку. В этом акте пьесы, драматургом которой является Судьба, у меня и Виная интересное распределение ролей. Он играет злодея и с удовольствием убил бы меня, но не может: командиры рассчитывают получить выкуп. Я играю роль шута, допекая его насмешками в присутствии других охранников, и он бесится от

злости. Самое неудобное, что уйти на антракт я смогу только на рассвете, когда Винай сдаст своё дежурство.

Мысленно переносюсь на тысячи километров западнее Сиама. Перед глазами встает поездка в Югославию. В её составе в то время оставались только Сербия и Черногория, остальные республики отделились и получили независимость. Я прилетел первым рейсом после снятия блокады. На пятнадцать дней моим домом стал маленький курортный городок Игало на берегу Адриатического моря. Меня интересовали вопросы развития туризма из России в эти обласканные солнцем земли.

Повсюду были заметны следы войны. На лётном поле, куда нас доставил старенький югославский самолёт, ещё лежали не убранные военные истребители, расстрелянные авиацией НАТО прямо на земле. На скале в километре от отеля виднелась бетонная конструкция только недавно замолчавшего вражеского дота, а дороги патрулировали солдаты ООН. Но всё это не имело значения, всем хотелось верить, что наступил долгожданный мир. Забегая вперёд, должен сказать, что до мира было ещё далеко: прекращение боевых действий стало лишь коротким перекурком между войнами. Затихшее течение реки перед водопадом.

Всё было в запустении: периодически гас свет, возникали перебои с водой. Туристов не было, и рестораны, закрытые во время войны, робко возобновляли работу. В первую ночь приключилось небольшое землетрясение. Покачавшее кровати, как в детстве, - так, чуть-чуть, чтобы лучше спалось. А утром налетел ураган, выбивший стёкла в окнах. С заходом солнца на город упала тьма. Чёрные горы слились с чёрным небом, и невозможно было определить, где заканчиваются огни уютящихся в скалах деревень, и где начинается мерцанье звёзд. То ли огни поселений взлетели в небо, то ли звёзды свесились до земли.

По вечерам в отеле возникали проблемы с электричеством. И в большом полупустом обеденном зале зажигали свечи. После обеда (по русским понятиям – ужина) немногочисленные постояльцы и собравшиеся гости кружились в вальсе или исполняли страстные фигуры танго, как когда-то до проклятой войны. Залезавшиеся в сундуках костюмы, жилеты и бабочки были опять востребованы, заменив военную форму мужчин. Глаза женщин святились надеждой на будущее, и вышедшие из моды платья порхали, как мотыльки, на зависть модельным домам Европы.

Музыка была живая. Оркестр, состоявший из духовых, смычковых и клавишных был единственным профессиональным на побережье от Игало до Будвы. Его музыканты сопровождали местное население от рождения до гроба, исполняя и свадебный марш Мендельсона, и похоронный Шопена. Скрипка, плакавшая над песней партизан (напоминавшей романс на музыку Варламова «Белеет парус одинокий»), сменялась разливистым аккордеоном и русской «Катюшей», с поклоном нашему столу. И вдруг, тихая, но набирающая силу, а потом радостная, бравурная «Хава нагила» - это местные прощаются с группой

русскоговорящих израильтян, сражавшихся на стороне Сербии. «Кто-то должен отблагодарить их за то, что они спасали евреев во время Второй мировой», - так израильтяне-добровольцы объясняли своё участие в войне. Халтурить музыканты не привыкли, и зачастую играли до последней танцующей пары. Несмотря на проблемы сервиса и «шалости» природы, такой теплоты человеческого общения я не встречал, пожалуй, нигде в моих многочисленных странствиях. Уже через пару дней я беседовал с местным священником на богословские темы. Мы сидели в плетёных креслах под пальмами около маленькой православной церкви, где на декоративной изгороди крупными кистями, похожими на виноградные, свисали спелые плоды киви. Капитан пассажирского кораблика кричал мне через всю улицу: «Салют, Москва!». Такси ещё не начали работать, а подвозившие частники категорически отказывались брать деньги, говоря: «мы братья». Водители гордо сообщали, останавливающим машину военным патрулям: «я везу русских».

Трогательные рассказы местных женщин о том, кто у кого и где погиб (они знали, мне это не безразлично, я пойму). Официантка в придорожном кафе, читавшая наизусть Есенина. Торжественный вынос блюд на серебряной посуде в маленьком семейном ресторанчике под аплодисменты присутствующих. И старая женщина по имени Ольга, говорившая: «люблю я русских, - и после некоторой паузы, - сама не знаю за что». Эта безответная любовь маленькой Черногории к огромной России так и осталась загадкой в моей памяти.

Удивляла сохранившаяся близость языков между народами, разделёнными сотнями километров и разными историческими судьбами. Мы с женой (тогда мы ещё не расстались) заблудились в горах, начался дождь – «киша пада», как говорят местные. Надо было как-то спускаться вниз на набережную. И мы обрадовались, встретив группу ополченцев с автоматами, которые с первых слов определили нашу национальную принадлежность, с удивлением и радостью сообщив друг другу: «Руски није нашао свој пут».

С обозначением слова набережная дело обстояло сложнее. Перебрав названия на нескольких иностранных языках, я перешёл к жестам, изображая руками волны и землю с фонарями и скамейками. Командир ополченцев, измученный непонятными словами, сразу оживился и сказал с улыбкой: «А, шаталище?! ». Всё оказалось так просто и похоже на наше привычное выражение: «пойдём, пошатаемся».

Были и бесконечные спонтанные знакомства и разговоры. Одна из таких встреч запомнилась особенно. Мы пошли на виллу Иосипа Броз Тито, яркого оппонента Сталина, а затем и Хрущёва в вопросах развития социализма. Здание, окружённое небольшим парком, с многоголосым кваканьем древесных лягушек, стояло в запустении. После смерти президента Югославии в 1980 году, в нём никто не жил. Тем не менее, охранник разрешил в его присутствии осмотреть виллу.

К нам присоединилась пара молодожёнов из Белграда – Драган и Милинка. Она преподавала русский язык в школах Белграда, а он увлекался славянской литературой и являлся автором научных книг. Они впервые за долгое время выбрались из города на weekend. От них исходила энергия и радость восприятия Мира во всех смыслах этого слова.

Мы прогуляли вместе всю ночь напролёт. Обошли приморские кафе. Танцевали, читали стихи на сербском и на русском, исполняли народные песни и, шутя, ходили по кругу со шляпой, собирая мелкие монетки. Монетки, конечно, отдавали детям. Затем двинулись по горной дороге к ресторанчику, принадлежавшему известному в прошлом баскетболисту по имени Петр. Высокий рост, имя хозяина и знание местным населением российской истории, предопределили прозвище ресторатора – «Пётр Первый». Владелец заведения уже спал, но был поднят с кровати лаем собак и нашими криками. Газовое снабжение отсутствовало и, чтобы приготовить ужин, надо было вновь растопить остывшие печи. Объяснив сложность приготовления пищи, Пётр посмотрел на наши весёлые лица и сдался. Спустя время на стол водрузили котёл с дымящейся телятиной с овощами и кружки с местным пивом. «Пётр Первый» был усажен на почётное место во главе стола, и мы дружно приступили то ли к очень позднему ужину, то ли к очень раннему завтраку. Утром этого же дня, несмотря на бессонную ночь, мы на машине отправились в горы, в сторону Подгорицы, древней столицы Черногории. Наши сербские друзья предложили заехать к известной прорицательнице Софии. Милинка намекнула на проблемы со здоровьем Драгана и их желание получить совет от самой Софии.

Я внимательно посмотрел на Драгана. Худое смуглое лицо, очки, вьющиеся чёрные волосы, худощавая крепкая фигура. Впечатления большого он не производил. Разве что смахивал на интеллигента, но это, по-моему, серьёзным заболеванием до недавнего времени не считалось.

Драган ведёт машину по узкой горной дороге: с одной стороны отвесная стена, устремлённая в небо, с другой пропасть, уходящая под углом 90 градусов к морю. Мы на высоте полёта стрижа в ясную погоду. Одно неверное движение водителя и то, что от нас останется, можно будет отскребать от скалы. Я уже жалею о бессонной ночи, понимая, что Драгана не стоило водить по кабакам. Ещё хорошо, что он не забывает громко сигналить перед поворотами. По этой однополосной дороге машины снуют в двух направлениях, вжимаясь в камни, чтобы пропустить встречное авто.

А безразличные к людским проблемам горы купаются в лучах солнца, играя разноцветными красками. Они будто соревнуются, чьи склоны ярче и нарядней. Внизу переливаются волны, меняя цвет от светло-голубого до синего, от зелёного до бирюзового. Не случайно местные называют море - Ядран. У меня это название ассоциируется с редким камнем, сверкающим всеми гранями одновременно.

№ 9. ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА СОФИЯ

Наконец, мы перестали скользить вдоль пропасти, словно канатоходцы без страховки, и свернули на дорогу, ведущую в ущелье.

Минут двадцать езды по окружённой горами долине, и мы у дома Софии, похожего на маленькую средневековую крепость. Сзади крепостное сооружение прижалось к отвесным скалам, а на долину настороженно смотрело высокой стеной, выложенной из больших неровных камней.

Мы уже подъезжали, когда распахнулись ворота, выпуская на волю два автомобиля. Белградцы зашептали имена высокопоставленных чиновников. Бородатый охранник, одетый в чёрное, нагнулся к Драгану, тот назвал себя, и нашу машину пропустили во двор.

- Мы ей писали и договаривались о встрече, - пояснила Милинка.

Внутри территория была просторней, чем казалось снаружи, и вмещала в себя массу хозяйственных пристроек и сараев для скота, который пасли в долине, окружавшей дом. Нас посадили под навес и дали по кувшину козьего молока и по краюхе хлеба с мёдом. Через десять минут всех позвали к Софии. Она встретила нас на крыльце, одетая в чёрное платье.

- Почему они все в чёрном? - только успел подумать я, как она тут же ответила:

- Потому что скорбим за всех вас, грешных. Со счастьем и весельем сюда не приезжают, всё больше с горем да с потерей невозвратной. Верни мол, любые деньги дам, а я не Бог и не заместитель его. Я всего лишь старая Софья, которой ничего не надо, у меня всё есть, - она развела руками по сторонам, как бы показывая своё хозяйство.

- Но раз дан мне дар такой - помогать да предсказывать, то несу я свой крест согбенно, и не ропща. Она говорила небыстро, с налётом театральности, и Милинка успевала нам переводить, хотя большая часть монолога была ясна без перевода.

Потом София внимательно посмотрела на нас: - Не от того ты умрёшь, чего боишься, - сказала она Драгану, впуская его в дом.

И повернувшись ко мне: - А ты подожди, ты недавно приехал, в день, когда тряслась земля и дул сильный ветер, - она улыбнулась, - София знает.

Минут через двадцать Драган вышел. Он был растерян и задумчив. Следом пошла Милинка. Я проводил её глазами. Двадцать пять лет, не глупа, симпатичная мордашка, фигура полновата, но это искупают стройные ноги.

- Какие могут быть вопросы к гадалке, когда тебе всего двадцать пять, - думал я.

- У нас не получается родить ребёнка, - сказал Драган.

Я с удивлением посмотрел на него, начиная привыкать к способности местных читать чужие мысли. Через полчаса вернулась погрузневшая Милинка и положила голову на плечо Драгана, они обнялись. Далее проследовала моя жена, и, наконец, настал мой черёд.

Я не ждал от этой встречи ничего нового и пошёл скорее за компанию, неудобно было отказаться. Перешагнув порог и закрыв за собой дверь, я оказался в просторной комнате с опущенными шторами и задрапированными чёрной тканью стенами. Вдоль стен висели зеркала, в них отражалось пламя свечей, расставленных в подсвечниках по комнате. В комнате никого не было и я без приглашения сел в большое кожаное кресло, стоявшее напротив стола. Зеркала были расположены с таким расчётом, что в одной стороны я увидел отражение колыбели, а с другой - гроба. На память пришла восточная мудрость:

В колыбели – младенец, покойник – в гробу:

Вот и всё, что известно про нашу судьбу....

Воздух в комнате был насыщен травами, и немного кружилась голова.

- Ну, здравствуй, сударь мой, - услышал я сзади голос Софии. Она говорила на

русском. Я невольно вздрогнул.

- Да, да, я русская, не удивляйся. Я вижу, ты не разболтаешь, не предашь, воспитание не позволит. - Она села за стол напротив меня, сняла с головы платок, волосы были седые, уложенные сзади в узел.

- Голова устаёт от платка, - сказала она, извиняясь, - ну спрашивай, что тревожит тебя.

Я внимательно изучал её лицо, - умные уставшие глаза смотрят сквозь меня и устремлены куда-то вдаль, как будто она вглядывается в бескрайнюю пустыню.

Тонко очерченный профиль, смуглая кожа, немного выступающие скулы. Уверенные и, в то же время, плавные движения. Во всём её поведении, в словах и жестах читался сильный характер, способный подчинять других.

«Столбовая дворянка, не иначе», - подумал я.

- Да, - прочтя мои мысли, сказала она, - род Юсуповых мне не чужой. Как и их семья, я веду родословную от ногайского хана Юсуф - Мурзы. Это я говорю не для того, чтобы похвастаться, а хочу объяснить, как много видела и как устала.

- Так вы хотите сказать, что живёте с тех пор?

- Иногда мне кажется - да, иногда - нет. Порой я слышу топот коней, скачущих по степи, вижу горящие города и орущих от горя баб.

Она немного помолчала, словно прислушиваясь к звукам доступным только ей, и продолжила: - Вижу как десятки, сотни тысяч людей покидают залитую кровью Россию. Как растекаются они по разным странам. Как их потоки из рек превращаются в ручьи и засыхают, испаряясь в другой культуре, в других языках и нравах. Тысячи великих учёных, писателей, музыкантов, крупных финансистов, прославленных полководцев, где они и их потомки? И где сегодняшняя Россия, и помнит ли своих детей, зачастую изгнанных ей же самой в дальние страны? Вижу, вновь устремятся из неё эмигранты в поисках свободы и новых экономических возможностей. Господи, как медленно меняется этот мир. Всё та же деспотия, всё те же вольнодумцы. Всё те же гении и всё те же злодеи проходят через века, меняя лишь одежду и картинки на денежных купюрах.

Мой отец - есаул, служил в Добровольческой армии, участвовал в Ледяном походе генерала Корнилова. Наша семья кочевала по разным землям, пока не осела в Сербии. Отец перед смертью говорил мне, что часть родственников лежит на кладбищах Франции, часть уничтожена японцами в Манчжурии, а большая часть сгинула в лагерях НКВД. А я, как видишь, здесь, одинокая, с собственной странной судьбой, предсказываю судьбы другим. Вот такой конец у большой и когда-то известной семьи.

- Вы же ясновидящая, вы могли бы, зная заранее о проблемах, изменить свою жизнь и жизнь близких людей.

- Нет, сударь мой, не дано мне видеть свою судьбу и судьбы родственников.

- А о смерти Лавра Георгиевича Корнилова или Лори Гильдинова, как его называют некоторые исследователи, можете что-нибудь сказать, раз уж ваш батюшка знал его лично? Мой дед говорил о нём с большим уважением, несмотря на разные убеждения, - мои-то предки сражались на стороне «красных».

- О бесстрашном полководце, всегда идущем впереди своих солдат, известном путешественнике, много раз рисковавшем жизнью, которого, казалось, ни пуля,

ни болезнь не берут, можно рассказывать долго. Но лучше всех о нём сказал генерал Деникин. Антон Иванович вспоминал, что вражеская граната попала в дом только одна, влетела в комнату Корнилова и убила только его одного. Деникин писал: «Мистический покров предвечной тайны покрыл пути свершения неведомой воли».

И после паузы она продолжила: - Видишь, как рядом ходят жизнь и смерть, можно сказать, под ручку. Немцы в Первую мировую сравнивали Корнилова со стихией, настолько бесстрашным он был. А вот, поди ж ты, единственная граната - и именно его одного. Генерал Деникин понял это как промысел судьбы, а он разбирался, его мать родом из Польши очень религиозной была. И набожность свою передала сыну. Я сейчас не хочу тебе рассказывать о том, как глумились красные над телом генерала Корнилова, как вешали и жгли уже покойного, это другая история. Давай посмотрим твои проблемы.

Она достала кувшин с водой и вылила воду на скатерть стола. Ни одна капля воды не пролилась на пол, она, как намагниченная, не стекала со стола. София внимательно посмотрела на воду и по воде поплыли разноцветные краски, в том числе много чёрной.

- С этой женщиной расстанешься, другую найдёшь. Вижу могилу твоих предков. Близких туда скоро положишь, очень близких, ближе не бывает. Тебе нужно иметь много мужества, чтобы это пережить.

Смерть будет ходить рядом с тобой, но пока не тронет. Любовь твоя путанная будет, вижу разные лица, разных рас. Деньги? У тебя их никогда не было, и впредь не накопишь. Странствовать по Свету, искать свой путь станешь. Порой кажется, что вот она желанная цель, нашёл! А это всего лишь мираж. Бывает и по-другому: все говорят, что видят мираж, и никто не идёт в ту сторону, а там-то как раз и находится земля обетованная. Меньше слушай других и больше своё сердце. Распахни его и перестань жить только разумом.

- И что-нибудь о судьбе России, - попросил я, - дочь у меня взрослая, может внуки будут.

Она убрала скатерть, при этом вода на скатерти уже высохла и напоминала абстрактную многоцветную картину. Постелила другую и опять вылила на неё воду из другого кувшина. Через минуту, со стороны востока вода окрасилась жёлтым цветом и потекла к центру скатерти.

- Не маленький, сам знаешь, что это за страна, в сравнении с которой нашествие Орды покажется детской игрой в «казаки-разбойники». Природа не терпит пустоты. Оттуда где много людей и сдавленность, идёт движение туда, где мало людей и простор. Вас всё пугали Америкой, нет, беда придёт не оттуда.

- А как же вы тут, София, будете жить? Рядом Албания, Косово, Черногория, Сербия, тоже могут быть любые события?

- Поверишь, сударь, за долгое время единицы людей спрашивали меня о моей судьбе. Спасибо, душу с тобой отвела, по-русски поговорила, а то уж забывать стала. Недавно был один ваш чиновник из России, просил: «научи, как жить, чтобы у меня всё было, и за это, чтобы мне ничего не было». Я его сразу прогнала, не успев и обмолвиться. А обо мне не беспокойся, ко мне за советом идут с разных сторон. По моему разумению Бог един для всех, как бы люди не спорили, считая, что их Бог самый лучший. Судьба прорицательниц разная

бывает. Ты же знаешь, Кассандра – дочь царя Приама говорила правду, ничего кроме правды, а ей никто не верил. А если бы поверили, то, может быть, Троя и по сей день на карте мира могучим государством была. Моя главная проблема – кому свой дар предвидения передать.

Я поклонился, поцеловал ей руку и вышел.

Спустя год, Милинка сообщила мне в письме, что Драган, в числе добровольцев разбирая завалы домов, сам погиб при бомбёжке Белграда. Она писала, что у него была опухоль, и теперь стали понятны слова Софии «не от того ты умрёшь, чего боишься».

Я больше не был в Югославии. Да и не мог в ней быть – государство с этим названием исчезло с карты Земли. Как нельзя войти в одну и ту же воду дважды, так же нельзя встретить одних и тех же людей в прежнем возрасте и в прежнем настроении. Как говорили древние: «Cuncta fluunt» («всё течёт»).

Я вспомнил о Югославии в Бостоне, во время последнего визита в США, в декабре минувшего года. Номера в отеле «Marriott» в те дни стоили подозрительно недорого. И мы с Риммой остановились в нём. Система обслуживания в цепочке «Marriot» предполагает бесплатную услугу «coffee make», т.е. наличие кофеварки и, в виде приложения к ней, пакетов кофе, сухих и «мокрых» сливок, сахара и его заменителя в маленьких таблетках.

Боясь испортить новую модификацию кофеварки, я вышел в коридор и попросил горничную показать мне что, куда и как включать. Очень хотелось получить утреннюю порцию бодрящего напитка. Умная женщина всё объяснила, я дал ей чаевые, и мы готовы были уже расстаться, довольные друг другом, когда она для приличия задала самый популярный вопрос: Excuse me, where are you from? (извините, откуда вы?).

- Из России, - ответил я.

- My god, the Russian people, Russian people, - повторяла она. Было такое чувство, что ещё немного, и она начнёт гладить нас по головам, как маленьких детей, за то, что мы сделали что-то очень хорошее.

А мы всего лишь и сделали, что родились в огромной и непредсказуемой России. Её звали Ясмينا, она была беженка из Косово. Как, порой, мало нужно для чувства взаимной симпатии.

Пусть переселение душ кажется нереальным. Пусть скептики, прочтя эти строки, улыбнутся и с гордостью подумают: - Ну, мы-то, трезвомыслящие, знаем, как устроен этот мир.

Здесь, в плену, я научился верить в нереальное. Уставшая душа прорицательницы перешла в хрупкое тело маленькой смелой девочки. Юная Кассандра понесёт тяжёлый груз служения людям. Пока тоже, как София, не погибнет, защищая идеалы, которые невозможно отстоять предсказаниями.

Нам, простым смертным, этого не понять.

Но главное, что я не заснул, а, как оловянный солдатик, охранял покой американской студентки, держа под рукой металлическую миску и кружку.

№ 10. СОВЕТЫ «БЫВАЛОГО»

Вечером мне предстояла деловая встреча, и хотелось выглядеть подтянутым и энергичным. Войдя в ванную, критично осмотрел отражение в зеркале.

Загоревшая в солярии кожа - имитация здорового образа жизни. Коренастая, не лишённая мускулов фигура, обросшая килограммами там, где согласно памяти находилась когда-то талия. Карие глаза, философски вззирающие на мир с высоты сорока восьми лет. Уставшее после ночного перелёта лицо, «украшенное» большим «французским» носом. Именно французским, что-то между Жераром Депардьё и Жаном Габеном. Во всяком случае, если в это веришь сам, то легче убеждать других. И в заключение, шевелюра чёрных чуть тронутых сединой, всё ещё кудрявых, волос. Как показывает практика: первую половину жизни тратишь здоровье, чтобы заработать деньги, а вторую половину тратишь деньги, чтобы вернуть утраченное здоровье.

Тип внешности средиземноморский. И во многих странах меня принимали за своего, с места в галоп начиная беседу или обрушивая вопросы, как на местного. А в США мои собеседники очень удивлялись, когда я отказывался перейти в разговоре на незнакомый мне испанский язык. Словом, я могу легко раствориться в толпе кудрявых коренастых крепышей, не обиженных размером носа. Хотя нигде и никогда не скрываю, что я из России.

Порой это даже помогает. Бывали критические ситуации, когда кому-то из местных парней казалось, что мои доллары принесут больше пользы его карману, чем моему. В таких случаях я применяю старую проверенную фишку. На вопрос: откуда я?

Следует ответ: «I am from very wild and very cold country». (Я из очень дикой и очень холодной страны).

Обычно, у моих «оппонентов» возникает правильная отгадка. «Russia?» - спрашивают они. Я многозначительно подтверждаю кивком головы.

Следующий вопрос, как правило: «Mafia?»

Я в раздумье, говоря взглядом скорее «да», чем «нет», отвечаю: «Maybe».

Шутка - шуткой, но меня такая словесная игра выручала несколько раз, особенно в национальных кварталах крупных мегаполисов. В них многие занимаются левым бизнесом: наркотики, проституция, контрабандный товар. Однажды в Париже я наблюдал, как темнокожие ребята прятали упаковки наркотиков в одном из парков под металлическим люком канализации. Они плотным кольцом окружили люк, приподняли его и в боковое отверстие в стене засунули пакеты с белым порошком, очевидно кокаином.

Пока я сидел на скамейке, подъехали глупые (или очень умные?) полицейские. Блюстители порядка обшмонали темнокожую братву и уехали шмонать других. Я не стал влезать в их жизнь и заниматься доносительством. Тем более, что сидевший на скамейке напротив меня пожилой парижанин пожал плечами и развёл руками, как бы говоря: «C' est la vie» (се ля ви). И, прощаясь, приподнял кепку с пояснением для бестолковых: «Je vis ici» (мне здесь жить). Поэтому, когда сдуру или по незнанию оказываешься в таком квартале, его обитатели спрашивают себя, а потом и вас, что здесь делает «Белоснежка» или «круглоглазый» или чёрт знает, как ещё в этом квартале называют богатеньких беленьких «Буратино»? Он пришёл купить или продать? К вам обязательно

приклеятся. Надо иметь в виду: полиция, как правило, на стороне местного населения. Это и понятно, вы уедете, а они обречены жить вместе. Хуже, когда полиция сама участвует в провокации против вас. Удар наносится со стороны, откуда не ждешь: в Таиланде, например, могут развести на наркотики. На пляже к вам подойдет индус или араб, представится тоже туристом и предложит развеять тоску на частной квартире у знакомого. На небольшой вечеринке очень весело, вы, как и все, подымили или понюхали для бодрости духа. И тут появляется полиция, вызванная соседями из-за производимого шума. Вы попадаете на серьезные деньги, так как в Сиаме за наркотики полагается смертная казнь или длительные тюремные сроки. Соглашение о передаче заключённых из Таиланда на родину подписано только с США. Да и то, оно вступает в силу после нескольких лет отсидки в тайской тюрьме. И сейчас в Королевстве находятся в пожизненном заключении десятки европейцев, которые были связаны с наркотиками. Сиам – единственное азиатское государство, где наркоторговцев убивают без суда и следствия. Тела более тысячи наркодельцов нашли на городских свалках во время одной из последних полицейских зачисток. При этом стражи порядка объясняли смерть лидеров мафии примерно так: мы, мол, не знаем, кто их убил, может, сами со страха друг друга постреляли.

Кстати сказать, с полицией или силовыми структурами Королевства Таиланд вообще «шутки плохи». Лично я свои обращения к людям в армейской или полицейской форме всегда начинаю со слова «сэр». Пляжная расслабленность отдыхающих и подчёркнутая услужливость работников сервиса может создать обманчивое впечатление вседозволенности.

В августе 2002 года трое российских граждан ограбили банк в Паттайе, застрелив человека, пытавшегося им помешать. Они собирались покинуть пределы Таиланда морским путём на ожидавшем их катере. Полиция включилась в погоню немедленно и, в ходе преследования и стрельбы на поражение, арестовала преступников в тот же день. Состоялся суд, приговоривший одного из грабителей к смертной казни, другого к пожизненному заключению и третьего к длительному сроку (около сорока лет). Удивительно, что возраст преступников перевалил за тридцать, и их нельзя отнести к числу юных недоумков. Рискну предположить, что на родине в России им всё сходило с рук.

Другая, более банальная и более частая ситуация. В арабских странах или, скажем, на Шри-Ланке, где, как известно, мужское население сексуально озабочено из-за редкого общения с женщинами. Вы с другом или подругой расположились на полном романтики пустынном пляже. И вам предлагают по дешёвке покурить «травку», приготовленную здешними умельцами. Спустя короткое время после «дегустации» зелья наступает состояние прострации. Когда, наконец, вы приходите в себя, то понимаете, что не только обобранны, но и изнасилованы местными «уродами». Идти искать правду в полиции безнадежно, учитывая факт покупки и употребления вами наркотиков. Пусть даже в этой стране законы не так суровы, как в Таиланде, всё равно наркотики преследуются законом везде, по крайней мере, на словах. Я увлёкся предостережениями для начинающих путешественников, которые во всём разберутся сами, набив собственные шишки на лбу.

№ 11. ВИКТОР И ГАЛИНА ИЗ БЕЛОРУССИИ. ПРОСТО АЛЕКС

Прибыв в Бангкок, я, конечно, не догадывался о предстоящих испытаниях. И, несмотря на слова юной Кассандры - девочки из Косово, старался не думать о плохом.

В приметы я не верю, и всегда шучу: - Да, да, самая «невезуха», когда чёрный кот пустым ведром разбивает зеркало, сплюнув через левое плечо. Но фатум, судьба в соединении с верой, что «коли Бог не выдаст, то и чёрт не съест», «чему быть, того не миновать» - это уже мировоззрение.

Ещё в культурах Древней Греции и Рима появляются богини судьбы Мойры и Парки, прядущие нить жизни. Клото с веретеном, Лахесис с меркой и весами и Атропос, наделённая книгой жизни и обрывающая нить. А в верованиях славян это богиня судьбы Макошь и её помощницы богини Доля и Недоля.

Если все говорят, что Чёрный, Красный и Белый квадраты Малевича – шедевры, значит шедевры. Если все с незапамятных времён склонны считать, что судьба predetermined, значит, так оно и есть.

В тот вечер, находясь в хорошем расположении духа, я последний раз взглянул на своё отражение в зеркале. Новый льняной костюм сидит по фигуре, ботинки не жмут, часы и портмоне не забыл. Повесил на лицо дежурную улыбку и отправился в отель Montien riverside на встречу с клиентами. Это была семейная пара из Белоруссии. Он, Пётр Сергеевич - чиновник из Минска, из семьи старой интеллигенции. Пётр, по понятным причинам, оформлял всё на жену Галину. Мы познакомились в Тунисе год назад, потом встречались в Минске. Пётр страдал хроническим бронхитом, и мечтал «перебраться на пенсию куда-нибудь под южное солнце, но чтобы «недорого и достойно». Их заинтересовало моё предложение о покупке апартаментов в Таиланде, и мы встретились в Бангкоке.

Я разместил их в отеле Montien riverside, с учётом его желания играть в большой теннис и её просьбы – «никаких шведских столов, мы на диете». Приехав в отель, набрал их номер и сел в баре. Через несколько минут они спустились. Пётр - коренастый, полный, с аккуратной стрижкой седых волос. Его умные, пронизательные глаза, предупреждали собеседника «знаю, знаю, я это уже проходил». На нём был костюм из белой ткани и летние полуботинки цвета слоновой кости. Галина в жёлтом брючном костюме шла рядом, взяв его под руку, худенькая, светловолосая, с фигурой девочки и лёгкой походкой балерины. Они казались очень разными, но может быть эта разность их и сближала. Он – рассудительный, ироничный, щедрый, с манерами русского барина. Она – импульсивная, с частыми сменами настроения, стремящаяся к совершенству перфекционистка.

После комплиментов я перешёл к делу: - Ну, как вам Таиланд, не разочаровал?

- Нет, - сказал Пётр, - планы не изменились. Бангкок в целом понравился, сегодня посетили королевский дворцово-храмовый комплекс. Здесь самобытная архитектура: многоуровневые крыши, деревянные украшения стен с мифическими персонажами. Видели гиганские каменные и бронзовые изваяния Будды. Я когда-то интересовался архитектурой Западной Европы, но с

буддистскими традициями не был знаком.

Вмешалась Галина: - Меня приятно удивили не столько дворцы, сколько цены. В целом продукты, вещи значительно дешевле, чем в Минске, про вашу Москву я вообще не заикаюсь. Такси по городу два - три доллара. Фрукты – глаза разбегаются от разнообразия, и свежие - «прямо с ветки». Вообще еда в туристических зонах разнообразная, на все вкусы. И чисто, в отличие от арабских стран, не говоря уже об Индии. К сожалению, как и везде на Востоке, пища острая. Я заметила, в меню блюда помечены одним, двумя или тремя перчиками. Если здесь жить, готовить лучше самой: и дешевле, и меньше острых специй. Утром плавали в бассейне в полном одиночестве. На кортах играли тоже одни. Ощущение, что находишься не в мегаполисе, а на необитаемом острове с хорошим сервисом.

Она улыбнулась, словно вспомнив что-то, и продолжала: - Да, была смешная история. Вчера мы очень устали: десятичасовой перелёт, смена часовых поясов, жара, как на сковородке. Пётр от усталости засунул все наши деньги под подушку. До сейфа уже не было сил дотянуться. А утром мы пошли на корты, и опять забыли спрятать деньги в сейф. Возвращаемся, а горничные бегут на встречу: «Money under pillow! Money under pillow!» - Она засмеялась, - увидели много денег и испугались. И ещё, тайцы так забавно говорят по-английски. Мы не могли понять, что означают, слова работника спорткомплекса, «лентасу» и «ленталаки». И, когда Пётр сказал: «хорошо, носи свои ленты-лаки», ситуация прояснилась. Оказывается, тайский хлопец предлагал на прокат шузы (rent shoes) и ракетки (rent racquets). Потом нас долго мучил таксист, держа визитку отеля, он настаивал на адресе «левассай», пока до нас не дошло, что это означает расположение отеля у реки - «river side».

- Ну, это всё из серии туристических шуток над австрийскими пирожными «захер». Или прибалтийским сообщением об открытии купального сезона: «морэ прогрывается, осталось 10 сантиметров ледового покрытия», - пошутил Пётр.

- В Таиланде много приятных сюрпризов, - продолжил я: - Часовой массаж за 10 долларов, как говорится «от мокушки до кончиков пальцев», интересный и дешёвый шопинг, экскурсии в горные храмы, речные поездки в древние давно покинутые людьми города.

- Относительно жары, - продолжил я, - завтра мы поедем к морю: - лёгкий бриз, плавание, будет ни так душно. Бангкок – это та же Москва - пятнадцать миллионов жителей и масса машин. Разве что, в отличие от российской столицы, здесь везде кондиционеры. А со специями, на которые вы жаловались, – есть такая игра, - улыбнулся я Галине, - вы должны крикнуть «no spicy» быстрее, чем начнут готовить еду.

- Что за человек этот ваш Алекс, - спросил Пётр, меняя тему разговора, - конфиденциальность он гарантирует?

- Буду откровенен. Мы давно друг друга знаем, солгать, значит разрушить партнёрские отношения, а я в них заинтересован. Я и Алекс имеем десять процентов от продавца недвижимости, плюс пять процентов с покупателя за юридическое оформление собственности. Относительно Алекса, я как-то уже говорил, что он жадноват и пытается продать более дорогие квадратные

метры, чтобы увеличить наш процент от сделки. Но я стараюсь работать без претензий, обманешь одного, зная будут многие. А относительно конфиденциальности не сомневайтесь. Во-первых, Алекс серьёзный партнёр и не заинтересован в разглашении информации; а во-вторых, у него здесь свой маленький Клондайк, он ведь делает бизнес по нескольким направлениям. Да и должность его «на царевой службе», в посольстве обязывает больше молчать, чем говорить.

Через полчаса подошёл с извинениями Алекс. Когда я впервые встретил его, он показался мне легкомысленным бабником, с манерами провинциального донжуана. Он шагал по миру с уверенностью, что представляет собой желанный подарок для дам и любил играть на струнах одиночества, неразделённости чувств, загадочности внутреннего мира. У него были хорошие артистические задатки, и умение использовать их на практике. В его васильковых глазах можно было прочесть и влюблённость, и преданность, и даже некоторую застенчивость, что побуждало многих дам брать инициативу на себя. Прибавьте к этому высокий рост, нечуждую фитнесу фигуру и стильную стрижку. Подобранные по моде костюмы, галстуки, сорочки. Неудивительно, что он сделал удачную партию, и тесть определил его на ответственную должность. Для начала в Таиланд, но я был уверен в его карьерном росте. Познакомив минчан с моим компаньоном, я на время выключился из общей беседы. Предоставив возможность «просто Алексу», как он любил представляться, напрячь речевой аппарат и пошевелить извилинами, за то, что задержался.

№ 12. ЛЕНКА?! ЭТО ТЫ?!

Мне нравится бар гостиницы Montien, с огромной стеклянной стеной. Из-за неё крупнолистные тропические растения смотрят на развалившихся в креслах, захмелевших посетителей. По ночам, в огнях разноцветных прожекторов, деревья особенно загадочны. Они качаются на ветру, то уходя в темноту, то возвращаясь к свету, и разговаривают с порхающими мотыльками и стремительными летучими мышами. Наверное, они сплетничают о чём-то своём, непонятном людям. А, может быть, просто восторгаются ароматом ночных цветов.

«Welcome to the hotel California, such a lovely place, such a lovely place, such a lovely face», - летят с эстрады слова старой песни «Eagles».

- Концептуальная вещь, - сказал Пётр понимающе. Я кивнул. В загородном доме под Минском («на ближней даче») Пётр хранил большую коллекцию пластинок, грамплонок и проигрывателей – все в рабочем состоянии. Мы как-то провели прекрасно время, наслаждаясь музыкой и албанским коньяком «Скандербек» из старых запасов.

Миниатюрная официантка в национальной одежде обслуживает с подчёркнутым вниманием, но непрофессионально, что присуще сервису Юго-Восточной Азии. Если официанты не понимают вашего заказа, они приносят то, что в их представлении может желать большой круглоглазый европеец. Показать клиенту плохое знание английского или часто переспрашивать,

считается неуважением к гостю. Все просчёты сервиса компенсируют бесконечные улыбки, поклоны и низкие, по европейским понятиям, цены. Качать права не поворачивается язык. Ну, принесла официантка более дорогую, чем мы заказывали, бутылку австралийского вина. Ну, сказала, наливая вино, бессмысленную фразу: «why for me» (почему для меня), вместо «wine for you» (вино для вас), зато одарила каждого лучезарной улыбкой. Сидя в баре этого отеля, я не мог не вспомнить одну историю, очень важную для меня, и, полагаю, не прочтённую до конца. История, к тому же, весьма характерна для нашего поколения, открывшего окна ветру перемен, но забывшему, что ветер бывает и штормовым.

Год назад здесь, в такое же вечернее время, я сидел за столиком с супружеской парой из Питера. Мы познакомились утром того же дня. Он обыграл меня в теннис и проникся дружескими чувствами. Приятно потягивать охлаждённое вино и одновременно пощипывать дольки папайя и ананаса. Под лёгкое вино легче вспоминать жизнь в Союзе: то с горечью, то с ностальгией. А мы были одного возраста, и нам было что вспомнить. Сошлись на том, что распад империи был неизбежен, и лучше дружить отдельными домами, чем лаяться на общей кухне коммунальной квартиры.

По лестнице, ведущей в бар, спускалась группа европейцев. Они были слишком шумны для скандинавов, но слишком тихи для итальянцев. Да, судя по разговору, это были подданные Её Высочайшего Величества Елизаветы Второй.

В компании выделялась бальзаковского возраста блондинка среднего роста с развитыми формами, вызывающими традиционный интерес у мужчин. Когда британцы оказались в полосе яркого света, у меня учащённо забило сердце. Захотелось, как в юности, встать и крикнуть: - Ленка, это ты? - Наши взгляды встретились. Мой – полный удивления и радости, её - спокойный и незаинтересованный. «Не может быть, обознался?!» - пролетела мысль со скоростью пули. Дама отвела глаза и продолжила разговор со своими собеседниками. «Да, - думал я, - отель, конечно, весьма популярен среди европейцев, особенно любителей конгрессов, семинаров и других массовок. Но даже при моей невероятной встречабельности, казалось невыносимым увидеть здесь лицо давней знакомой. Хотя, в краю мудрых вечноцветущих лотосов, возможно многое из недоступного в краю легковесных, спешащих расстаться с жизнью, одуванчиков.

Питерцы прощаются, утром они уезжают из Бангкока на восточное побережье Сиамского залива, в шумную, сексапильную Паттайю. Произношу обычные в подобной ситуации слова и остаюсь за столом один. Мне трудно отвести взгляд от Лены, а точнее её копии, человека-двойника, с поправкой на восемь лет, что мы не виделись. Та всегда была простая в общении, белокожая и с радикально чёрными волосами. А эта блондинка, с бронзовым загаром, холёная, подтянутая и знает себе цену. Да, теперь вижу: точно, не она. Мне приходилось сталкиваться с фактами невероятного сходства людей в Израиле. И это, положим, объяснимо: древний народ пронёс свою приверженность иудаизму через десятки стран и событий: войны, рабство, революции, массовое уничтожение, богатую научную и духовную жизнь. В Израиле легко встретить блондина, чьи предки проживали в Дании. И темнокожего, от ушедшего в

Эфиопию колена Дана, а может быть, достигшего африканских земель со свитой Менелика I, сына царя Соломона и царицы Савской.

Наш экскурсовод по Иерусалиму являл собой точную копию Романа Карцева. Администратор отеля так походил на президента России, что в случае неудачного размещения или других проблем, туристы шутили: «Иди, пожалуйста Медведеву». А двух крепких парней, работавших на Мёртвом море спасателями, иначе как братьями Запашными, никто и не звал.

Молодая тайская певица на высоких каблуках, переливаясь в огнях эстрады блёстками платья, приветствует новую группу гостей. В её обязанности входит привлекать посетителей, увеличивая выручку заведения. И вновь зазвучали мелодии моей молодости. Под песни Аббы и Джо Дассена в памяти встают, казалось, уже забытые образы. Господи, и откуда эта пигалица знает, как исполнять песни, сочинённые до её рождения? Она, возможно, едва понимает смысл. Из чего же появляются непридуманные эмоции? Мы плывём на разных волнах. Меня море уже выбрасывает на берег, как старую медузу, а её уносит течением в открытые просторы, как повзрослевшего малька. Но в какой-то миг наши волны прилива и отлива совпали. Появилось то общее чувство, дарящее ей смысл творчества, а мне воспоминания, пролитые дождём на пустынную душу. Потом наши волны вновь разбегутся, но соединение душ останется в моей памяти надолго.

Я ещё раз взглянул на женщину – двойника Лены. И, вновь перехватив безразличный взгляд, нырнул с головой в воспоминания, на встречу с той, настоящей Ленкой.

Осколки памяти, как осколки разбитого зеркала. Можно поднять кусочек и рассмотреть фрагмент, но целого зеркала не сложишь, и общей картины – уже не увидать. Вечер встречи «с любимым героем» - меня самого со мной самим. Это отдельная история. Мы учились в одном классе: я, как попало, она - на пятёрки. Отметка «хорошо» вызывала бурю негативных эмоций: на щеках появлялись красные пятна, на глазах наворачивались слёзы, и на перемене она называла себя набитой душой. Ленка шла на золотую медаль и любую отметку ниже пяти пыталась пересдать. Некоторым педагогам импонировала такая целеустремлённость, других - раздражала. У неё не складывались отношения с «историчкой-истеричкой», любившей намекать на свою потомственную интеллигентность и наличие голубой крови.

Помню гордое социалистическое самоопределение тех лет: «Интеллигент в третьем поколении». С точки зрения говорящего, подразумевался личный «знак качества» по части интеллекта. На самом деле это означало, что предки активно участвовали в революции, благодаря чему дед сумел получить высшее образование. Это означало так же, что наши взбунтовавшиеся предшественники перебили всех, чья родовая интеллигентность превышала хотя бы одно-два поколения, то есть почти всю мыслящую прослойку, существовавшую до 1917 года. И начали отсчёт интеллигентности с нуля. А у Ленки отец был слесарь, мать - дворничиха. И ладно бы где-то, далеко от

любопытных глаз. Нет, они оба трудились в нашем доме: мать убирала двор, а отец ходил по квартирам, занимаясь ремонтом ванн и туалетов. Дом, на благо которого они работали, был шестнадцатиэтажным, из жёлтого кирпича, с башнями, гранитной облицовкой нижних этажей и прочими «архитектурными излишествами». Понятно, что такое здание могло быть только ведомственным. Что я имею в виду? А то, что в этом пузатом и важном доме жила не менее важная и пузатая чиновничья публика - выше среднего уровня в «табели о рангах». Все друг друга знали, здоровались, не хулиганили, не мусорили, и, конечно, никто не ходил прилюдно пьяным. Поэтому на Ленкину семью уже изначально смотрели снисходительно, как на работяг, не обременённых чинами и наградами.

А если сюда добавить, что свои семейные конфликты Ленкины «предки» выносили на всеобщее обозрение, то получается картина маслом. Её родители стали персонажами дворовых анекдотов. Мало того, некоторые жильцы специально наливали слесарю водки, расплачиваясь за его работу. А потом ждали, что он будет «отмачивать». И он не заставлял себя упрашивать. Вначале, входя в роль, тихо и мирно мотался по двору, заговаривая с детьми и бабушками, обитательницами скамеек. Потом, непонятно с которого буля, на него снисходило вдохновение. Он менялся в лице, чем-то напоминая Отелло в белобрысом варианте, и шёл «строить» жену за «супружнюю неверность». В кульминации дворового представления, Ленкин отец нетвёрдыми прыжками моряка во время шторма, бежал с предметом в руках. Предметом «вооружения» было что-либо из дворово-домашнего инвентаря: от лопаты и до молотка, по обстоятельствам. Его воинственный клич: «Убью, сука!», - отлетал эхом от стен дома. При этом и мать не отставала, визгливым голосом вторя ему: «Помогите, убивают!». В третьем акте драмы появлялся «злодей» в лице участкового, вызванного зрителями - обитателями шестнадцатиэтажки. Но любовь в финальной сцене всякий раз торжествовала, и Ленкина мать отказывалась писать заявление в милицию.

Мы, старшеклассники, однажды скрутили отца Ленки и хотели перевоспитать по-своему, он уже надоел со своими «подвигами». Но её мать, с большим бланшем под глазом, просила отпустить его. Мы ещё размышляли, как поступить со слесарем, когда подошла Лена, подняла брошенную им лопату и пошла на нас. «Отпустите моего отца», - решительно повторяла она, не оставляя нам выбора.

Конечно, напрямую Ленке никто ничего не говорил. Только иногда историчка отпускала в её адрес высказывания типа: «o tempora, o mores!» («о времена, о нравы!»). Но, если называть вещи своими именами, - Лена была изгоем. Её не приглашали на домашние тусовки или, как тогда говорили, на сейшен. На танцевальные школьные вечера она не ходила сама, зная заранее, что её будут разглядывать и обсуждать. Да и нарядов у неё не было. Не пойдёшь же на танцы в школьном платье, засмеют. Я считал такое отношение несправедливым. «Дети не отвечают за поступки своих родителей», - горячился я, споря с друзьями.

В наездах исторички на Лену мои симпатии были, конечно, на стороне одноклассницы. Однажды, зная, что её будут спрашивать, я в кабинете истории вылез на обледеневший металлический подоконник. Стоя зимой на морозе и

рискуя соскользнуть вниз с четвёртого этажа, я ждал её выхода к доске. Учительница «засыпала» её вопросами. Перед оглашением отметки, я оторвал от стены примёрзший пиджак и громко постучал по оконной раме. «Можно мне войти?» – спросил я с улыбкой, которая подействовала на «истеричку», как красная тряпка на быка. Казалось, из неё пошёл пар, и минуты две она кричала только «вон!!!» Мои объяснения, что на подоконнике, где я дышал свежим воздухом во время перемены, плохо слышен звонок, - не принимались. Тогда я повернулся и пошёл в сторону окна, то есть туда, откуда вошёл в класс. «Нет, - кричала она, - «вон!» в дверь, а не в окно». Ленка и желание испортить ей аттестат были забыты.

Я нередко устраивал «сюрпризы», к общей радости одноклассников, и учителя к этому привыкли. Были серьёзные проблемы: выстрел Гурама из поджиги в военрука, ограбление табачного киоска «Лёшкой-царём», перманентное бегство из дома «Сани-Клима», от алкоголика-отчима. После неприятных встреч директрисы с РОНО, милицией и судами, моё поведение казалось безобидной шалостью. Но урок всё равно был сорван. Историчка, со словами «дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие», покинула класс.

После занятий Лена ждала меня у школы.

- Спасибо, ты спас меня от «тройки», - сказала она, - но больше так не делай, я сама могу за себя постоять. И потом, если ты гуляешь с Риммой, то, причём тут я, защищай её.

Чувствуя себя неуютно в личной жизни, она реализовала свой потенциал в учёбе и комсомольской работе. При этом, зная о «славе» родителей, ей приходилось вести себя безукоризненно, не давая повода для сравнения с ними. Быть всё время под микроскопом общественного мнения, задача не из лёгких и для взрослого человека, а уж для семнадцатилетней девушки - вообще непосильная. Нельзя сказать, что её полюбили, но уважать стали - это точно. Ленкиной принципиальности и рассудительности побаивались не только учителя, но и директор, мечтавшая уехать на работу в ГДР.

Лена и я выступали против, навязанного директором, общего осуждения Бориса Рубинчика за ношение на цепочке «Звезды Давида» и желание покинуть Страну Советов. В первый раз, когда на уроке литературы в присутствии раскормленных дам из РОНО, он прочитал стих со словами «всё мне чудится страна прекрасная, где небо синее, а море красное», его спасла наша фронтовичка литераторша. Она сделала вид, что ничего не поняла и назвала поэта слишком авангардным, перепутавшим все цвета. Класс хихикал, а «куры» из отдела образования так ничего и не поняли. Правда, Борису выраженной симпатии к Земле Обетованной показалось мало. На районную олимпиаду по лёгкой атлетике он пришёл с шестиконечной звездой на шее, ярко светившейся в лучах солнца.

Лена, со свойственным ей запалом доказывала, что Борис имеет право жить в стране, где проживали его предки, и где находятся святые для него места.

- Сама я никогда не покину Советский Союз, даже под страхом смерти, – волновалась она, - но если Борис чувствует, что там его корни и его Родина, то пусть спокойно едет без всяких осуждений. Тем более что он едет не в поисках лёгкой жизни, а собирается жить с семьёй в кибуце.

В другой раз, она вообще в гордом одиночестве ругала нашего одноклассника

Серёгу Рукасуева за постоянные драки со студентами из Африки. Нам тогда казалось, что здоровяк Сергей, входивший в молодёжную сборную страны по вольной борьбе – настоящий герой. К тому же инициатором драк всегда выступал он сам.

Она легко помирила меня с учительницей географии, которая плохо знала свой предмет. Я доводил нашу географичку по прозвищу «АнтиПаганель», как мог, то запирая одну в классе, то пряча классный журнал. Она со своей стороны отвечала мне двойками и тройками за материал, который я знал лучше её.

Сейчас трудно вспомнить, где была лошадь, а где телега. Может быть, она мне мстила «неудом» за критические замечания на уроках, а я в ответ её доводил.

- Понимаешь, - объясняла мне Лена, - ей некогда учить свой предмет. У неё трое детей и муж запойный алкоголик. Да, география не её конёк, ей ближе домашнее хозяйство. Но кто будет кормить её детей, если ты с друзьями вытравишь её из школы. С другой стороны, она уговорила учительницу дать мне самостоятельно провести весь урок по новейшей географии, о чём долго говорила вся школа. С тех пор я тихо сидел на уроках, читая книги и не получал отметок ниже пятёрки, даже когда не готовил домашнее задание.

После выпускных экзаменов весь класс поступал в ВУЗы. Только про Лену, окончившую школу с «серебром» (у «истерички» так и не поднялась рука поставить ей пять) говорили, что она завербовалась работать на Север.

Прошло лет десять, и однажды я пришёл к другу в московский комитет комсомола за билетами на модную поп-группу. Все кабинеты «жужжали», как растревоженный улей. - Ты не поверишь, - объяснял мне товарищ, - недавно избрали нового секретаря по идеологии. Девушка с огромным послужным списком работ на молодёжных стройках. И сегодня ей передали на подпись постановление о группе комсомольцев, направляемых на месяц в Англию, по обмену студентами. Она оттуда вычеркнула всего две фамилии (он сделал ударение на слове «всего»). Кого бы ты думал? Внучек членов Политбюро ЦК КПСС с формулировкой, что в Москве есть много более достойных комсомольцев. Девушка просто не поняла, куда она попала. Ей объяснят, что к чему, и она вынуждена будет отменить собственное решение, - горячился мой товарищ.

- А как её зовут? - поинтересовался я.

- Елена Д.

- Тогда готовьте кандидатуры на замену, решения своего она не изменит, - уверенно сказал я.

Мы пару раз пересекались по работе, у неё была репутация очень принципиальной и бескомпромиссной. Её не увольняли по одной причине – только она могла поехать на любую стройку, в любой рабочий коллектив и быть там своей, как говорится, «в доску».

Потом её перевели на партийную работу. Она стала самым молодым секретарём райкома, тем более одного из центральных. В империи, идущей к распаду, усиливались анархистские настроения. Компартия, являлась реально управляющей структурой страны, или, как сказали бы сейчас, – вертикалью власти. И, как всякая «единственная и неповторимая», подвергалась ударам и справа, и слева, и изнутри. Кто-то выступал за коллективный выход из рядов КПСС, кто-то не хотел платить взносы, кто-то хотел платить, но в другую

структуру и т.д. Лена, избранная районным партбоссом, металась между митингами и собраниями. Одни ЧП сменяли другие: работники таксопарка решили коллективно выйти из компартии, собрали партбилеты и отправили их в райком. Лена так сумела поговорить «по-свойски», что билеты разобрали назад и извинялись, мол, «бес попутал».

Личная жизнь у неё отсутствовала. Это выражалось и во внешнем облике, напоминавшем провинциальную учительницу 30-х годов. Волосы, собранные в пучок, одноцветные, а точнее, мрачно-бесцветные костюмы, строгая чёрная сумочка, отсутствие на лице косметики. И только одно, роднившее её с женской модой – запах дорогой французской парфюмерии. Свой короткий досуг она заполняла походами в театр и чтением стихов. Я как-то летел с ней в одну кавказскую республику. Там назревала межнациональная резня. И наша группа экспертов должна была предотвратить конфликт. Лена всё время полёта рассказывала мне о балете. Она знала всех танцовщиков и балерин не только первого, но и второго эшелона. При этом она, как я заметил, ничуть не боялась трудной командировки, хотя ей предстояло много выступить и ездить в опасные районы. Ленка верила, что пролетарское чутьё её не подведёт. Она всегда говорила то, что думала. Меня же нередко одолевала депрессия, я чувствовал себя одиноким, заброшенным в чужие края, где устоялась своя ментальность. Никто не хотел признавать, что они гребут к водопаду, из которого не выплыть. Национальные обиды не забываются веками. В какой-то вечер мы оказались с Леной в одном городе, в одной гостинице, и я отправился в её номер, запить меланхолию чаем. Мы обсуждали поездку. И подспудно у меня возникло желание остаться в её номере на ночь. Мы были молоды, в крови бурлили гормоны, и потом, как пелось тогда в популярной песне, нельзя ответить нет мужчине в тридцать лет. Трудно было не прочесть по глазам о моих намерениях.

Смутившись, она сказала: - Не поверишь, но я всё ещё девушка. И не очень уверенно добавила. - Берегу себя для будущего мужа. Я был действительно удивлён: - Как, проработав столько лет на Северах, на молодежных стройках ты осталась девушкой? В тридцать лет? Не верю. Что там у них, глаза на ж...е, что ли!? У тебя хорошая фигура, большая грудь, африканская попа, выразительные глаза. И натуральная блондинка к тому же. Хотя последние годы красишь волосы в радикально чёрный.

- Чтобы не сравнивали с блондинками из анекдотов. – Улыбнулась она и продолжила. - Понимаешь, я была всё время на виду: секретарь первичной, секретарь парткома, обкома, московского горкома комсомола, московского райкома партии. Я должна была иметь моральное превосходство над всеми. Что такое молодёжная комсомольская стройка? Кадрёж, гудёж, сплетни и, конечно, ударный труд. Если бы я развела там б...ство, об этом узнали бы все. Не смертельно, но репутации конец. А кстати, что такое африканская попа, таких комплементов я ещё не слышала?

- Ну, это попка, на которую можно сверху положить ладонь под углом в 90 градусов по отношению к позвоночнику или поставить стакан, не расплескав его. Такая рельефная, конкретная задница, в отличие от плоских европейских. - И после паузы добавил. - Ладно, ухажу «несолоно хлебавши», или, как сказала бы твоя любимая историчка, «Abiens, abi» (уходя, уходи).

- Знаешь, я в школе была влюблена в тебя, но ты кроме Риммы никого не видел, - бросила мне вдогонку Лена.

- Да, - подумал я, - сейчас со мной говорила не симпатичная молодая женщина, а та семнадцатилетняя девчонка, закомплексованная репутацией родителей. Она все годы доказывала кому-то невидимому, что умнее, сильнее, нравственнее других.

Потом мы долго не виделись. Она мелькала то среди защитников Белого Дома, то в аппарате Думы, среди оппозиции. Однажды, в журнале я прочёл её левацкую статью о положении рабочих в Сибири и на Дальнем Востоке. Мы встретились только в 2002 на какой-то презентации. Лену трудно было узнать: модная причёска, дорогая косметика, стильный костюм, уже на расстоянии сообщавший о доходах его хозяйки, туфли из тонкой кожи, фирменная сумочка, бриллиантовая брошь. Ну, как всегда, в начале разговора комплементы, потом выяснения: где ты, как ты, с кем ты? Оказалось, она трудится в фирме известного олигарха.

Меня так и подмывало задать ей два вопроса: куда же пропало её пролетарское чутьё, и лишил ли её кто-нибудь девственности?

Второй вопрос вскоре прояснился. Она представила меня своему непосредственному начальнику, который последние годы вёл её по жизни за собой. Он тоже работал в компании этого олигарха на высоком посту и Лену пригласил на должность своего зама.

- Поздравляю, - шепнул я ей на ухо, - очень солидный мужчина, такому можно доверить посторожить чемоданчик на вокзале. А вообще, я рад за тебя. Ты излечилась от пролетарской идеологии, теперь ты здорова.

- Не знаю, - сказала она, внимательно посмотрев мне в глаза, - может тогда я была здорова, а теперь больна.

Жизнь, она как зебра африканская, то белая, то чёрная полосы, и всё это на скаку, и движется в неизвестном направлении. Судьбу, как и зебру, невозможно приручить, а тем более оседлать. Любое хорошее начало может завершиться плохим концом. Ленкин олигарх попал в опалу, а потом и в тюрьму.

Следственные органы полагали, что интеллигентный олигарх, лишившись привычного образа жизни, скиснет и потечёт. Но нельзя судить о других по себе самому. Олигарх не сломился, не стал писать «чистуху» и не стучал на других.

Методы физического воздействия на него, с помощью подученных заключённых, результатов не дали. Следственные органы потянулись ко второму эшелону менеджмента, надеясь, что кто-то дрогнет и сообщит необходимый компромат. Меня всегда удивляло это название – следственные органы. Почему не «тела», не «мускулы», не «умы»? А загадочные органы: то ли половые, то ли анальные? Как интересно было бы называть их:

следственные рты, уши, задницы, - в зависимости от отдела, куда ты вляпался. Меня поднял с постели ранний телефонный звонок. Звонила Лена: - Игорёк, я попрощаться, прости меня, если что не так было. Мне и шефу дали коридор на 48 часов, пришлось отдать прокурорским всё, что накопила.

- Ты уезжаешь за рубеж? – Я ещё не проснулся, - Навсегда? А куда? Ах, да, извини. А как же родители? – На последний вопрос имел право только я, знавший в прежние времена её семью.

- Уезжаю, да, - быстро говорила она, - отец умер, ты догадываешься от чего.

Мать – крепкий орешек. Отвезла её как-то к известному отоларингологу, выходит из кабинета грустная, чуть не плача. Что случилось, спрашиваю? Оказывается, слуховой аппарат четыре года носила не на том ухе. Я почувствовал её улыбку, может быть единственную за последние месяцы. И, вдруг, вспомнил пламенную и, безусловно, искреннюю клятву, на том далёком школьном собрании, не покидать Родину даже под страхом смерти. Я её не осуждал: изменились правила игры, да и Родина поменяла название. Она, как будто прочла мои мысли: - Ты знаешь, я бы осталась и боролась за руководителя фирмы, за себя. Но мой непосредственный начальник не сможет выдержать испытаний. Во-первых, у него плохое здоровье, а во-вторых, он голубой. Ты представляешь, что его может ждать, и как следаки постараются скомпрометировать честь всей фирмы. А бросить друга я тоже не могу, я его единственная опора.

Я видел его только раз: одет с иголочки, сверкает чистотой, и имеет средства на продуманные дорогие аксессуары. Мне стало жаль его, спрятавшего за Лену свою нетрадиционную сексуальную направленность. Наше ханжеское общество преследует людей за злые «шалости» природы.

- Думаю, ты поступаешь правильно, с Богом, девочка, береги себя.
- По наши души прокуратура подаст заявление в Интерпол. Да и российские службы будут преследовать. Не знаю, когда объявлюсь, прощай, Игорёк.

Спустя время, общие знакомые сказали, что она, покинув родину Пушкина и Достоевского, уехала на родину Шекспира и Байрона.

Музыканты уже убрали инструменты. Певица, рвавшая душу весь вечер, послала мне воздушный поцелуй. Я засиделся в баре и выпил лишнего. Рассчитавшись с официанткой и оставив, как всегда, нежадные чаевые, я поднялся из-за стола. Девушка достала из кармана сложенную салфетку и с поклоном передала мне, сказав привычное: «For me», вместо «For you». «Ну, я это, я, Игорёк, не смотри так пристально. Заходи, мой № XXYY на последнем этаже, как и квартира, в которой мы жили когда-то». Мелкий красивый почерк. «Да, - вздохнул я, - если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах на жизнь».

P.S. Она была участником Международного конгресса переводчиков. Но все три дня его работы прошли без Лены. Мы были неразлучны.

Почему мои соотечественники так любят воспоминания под бутылочку, и катание зимой в санях? И в том, и в другом случаях, раз разогнавшись, не вдруг остановишься. И память несла меня дальше. Она парила над погибшими в мирное время друзьями, которых уже нет: кто спился, кто погиб от рук наёмных убийц. Некоторые уехали далеко, в разные страны с надеждой на

материальное благополучие и свободу. А ряд друзей, по национальным мотивам. Надоело быть «черножопыми», жидомасонами, «носами» и всякими прочими злодеями в глазах титульных наций.

Кто выиграл от отъезда квалифицированных учёных, «врачей, скрипачей и хохмачей»? В основном, заменившая их посредственность: «вруны, болтуны, хохотуны».

Из волн памяти я с трудом выплыл на грешную землю. А здесь, на грешной земле, Алекс обхаживал Галину, которая была старше его лет на двадцать. Пётр иронично поглядывал на методы Алекса по продвижению бизнеса. В этот вечер, год спустя, всё было так же: и певица, и её проникновенное пение, и воздушный поцелуй, в ответ на мой пристальный взгляд. Только не было той записки от Лены. И вдруг, неожиданно для самого себя, я пригласил к нашему столу тайскую певицу и двух её аккомпаниаторов. Алекс недоумённо вскинул глаза: клиентов мы угощали за наш счёт, на паритетных началах.

- Ерунда, приглашение за мой счёт, сегодня так карта легла, за воспоминания тоже нужно платить, как и за удовольствие, - успокоил я его. Ну как ему объяснишь, что после нахлынувших мыслей, я не могу, вот так, как скотина, с разбега идти спать. Разошлись далеко за полночь.

№ 13. К НАМ ПРИЕХАЛ, К НАМ ПРИЕХАЛ!

Наступил новый день в Королевстве Таиланд со своими надеждами и разочарованиями.

Меня разбудил звонок Алекса, сообщившего, что через пятнадцать минут прибудет в отель. Заснув только перед рассветом, я с трудом поднялся и заставил себя принять контрастный душ. Когда я спустился в холл, Алекс уже был там и потягивал через соломинку свежесжатый сок манго.

- Это половина за вчерашний стол. Ваше приглашение артистов расположило к нам Петра, - он протянул мне деньги.

Я отодвинул его руку: - Если честно, я не думал о бизнесе и пригласил артистов для себя.

- Вы меня часто удивляете, Игорь, - сказал он, пряча деньги в карман.

Я не стал искать слов для ответа и вопросительно посмотрел на него. Ведь для чего-то он разбудил меня и даже приехал в отель.

Алекс, поймав мой взгляд: - Я ведь к вам с просьбой, Игорь. Приехал известный депутат. Посол поручил мне развлечь гостя. Показать ему Бангкок, ну вы сами понимаете, по принципу «что изволите». А у меня тяжело заболел мальчик, Сават звонит всё время и плачет. Я нашёл хорошего доктора и хочу привезти его к ребёнку, но доктор освободится только во второй половине дня.

Сават была girlfriend Алекса уже три года, с самого начала его работы в посольстве. Через полтора года со времени их знакомства, Сават родила сына, которого назвали Крис (кинжал – с тайского). Имя имело и европейское звучание, и тайский смысл. Алекс, испытывая явную привязанность к ней и Крису, упорно продолжал называть его и мальчиком, и ребёнком, и малышом, и карапузом, и хлопчиком, но только не сыном. Их отношения отягощались тем, что в Москве у Алекса была жена и двое детей, обе девочки. Вся его карьера

держалась на тесте, который уже предлагал ему более высокую должность в другой стране, но Алекс находил причины оставаться в Сиаме.

- Вы хотите, чтобы я на этот вечер заменил вас и не скупился на развлечения?

- Совершенно верно, посол из представительских средств всё оплатит. Депутат - родственник очень большой «шишки». Сегодня утром посол меня напутствовал словами, мол, если что не так, все пойдём на улицу искать новое место работы. Ну, вы его знаете, он слов на ветер не бросает.

Я не мог отказать Алексу. Во-первых, из-за ребёнка. А во-вторых, если уж прижимистый Алекс говорит «трать сколько хочешь», значит ситуация у них и правда серьёзная.

- Окей, займусь депутатом, но как быть с нашими белорусскими друзьями? Сегодня я должен отвезти их в Паттайю. Вы помните, практичный Пётр хотел осмотреть разные курорты, чтобы определиться с местом покупки апартаментов.

- Да, конечно, я помню, но у вас здесь столько знакомых, найдите им какого-нибудь приткого тайца с английским и «бельмесом» по-русски. Вы же понимаете, для нас выгоднее продать им недвижимость в Хуа Хине, она там дороже, - я кивнул, и он продолжил, - Игорь, я ваш должник, вы меня спасаете. Сейчас поеду покручусь в посольстве, вроде как я на «боевом посту», и скорее за доктором для моего хлопчика.

- Сына, - не сдержался я.

- Ну да, ну да, - промямлил Алекс и продолжил, - с депутатом будьте аккуратнее, не забывайте, кто его родственник. Я ведь знаю, вы нигилист и агностик.

- Конечно, мне не нравится этот «шишкин лес». Вас послушать, так здесь шишка на шишке сидит и шишкой погоняет. Впрочем, не волнуйтесь, нас долго приучали к рабской психологии, в каждом россияnine вместе с вольным разбойником уживается услужливый официант. Занимайтесь сыном, а я уж поработаю по принципу «что изволите»? Денег у меня хватит, но завтра прошу вас возместить затраты, а прибыль, как всегда – фифти-фифти.

№ 14. КУРТ ИЗ НЕМЕЦКОГО КГБ

Договорившись со знакомым тайским гидом, который, как выражался Алекс, мог немного «бельмесить» по-русски, я отправил Петра и Галину в Паттайю. В моём распоряжении было первая половина дня, и я решил навестить давнего знакомого – Курта. Телефон не отвечал. Но я знал, во время занятий с учениками восточными единоборствами, он игнорирует вызовы. «Отвлёкся, размагнитился и пропустил удар», - объяснял он мне.

Мы познакомились случайно в гольф-отеле «Баньян», близ Хуа Хина. В этой части Таиланда русские бывают редко. Обычно турфирмы гонят россиян из столичного аэропорта прямо в Паттайю, иногда дают пару дней потоптаться в Бангкоке, а потом везут всё в ту же Паттайю. Ещё часть соотечественников – любителей дайвинга ездит на острова. И до этого уголка Сиама добираются или неужённые романтики, путешествующие сами по себе, или бизнесмены. В обоих случаях таких мало. Поэтому, услышав русскую речь (я говорил по

мобильному телефону), Курт вскинул глаза. Эта, выдавшая его, вспышка интереса не ускользнула от меня. Мы познакомились. В отеле проживал китайский предприниматель, нанявший Курта телохранителем.

Курт был выходец из Восточной Германии. Служил в спецподразделении ШТАЗИ - аналог девятого управления КГБ. Охраняя партийных боссов, часто бывал в Москве. ШТАЗИ (нем. STASI), как известно, была одной из лучших в мире служб государственной безопасности, уступая по количеству сотрудников только аналогичным структурам СССР и США. Русский учил в школе, потом на службе и говорил свободно, без акцента. После объединения двух Германий в 1989 году, у него, по понятным причинам, начались неприятности. Он долго скитался по странам бывшего Советского Союза, но окончательно осел в гостеприимном Таиланде.

Здесь он женился и завёл двух детей, за судьбу которых очень волновался, учитывая свой немолодой возраст. Хотя, в свои пятьдесят лет, был в прекрасной форме: мускулистый, широкоплечий, без следов лишнего веса. Короткая стрижка, цепкий настороженный взгляд, делали его похожим на уголовного авторитета. Жила семья Курта, по европейским понятиям, скромно. И платные уроки восточных единоборств, и охрана коммерсантов больших денег не приносили. Он изучал китайский язык, большинство его клиентов были гражданами Поднебесной. Он как-то пооткровенничал, что ему предлагают большие деньги, но работа очень опасная и грязная.

№ 15. СИБИРСКИЙ «ЦАРЬ» В ИЗРАИЛЕ. АННА И НИКОЛАЙ

Ко мне Курт проникся доверием после предложенной «халтуры» на целый месяц. Дело в том, что в престижной гостинице «Sofitel Central», в дорогой вилле остановился с семьёй влиятельный сибирский чиновник, имевший на родине прозвище «Царь». Я познакомился с его семьёй в Израиле на Мёртвом море, в курортном городке Эйн-Бокек, в отеле Le Meridien. Мы оказались в соседних номерах, с той разницей, что мой номер стоил 120, а его 1800 долларов в сутки. У меня был однокамерный стандарт. А он с семьёй занимал апартаменты с домашним кинозалом, большой гостиной, двумя саунами, несколькими спальнями, солярием и комнатой со спортивными тренажёрами. В таких номерах останавливаются звёзды мирового шоу-бизнеса, члены английской королевской семьи и наши олигархи. При этом в прайс-листе отеля указано, что торг уместен. И члены английской королевской семьи выбивают существенную скидку. «Наш» платил, не торгуясь.

Знакомство было случайным. В этом отеле на этажах есть специальные помещения, в которых можно набрать минеральную воду в стоящие тут же графины и положить в них лёд. В октябре на Мёртвом море ещё держится сорокоградусная жара, и все постояльцы охотно пользуются этой бесплатной услугой. Когда в очередной раз я бежал с двумя графинами наперевес, Валентина, жена «Царя», спросила меня, откуда я ношу питьевую воду. Меня удивил вопрос, поскольку их семья проживала здесь уже две недели. Я объяснил, где «родник» и где лёд, напомнив об информационном буклете отеля, который лежит в каждом номере. Она несколько смутилась, из чего я

заклучил, что с иностранными языками они не дружат (информации для гостей отеля на русском не встречал ни в одной стране дальнего зарубежья, наверное, мне не везло).

- На нашем этаже все горничные до переезда в Израиль жили в Советском Союзе, и всегда готовы прийти на помощь.

Но её лицо приняло надменное выражение, из чего я понял, с горничными они дружат ещё меньше.

Я не видел членов их семью ни в спа-центре, ни в бассейнах, ни на пляже Мёртвого моря, ни даже в ресторане. Что это было – снобизм, чванливость, неумение общаться с людьми в условиях демократии? За чиновником заезжали израильские машины с охраной и увозили его одного, реже – всю семью. При этом сам «Царь», несмотря на жару и духоту, всегда был в тёмном костюме и галстуке.

Сын чиновника - Николай не был похож на родителей, но подчиняясь их распорядку дня, умирал со скуки. Стройный застенчивый юноша, в свои шестнадцать лет был любознателен и начитан. Он грезил путешествиями и увлекался географией. По утрам до наступления жары я совершал пешие прогулки в горы. Николай попросил меня брать его с собой. В вестибюле отеля обычно собиралась группа энтузиастов в количестве шести - двенадцати человек. Это были нынешние и бывшие граждане «нашей необъятной». Мы шли в горы в предрассветной мгле и сверху смотрели на Мёртвое море, встречая солнце, выползавшее из-за гор со стороны Иордании. Группа состояла в основном из путешественников со стажем, поэтому во время привалов мы часто делились впечатлениями о поездках, советуя друг другу новые маршруты. Кто-то рассказывал о фестивале в Бразилии, кто-то о необитаемых островах Индонезии. Николай всегда слушал очень внимательно, как юнга капитана. На обратном пути мы часто встречали израильских школьников, громко певших походные песни. Такие туротряды темнокожих, желтокожих и белокожих ребят охраняли школьники постарше, вооружённые автоматами.

Несколько раз я брал Николая с собой на экскурсии. В одну из таких поездок мы отправились в заповедник Эйн-Геди («Источник козлёнка» - с иврита) и на водопад Давида. Там по преданию юный герой скрывался от царя Саула. Местность, где находится заповедник, необычная. Вокруг простирается выжженная солнцем Иудейская пустыня, и вдруг - расщелина в земле, большой зелёный оазис, с водопадами и горными речками, несущими воду к Мёртвому морю. На склонах обрыва, как тысячи лет назад, пасутся дикие козы и газели, а на ветках деревьев висят даманы - крупные до полуметра грызуны, вроде безухих зайцев. Любопытные и дружелюбные зверьки, любящие позировать фотографам. Узкая тропа предлагала путникам углубиться в заросли акаций, камышей и тростника. (Вид тростника, из которого делали папирусы в Древнем Египте, он сохранился только здесь). Кружащие в небе орлы, убегающие ящерицы, и переходы через ручьи, - заняли наше внимание.

И только на привале у водопада мы заметили девушку, как оказалось, сопровождавшую нас на всём маршруте. Разговорились. Она шла за нами, боясь остаться одной в незнакомой местности. Её звали Анна. Она была бывшая москвичка, уехавшая с семьёй в Германию по еврейской квоте три года

назад. Они занимали квартиру в Дрездене, в доме бывшего эсесовца, раскаявшегося в своих преступлениях. Анна, со свободным английским, немецким и слабым знанием еврейского языка, мечтала перебраться в Израиль. Своё желание она объясняла особой атмосферой и открытостью характера израильтян. Она рассказывала о своей жизни и планах на будущее с откровенно и без жеманства. Красивая рыжеволосая девушка, с правильными чертами лица и миниатюрной фигурой, путешествовала по Библейским местам одна, останавливаясь в дешёвых студенческих гостиницах. Заинтересовавшись рассказом Анны о расположенных поблизости достопримечательностях, мы решили поехать вместе. Но когда мы сказали таксисту о наших планах, он отказался вести нас, заявив, что не слышал ни о какой мозаике древней синагоги, и, где граничащий с заповедником кибуц «Эйн-Геди» - тоже не знает. Пришлось добавить денег, и он всё сразу вспомнил.

Кибуц находился в десяти минутах езды от заповедника. Среди вечной зелени и сладких ароматов цветов разместились маленькие нарядные домики, сдаваемые туристам. Пока Николай и Анна тусовались с местной молодёжью, я пил чай в семье бывших ленинградцев. Мне рассказали о леопардах и гиенах, забегающих в поселение стащить курицу или ягнёнка. О том как, согласно их принципам, жители кибуца делят поровну все доходы от садоводства и туризма. О патрулировании побережья и перестрелках с палестинскими боевиками.

Пара талантливых пианистов, рафинированных интеллигентов, чей путь в Ленинграде был расписан по годам, от ученика до преподавателя музыкальной школы, живут теперь среди бескрайних песков и рассказывают о диких животных, о садоводстве, о нескончаемой войне... Воистину, человек предполагает, а Бог располагает.

За время поездки молодёжь прониклась взаимной симпатией, и Николай спросил у меня, удобно ли пригласить Анну в наш отель. Он хотел показать ей сюрпризы Мёртвого моря и вместе поужинать. Я ответил, что с его стороны это будет настоящий мужской поступок, а вот продемонстрировать чтение газеты, лёжа на воде, уже поздновато. Анна с удовольствием согласилась поехать в Le Meridien, она никогда не останавливалась в хороших отелях из-за отсутствия средств. При этом девушка сообщила, что таксист обещал отвезти её в хостел бесплатно. Опять мне показалось странным поведение нашего driver. Но я подумал, раз уж с меня он получил денег с избытком, то девушку пожалел. Николая и Анну я встретил за ужином. Повар – пышнотелая Хава - отрезала им кусочки от целиком запечённого гуся. Взяв камбалу со свежими овощами и кусочек мягчайшей кошерной говядины с соусом из сухофруктов, я подсел к их столу. Посетителей в ресторане было уже немного. Только группа американских туристов, игнорируя все поварские изыски «от шеф-повара», толпилась у стола с залитыми майонезом и кетчупом сосисками, бутербродами, приготовленными специально к их приезду.

После ужина у меня, как всегда, намечалось свиданье с компьютером, и я ушёл в номер. Около одиннадцати зашла Анна забрать свой рюкзачок. Николай, зная своих родителей, побоялся вести девушку в их номер, и вещи Анны лежали у меня. Мы попрощались, обменявшись email адресами. К машине я не пошёл, чтобы не смущать Колю. Минут через десять зазвенел мобильный телефон.

Сбивающимся от волнения голосом, Николай говорил мне:

- Большинство местных таксистов – выходцы из бедуинских племён, и кража девушки вполне согласуется с их обычаями. Водителя я не видел, номер машины в темноте не рассмотрел.

Его слова о водителях-арабах многое объясняли: и нежелание ехать к древней синагоге, и игру на моих нервах, из-за постоянного кланченья денег. Опасность была реальна.

- Жди, уже спускаюсь.

- Игорь, я уже еду за ней. Я схватил такси, на котором приехали туристы из аэропорта, постараемся догнать машину с Анной до блокпоста, - прокричал в трубку Коля.

Я кинулся к Ольге, державшей в отеле ювелирный бутик и знавшей в округе «всех и вся». У неё была квартира в Араде, близлежащем городке, но её любовником был главный менеджер отеля, и она всё время пребывала там, либо в закреплённом за ней номере, либо в своём магазинчике, работая «до последнего посетителя». Вся русскоговорящая колония отеля собиралась у неё: купить украшение, попить кофе, обсудить житейские проблемы. Она умела расположить к себе людей и создать дружескую атмосферу: нужно на экскурсию в Иерусалим – к Ольге, ищите хорошего массажиста - к Ольге, поменять номер в отеле – снова к ней. Полная красивая блондинка, приехала на землю обетованную пятнадцать лет назад, с маленькой дочуркой, которая теперь служила в израильской разведке.

Моё сообщение она восприняла очень серьёзно. Тут же заперла дверь бутика и пошла к машине. Когда мы отъехали, она вручила мне мобильник и начала по памяти называть номера телефонов. Соединившись с нужным человеком, я передавал ей трубку. К сожалению, машина с Анной уже миновала блокпост. В такси, на котором ехал Коля, сели два израильских командос и преследование было продолжено. Нас пропустили через блокпост слёту, автомобиль Ольги все знали.

Араб, похитивший Анну, успел съехать с основной дороги, добраться до поселения бедуинов и вытащить из машины перепуганную девушку. Его мгновенно повалили и надели наручники израильские командос, выпрыгнувшие на ходу из машины преследования. Разбуженные шумом бедуины выскочили, услышав его крики о помощи. Нас окружили более ста человек: мужчины с холодным оружием и старыми винтовками, подростки с пращами и оружие женщины. Ольга достала из бардачка машины пистолет и сняла с предохранителя. Бедуины и сородича отдавать не хотели, и напасть на солдат боялись, зная, что им это с рук не сойдёт.

Старейшина племени вышел вперёд и начал громко говорить, обращаясь к солдатам.

- Он требует освободить члена их племени, - перевела мне Ольга. Началась игра нервов. Арабы навели на нас прожектор, мешая солдатам видеть происходящее вокруг, и стали сжимать кольцо.

В такой ситуации слышишь, как звенит в ушах время, как будто в каждое ухо засунули по паре часов с боем. Я сказал Анне и Коле сесть в машину Ольги. Стоило только девушке открыть дверцу, как камнем было выбито заднее стекло.

- Если арабы начнут кидать камни, то забьют насмерть, - шёпотом сообщила Ольга.

Десантники приказали жестами толпе остановиться. Один из солдат предупредил на арабском, что ещё шаг, и они начнут стрелять на поражение. С нашей стороны были два автомата у десантников и пистолет Ольги. Со стороны бедуинов ружья, кинжалы и камни. Они были в выгодном положении, стоя плотным кольцом метрах в пяти от нас. По команде старейшины в первый ряд вышли женщины и дети, заслоня живым щитом мужчин. Я заметил замешательство израильских десантников. Стрелять в упор по женщинам и детям они явно не были готовы. Трудно сказать, чем бы всё закончилось, но, к счастью, мы услышали звуки автосирен, подъехали три полицейские машины и армейский патруль. Противостояние прекратилось. Офицер записал наши координаты и отпустил.

- Ну, Аня хоть поцеловала тебя? - спросил я Колю. «Да, конечно», - ответил он важно. Позже он объяснил мне, что когда машина с Анной уже отъехала, женщина, работавшая в отеле, спросила, хорошо ли он знает водителя-араба? Вот тут всё и закрутилось. Анну легко могли продать в Иорданию, Египет или Саудовскую Аравию с понятными последствиями.

В местах компактного проживания евреев преступность отсутствует. И невольно теряешь бдительность. На следующее утро, встречая в горах восход солнца, бывалые туристы внимательно слушали рассказ Коли о вчерашних драматических событиях.

Эта история заставила меня взглянуть на Николая другими глазами.

Вернувшись домой, мы регулярно переписывались, делись впечатлениями о новых странах и маршрутах. В одном из писем он спросил моего совета по отдыху в Таиланде. И я, зная вкусы его родителей, порекомендовал Sofitel Central – самый престижный отель Хуа Хина. Виллы там оценивались в такие суммы, какие привык тратить на отдыхе его отец.

Поэтому, когда юноша увидел меня в ресторане на пирсе, где мы договорились встретиться, он громко и радостно закричал: «Игорь, идите сюда!» Подсев к их столу, я пошутил над тем, что мир тесен, и вот мы опять встретились. Коля просил рассказать об этом районе Таиланда. После моего обзора достопримечательностей он захотел и в заповедник, и в храм, где монахи выращивают тигров, и на тайский бокс, и в королевский Деревянный дворец. Родители заволновались, будут ли безопасны эти экскурсии для Николая. И тут я вспомнил про Курта. Лучшей кандидатуры телохранителя и, одновременно, знатока этих мест, им не найти. Чиновник сразу согласился. Он был человеком моего поколения, и ему льстило, что охранять семью будет полковник ШТАЗИ. Я, правда, повысил Курта в воинском звании, но это не важно, всё равно он здесь лучший.

№ 16. ТАЙСКИЙ БОКС. ПОЕДИНОК КУРТА

Курт окончательно покорила сердца сибиряков, выступив в местном боксёрском клубе. Владелец клуба, сам в прошлом известный тайский боксёр, часто проводил бои с продажей входных билетов. Всё представление подавалось в восточных традициях. Трубили рога, бойцы исполняли сложные танцы разных школ тайского бокса (Муэй Тай – на тайском). С двух сторон ринга сидели «белокожие гости Сиама», с третьей – толпились тайские болельщики, и с четвёртой (технической) располагались судья, готовились к бою атлеты. Для «разогрева» публики, представление открыли бойцы лёгких весовых категорий, потом веса стали тяжелеть. Боксёр, победивший на ринге, обходил ряды «белых зрителей», прося деньги за полученное от поединка удовольствие. Николай хотел сесть на первый ряд, но я отговорил: на людей, сидящих близко к рингу, могут попасть капли крови.

Накануне мы с Куртом подъехали к хозяину клуба и договорились о бое немца с тайским боксёром в тяжёлой весовой категории. Мало того, мы предложили два боя подряд, если Курт победит в первом. Известие быстро облетело всю округу, зал был переполнен. На фоне главных боёв, схватки легковесов не вызывали интереса. Разъединённые по толщине кошелька белые зрители и тайские болельщики ожидали кульминации сегодняшних соревнований. Курт вышел на ринг очень сосредоточенный и приступил к стандартной разминке. Таец исполнил сложные пируэты. Звуки труб возбуждали зрителей. Заработал тотализатор. Я поставил две тысячи зелёных на Курта. Всё, что у меня было. В случае его проигрыша, мне пришлось бы занимать деньги на тук-тук или добираться до отеля пешком. Чиновник отстегнул тысячу. Николай достал свои карманные сбережения и поставил пятьсот. К хозяину клуба со всех сторон потекли доллары, меньше ста никто из европейцев не ставил. Пиво продавали по три номинала, но оно всё равно исчезало в рядах немецких болельщиков. Ударили в огромный гонг, и начался поединок. Молодой тайский спортсмен, танцевал вокруг немца и успевал первым наносить удары. Один из таких скользких ударов серьёзно повредил бровь Курта. Один из судей сделал попытку остановить поединок, но в зале поднялся невероятный шум и крики возмущения, в самых безобидных звучали призывы вырвать ноги и натянуть глаза на затылок. Засыпанный пустыми стаканчиками судья вынужден был отказаться от своих слов.

Немец тянет время, принимая молниеносные удары противника на себя. Он выматывает тайца психологически, всё время наступает и теснит его к канатам. Жёсткий прессинг даёт свои результаты, азиатский спортсмен начинает терять скорость.

- Ну, давай свой коронный в челюсть! – кричу я по-русски. В конце второго раунда Курт укладывает противника мощным ударом в челюсть.

Рефери хотят запретить второй поединок, учитывая травму немца, но владелец клуба так смотрит на них, что они тут же забывают о своём решении. Таких высоких ставок в стенах клуба не было давно. Второй бой. Третий раунд. И опять нокаутом выигрывает мой немецкий друг. Он стоит весь в крови, но очень довольный. Ученики поднимают его на руки и проходят по залу почётный круг.

Таким я запомнил Курта и приехал к нему в ожидании тёплой дружеской встречи. Каково же было моё разочарование, когда я увидел беседку, где он обычно занимался с учениками, пустой и необустроенной. В Сиаме редки случаи вандализма, и Курт оставлял в открытой беседке маты, боксёрскую грушу и т.п. Вокруг беседки в рост стояла некошенная трава. Дошёл до двухэтажного домика, где жила семья немца, - никого. Спросил о нём у хозяйки уличного кафе, где мы любили посидеть. С её слов, семья Курта быстро собралась, и отбыла в неизвестном направлении, не оставив нового адреса. Даже мебель не стали продавать, раздав её соседям.

№ 17. СНОВА ПЛЕН. ВОТ ТАК СЮРПРИЗ

Утром меня вытащили из клетки, надели наручники и повели к зданию, стоявшему на краю деревни и напоминавшему большой барак. Второй раз за время плена я видел других заложников: обросшие, похудевшие, в грязной одежде. Было заметно, что нервы у всех на пределе. Я с грустью подумал, если бы бомжи проводили международный конгресс, то нашу босую, грязную, обросшую компанию пропустили бы, не спросив пригласительных билетов. Заложников по очереди заводили в барак. Сажали в комнате на стул и приказывали держать перед собой две газеты: одну с тайским, другую с английским текстом. Газеты были сегодняшние и должны были подтвердить, что мы ещё живы. В комнате висели знамёна. Я неплохо разбираюсь в государственной символике разных стран, но таких не видел, значит, это были флаги их повстанческого движения. Всё происходящее снималось на камеру, и каждый заложник должен был произнести текст с просьбой о выкупе. И тут меня осенило. По-русски никто из них не понимает, кассеты передадут быстро, иначе даты на газетах теряют смысл. Нанимать русскоговорящего переводчика сложно, его нужно найти и хорошо заплатить или убить, чтобы не раскололся. Всё это мгновенно пронеслось в голове и вселило слабую надежду на спасение. Я рассказал перед камерой, где нас захватили, сколько человек в плену. Сказал, что о судьбе тайцев ничего не известно. Кратко описал маршрут, по которому нас гнали на базу повстанцев. А главное - вершины гор, видимые с места нашего заточения. Текст я произнёс сжато, с просительной интонацией в голосе. Меня ни разу не прервали, я воспрял духом и не обратил внимания на стук из соседней комнаты. Один из командиров повстанцев вышел из комнаты. Прошло минут пять. Он вернулся и сильно ударил меня в лицо. На руке он носил большой перстень, которым попал мне в переносицу. Из носа закапала кровь. Странно, подумал я, значит, среди этого сброда кто-то владеет русским. И хорошо владеет, потому что весь монолог я произнес скороговоркой, изображая перед охранниками сильную степень волнения. Повторно произносить текст, уже не предлагали. Меня вывели в коридор, и я специально обмяк, демонстрируя слабость, после удара по лицу. Тем более что кровь продолжала капать. Но, поравнявшись с соседней дверью, и собрав все силы, я

вырвался из рук конвоиров. Ещё секунда и я ворвался в комнату, пытаюсь увидеть того, кто так хорошо говорит по-русски.

За столом сидел Курт. Охранники бросились меня бить, но услышав его приказ, тут же удалились.

- Судьба интересная штука, - сказал он, - поверьте, я был очень расстроен, узнав о вашем пребывании среди заложников. Всеми виной ваша чёртова тяга к новым местам и впечатлениям. Экскурсия была организована для англоязычных. Нам нужны были американцы, австралийцы. Я только сегодня прилетел сюда. Дам команду, чтобы вас лучше кормили и хорошо обращались.

- Я помню, вы говорили о предложении больших денег за авантюрную работу. Вы всё-таки согласились на неё. Но я не о том. Когда меня «шлёпнут»? При вас, или когда вы улетите? Какая судьба у Муан Чан, она в плену или вы убили её? И просьба, запретите своим бандитам издеваться над американской девушкой, - я говорил сбивчиво из-за волнения. Боялся, что Курт не даст мне закончить.

Он кивнул: - Я всего лишь военный советник, моя задача научить этот сброд воевать. Чёртовы демонстрации в Бангкоке распугали всех туристов, плюс кризис. А вы же знаете – все мои ученики иностранцы. Семья была без денег. А сейчас я отправил их в безопасное место. Они обеспечены.

- Предложение, от которого нельзя отказаться. Да, если вас учили всю жизнь убивать людей, то почему бы не воплотить полученные знания в жизнь. И чего вы хотите добиться? Свергнуть короля Таиланда? Определённые круги в Поднебесной рассматривают соседние страны как свою вотчину. В нищей Мьянме у власти прокитайская военная хунта. Камбоджа уже давно под сильным влиянием Срединного Государства, начиная с красных кхмеров. Лаос очень беден и слаб, у него нет выхода к морю, его можно подчинить, даже не заметив этого. В Непале на выборах победили маоисты и свергли короля.

Остаются две динамично развивающиеся страны: Таиланд и Вьетнам.

Вьетнам просто так не проглотить, у него за плечами большой опыт военных действий. И, главное, победоносных. Они это доказали в стычках с Китаем за Парасельские острова и острова Спратли. Армия Вьетнама отразила вторжение войск КНР в 1979 году. Вьетнам – на десерт, его нужно окружить со всех сторон, тогда он станет сговорчивее.

Итак, методом исключения, мы подошли к Таиланду. Чтобы дестабилизировать обстановку, достаточно исключить из доходных статей туризм. А как убрать иностранцев, которым здесь нравится? Есть давно испытанный метод - напугать. Вначале демонстрации, потом уже серьёзнее - захват и уничтожение заложников. Наши тела должны найти на территории Сиама, разве нет?

Хорошо бы рядом с королевским дворцом в Хуа Хине. Граница Мьянмы рядом с городом, легко будет скрыться. Я вам не надоел?

- Нет, с вами всегда интересно беседовать, продолжайте, - улыбнулся Курт.

- Собственно, картина ясна. Трупы около дворца испугают общественность и покажут беспомощность королевской семьи. Вы знаете, во многих странах бывают теракты: Израиль, Индия, Турция, а туристы едут миллионами. Почему? Там стабильная внутренняя обстановка. Там сильные армии и полиция. В конце концов, говорит сам себе путешественник, отдельные теракты бывают везде: и в Нью-Йорке, и в Париже, и в Москве.

А вот если создать положение, как в Ливане, где все воюют со всеми, где нет ни государственной армии, ни единой полиции, где на соседней улице начинается зона контроля другой общины. Тогда в такую страну не приедет никто. Для этого и нужна ваша повстанческая армия. Она должна породить хаос и страх. Произнесённые заложниками тексты, и сегодняшние газеты нужны для возбуждения общественного мнения. Зачем великой державе наши жалкие выкупы, это всё игра для отвода глаз. Реально, все находящиеся здесь пленники - без пяти минут трупы. И вы прибыли сюда контролировать расстрел и перевоз тел к дворцу короля.

- У вас, Игорь, очень богатая фантазия, - возразил он, - просто сейчас, как и во все времена, человечество готовится к очередной мировой войне. Появился новый мировой лидер, способный вести своих сторонников к созданию новых империй, новых религий, если хотите, даже рас. Этот лидер - Поднебесная, которая скоро обойдёт Америку по всем основным показателям. Они могут сплотить многочисленное и дисциплинированное население для решения любых задач. Это не американцы, дающие отчёт в конгрессе по каждой жертве в Ираке. И не деморализованные русские, которые не будут отдавать жизни за два-три десятка семей разделивших ресурсы самой большой в мире страны. И, если меня всю жизнь учили воевать, а родине я не нужен, то почему бы не сменить заказчика?

Он немного помолчал и продолжил: - В истории человечества войны занимают ведущее место. Подойдите на улице к прохожим и спросите, кого они знают из полководцев, из тех, кто убил сотни тысяч, миллионы людей? И вам тут же перечислят: Александр Македонский, Юлий Цезарь, Ганнибал Барка, Чингиз Хан, Тамерлан, Наполеон, Гитлер, Сталин. А потом спросите, кто изобрёл самолёт, интернет, телефон, антибиотики, зубные имплантаты, контактные линзы, шприц, который им всем втыкали в задницу? Скажу по секрету, - усмехнулся он, - вам никто, никого не назовёт. Ваша и всех заложников беда не в том, что я плохой, просто вы все оказались не в то время, не в том месте.

- Да, - согласился я, - как показывает историческая практика, люди истребляют себе подобных, уничтожают свой вид. Это генетический дефект, ген самоуничтожения. Ни у одного живого существа на планете не наблюдается такого масштабного внутривидового истребления. Если представить, что всё происходит сознательно и спланировано, да порой ещё и с удовольствием, с идеологическим обоснованием. Невольно задумаешься о мутации вида под воздействием вселенских катаклизмов, космическом облучении, например. Мы же не знаем последствий приближения к Земле Луны или радиации от метеоритов, того же Тунгусского, скажем. Но ведь есть и посланники позитивного: Будда, Христос, Магомет. Неужели напрасна жертвенность их учеников и последователей. Сама возможность сострадания, разве это не надежда на исцеление? Пока события не приняли необратимого характера, подумайте, Курт. Слава Лоуренса Аравийского вам не светит, хотя бы потому, что вам пятьдесят, а он в сорок семь уже погиб. Если это политика определённых кругов Поднебесной, то она носит неофициальный характер. Вы затеряетесь здесь в джунглях. И я знаю, мы оба любим Сиам. А ваши прекрасные дети, которые наполовину тайцы, поймут ли они вас?

- Я мог бы вам возразить, что представители всех вероучений с

воодушевлением пытали и убивали приверженцев других религий. И делают это по сей день, достаточно вспомнить бесконечные теракты религиозных фанатиков. Но я хотел бы прекратить этот вечный спор о том, виновен человек или очень виновен; грешен или очень грешен. Давайте спустимся на землю. - После паузы, он перевёл разговор в бытовую плоскость. - Кофе, сигареты? Я видел, он нервничает и не хочет обсуждать планы на будущее:

- От кофе не откажусь. Даже от растворимого. Отпив глоток кофе, я продолжал:
- Вы помните начитанного и романтического юношу из России, которого охраняли в Таиланде.
- Конечно, помню, очень приятный молодой человек. Его имя Николай. Он интересовался историей и культурой Сиама и буквально загонял меня по разным храмам и музеям.
- Так вот, Николай спрашивает меня в письмах. Как там Курт, кого он ещё победил из спортсменов? Если я чудом выживу, напишу ему, что Курт победил меня, заложников, группу женщин из Таиланда...
- Замолчите! Перевоспитывать меня уже поздно, - резко выпалил немец.
- В знак прежней дружбы разрешите позвонить домой родственникам, нужные слова сказать перед смертью, - попросил я.
- Здесь отсутствует связь с внешним миром, горы вокруг и джунгли. Я один выхожу в эфир с помощью рации.

Перед возвращением в свой сарай, я взял у немца пачку сигарет, что бы подарить своей «кормилице».

- Не прощаюсь, я ещё не всё решил для себя, но вечером обязательно к вам подойду. О судьбе вашей тайской подруги попробую узнать. Я не думал, что она для вас что-то значит, что вы её воспринимаете так серьёзно.
- Прежде чем расстаться, одна зарисовка специально для вас. – Я с сочувственной улыбкой посмотрел на Курта. - Остров Хайнань, самая южная часть Китая, как вам известно. Тихий океан: не шторм, но размер волн отпугивает публику, загорающую на пляже, плавать никто не рискует. Вдруг молодой крепкий австралиец смело ныряет под волну, когда она встаёт во весь рост, и на время исчезает из поля зрения. Затем, вынырнув метрах в тридцати от берега, ловит волну прилива и на её гребне стремительно возвращается назад. И эта грозная волна, как объезженная лошадь, мягко выносит его на песок. Молодой пловец разворачивается к новой волне, и представление повторяется. На пляже все со страстью болельщиков следят за борьбой австралийца с океаном. Я тогда был немного моложе и решил повторить этот трюк. Сделал попыток пять - шесть, наглотался воды, понял, что такая скорость движений не для меня, и успокоился. Другие иностранцы тоже рискнули, и тоже быстро остыли. И китайские обитатели отеля пытались бросить вызов стихии, но хороших пловцов среди них не оказалось. Волна не выносила их, а кувырком выбрасывала на берег. Я взял книжку и пошёл дремать в гамаке.

Вернулся на пляж через два часа, чтобы забрать вещи. Также волновался океан, иностранцы разошлись, австралийца не было. И только китайские постояльцы отеля с неослабевающим рвением, раз за разом пытались повторить увиденное шоу.

Подумайте, Курт, есть ли в этом будущем великом походе азиатско-завоевателей место для вас? - Я кивнул ему и вышел.

№ 18. ВЕСЕЛЮ ДЕПУТАТА. «СОФОК»

В своей прежней жизни, до плена, я огорчился, что не встретился с Куртом, и вернулся в отель. В назначенное время в баре гостиницы Sheraton riverside я ждал депутата. У стойки бара появился хлыщ со скуластым полным лицом и бесцветными маленькими глазками-буравчиками. Он с небрежностью вертел в руках солнцезащитные очки Dolce & Gabbana с золотыми дужками. Из-под рукава белоснежного пиджака выглядывали, сияя золотом часики Longines, недорогие по современным российским понятиям, тысяч на 20 в американских. Эта манера держаться с одной стороны высокомерно и статусно (мол, имели мы ваш западный мир), а с другой – неуверенно («так ли я всё делаю, как нормальный европеец?») - часто выдаёт русских за рубежом. Я помахал рукой. Депутат был молод, лет тридцати с небольшим, крепкого телосложения, с наметившимся животом, большими руками и сильным рукопожатием.

- Олег, - Игорь, - представились мы друг другу. Он старался правильно, по-московски выговаривать слова, но, в то же время, манерой поведения «косил» под прибалтийского. Несмотря на дорогой прикид и ещё более дорогие аксессуары, в нём легко было определить провинциала. Есть такое изречение древних: если твой сосед хромым, то ты и сам начнёшь прихрамывать. Я заметил, что под воздействием слов депутата, его манеры держаться, сам начинаю по «фене ботать» и ходить в раскачку «зэковской походкой». В общем, весь набор, по узнаванию российских пацанов за рубежом был в сборе. Не хватало только чашки чая и не вынутой из неё ложки, постоянно бьющей по носу.

- Как вы меня узнали? – спросил депутат.

- Но ведь тут больше нет русских, - с серьёзным выражением на лице ответил я, театрально окидывая взором помещение бара.

- Нет, я имею в виду..., - он замялся.

- Птичка одна прокаркала, - пошутил я, намекая на любовь сорок ко всему яркому, но потом, вспомнив предостережение Алекса о родственнике «шишке», добавил с почтительной интонацией в голосе, - мне Алекс вас подробно описал.

- А-а-а, - протянул удовлетворённо Олег, ему, как и многим нашим землякам, хотелось казаться за границей западным человеком.

Я изложил ему свой план действий и аккуратно разграничил отношения, давая понять, что не нахожусь на «государевой службе» и ему помогаю как соотечественник, а не как зависимый от начальства человек.

На мой вопрос говорит ли он по-английски, Олег ответил, что очень слабо. Его встречали и размещали работники посольства. Он пока всем доволен. У него двухкомнатный номер люкс с видом на реку.

Я вспомнил забавный случай, как незнание языка может испортить отдых. И рассказал Олегу эту историю, пока мы ехали в массажный салон. Дело было в Литве в курортном местечке Друскининкай, затерявшемся в сосновых лесах. Я прибыл в старый отель, построенный ещё в пору единого государства, по одной простой причине: при социализме я никогда не мог в него попасть. А запретный

плод, как известно, сладок. По приезде, сразу вручил главврачу купленный в duty free парфюмерный набор, и двадцать зелёных дал на ресепшен. В результате привычных для персонала подношений мне вручили ключи от просторного номера с евроремонтом и красивым видом на лес.

Спустя несколько дней приехал американец лет шестидесяти с литовскими корнями. Сам в Литве он никогда не был и не знал языка, но престарелые родственники часто рассказывали ему об этой чудесной стране. Его разместили в маленьком, давно не знавшем ремонта номере, с видом на автостоянку. В отеле, вопреки рекламному проспекту, никто не говорил на английском, и американца не понимали. Через три дня у туриста из США сдали нервы. Он не мог найти постельное бельё, хитро спрятанное в выдвижное отделение под кроватью; снять деньги с банковской карточки, ввиду отсутствия такой услуги; разобраться с оплаченными ещё в Америке лечебными процедурами.

В тоже время персонал отеля был настроен против него. Подарков он не делал, на процедуры приходил не в то время и не в то место. Вдобавок ко всему, американец что-то всё время спрашивал на непонятном языке и, не получив ответа, начинал ругаться и совать в нос рекламные буклеты.

Главврач попросил меня поговорить с ним на английском и выяснить, «на каком основании американец кричит на работников нашего коллектива»? Я постучался к американцу в номер и спросил его о проблемах, предлагая свою помощь. Он принял меня за представителя администрации. Бедный турист, минут десять он кричал на одной ноте, одну фразу: «fucking place sofok!!!». Я помог ему найти постельные принадлежности, объяснил, написанное на литовском и русском расписание процедур и вызвал своего прикормленного таксиста, отвезти янки в банк и снять по карточке деньги. Американец потом долго благодарил меня. И сказал, что он бывал в Нигерии, в Кении, в Камбодже и везде персонал отелей говорил на английском, и везде можно было расплатиться картой. В своё оправдание он показывал мне литовский буклет на английском, обещавший тёплый дружеский приём, наличие множества услуг.

- Ну а вы что? - спросил Олег.

- Ну не мог же я признаться, что сами русские называют собственный сервис совковым. Что санатории для пожилых и инвалидов, часто напоминают «грязнилице» перед входом в ад. Но люди, не зная в своей жизни ничего иного, довольны и этим. Во мне зыграл патриотизм, и я всё списал на независимость Литвы. Предложил янки перевести «софок» на литовский. Получилось что-то вроде «samtelis» (совок).

Я посещал Литву несколько раз, и, на мой взгляд, уровень сервиса с каждым годом возрастает. Минувшей зимой был в Вильнюсе. Наконец-то рухнула своя, построенная в головах людей «Литовско-русская стена». Получив или отстояв независимость, литовцы явно подобрали. Приветливо отвечают на вопросы, помогают найти правильный маршрут, даже извиняются за плохое знание русского языка. Раньше наш «великий и могучий» обзывали «языком оккупантов». И на вопрос: «Скажите, пожалуйста, где находится...?» - отвечали либо гордым молчанием, либо, подобно Ивану Сусанину, указывали противоположное направление. Они, надо полагать, помнили, что Иван Осипович несколько веков назад точно так же обошёлся с польско-литовской

группой (туристов?), направлявшейся (на обзорную экскурсию?) в Москву. Теперь литовцы вместе с вами готовы ностальгировать по советскому прошлому хоть всю ночь, если вы угощаете. Вас принимают как иностранца, и молодёжь уже не видит разницы между приезжими из России и Западной Европы. Посещая в промозглую зимнюю погоду массажный салон, я заметил, как девушка с рецепции быстро вынула что-то из моих ботинок. Деньги под стельками я не ношу. Оказалось, что, не претендуя на платную услугу, она повесила мою куртку на вешалку с подогревом и в ботинки тоже опустила электроподогрев для обуви. При такой опеке, конечно, забываешь все прошлые обиды. Встречаясь с литовцами в других станах, замечаю, с какой готовностью бывшие соседи по общегосударственной коммуналке готовы подсказать, помочь. И не только они.

Вы ведь бывали в Нью-Йорке и, конечно, видели Центральный парк на Манхэттене?

- Да, - подтвердил депутат, - даже к апартаментам приценивался, уж больно классное место.

- Круто, - согласился я, - так вот, вокруг парка идёт конкурентная борьба. Прокатиться в экипаже или на велорикше, увидеть достопримечательности парка и место гибели Джона Леннона желающих хватает. А стоит эта прогулка дороже любого городского такси. Представьте, самую оживлённую, самую доходную площадь «держат»...

- Неужели наши пацаны? - с гордостью хмыкнул депутат.

- Да, люди разных народов, в силу общности языка и исторической судьбы, называющие себя русскими. Они не подпускают к площади ни афро-, ни латиноамериканцев.

- Откуда вы это узнали? Я тоже там был, но мне никто этого не сказал.

- Видите ли, Олег, я пешеход, люблю идти, а не ехать. Когда идёшь, замечаешь намного больше, чем через стекло мчащегося автомобиля. Идя пешком, подвергаешься большей опасности, чем в машине. Ты открыт для окружающих, но и они открыты для тебя.

- Сняв в гостинице номер, мы с Риммой, моей давней знакомой перешли дорогу и оказались в Центральном парке. И пока ночная горничная меняла бельё в номере, мы сели на скамейку покурить. У старого дерева с енотиха учила потомство в количестве четырёх пушистых комочков, лазить по стволу. Увидев нас, она подошла и вытянула вперёд нос, прикидывая, чем можно поживиться. Но вскоре поняла, что кроме табачного дыма, нам нечего ей предложить, и вернулась к щенкам.

- Давай закажем табличку на скамейку, - предложил я.

- А текст? - спросила она.

- Ну, что-нибудь вроде: здесь курили marlboro два разбитых сердца, - сочинял я.

- Нет, - сказала она, - американцы это расценят как рекламу табака.

У американцев принято вешать в парках на спинках скамеек бронзовые таблички с текстом типа: «Мери и Джон часто гуляли здесь летом 2010 года» или «Мери, ты помнишь наш рождественский отдых в Калифорнии? Любящий тебя Джон». Заказывая у администрации парка таблички, американцы не только доставляют себе удовольствие, но ещё и поддерживают материально сам парк.

При этом скамеек с табличками - много, но я никогда не видел выломанной или сорванной.

Наш романтичный перекур прервали возбуждённые крики, из которых я понял только слово «fucking». Через минуту из кустов высыпала гурьба темнокожих подростков 14-15 лет. Некоторые с бейсбольными битами в руках. В таких ситуациях я «надеваю» каменную маску на лицо и жду, что будет. Главное не показать испуг. Римма не знала правил этой игры. Она от неожиданности вскрикнула и подскочила на месте.

- Sorry, sorry, - сказал их предводитель и принялся что-то объяснять. Я плохо понимал его речь. В деклассированной среде говорят «гё» вместо «гёл», «бра» вместо «бразэ» и т.д.

- Что он хочет? - спросил я.

- Они ищут какого-то Тома, он им задолжал.

- Мы путешественники из России, мы не знаем Тома и просто отдыхаем, - сказал я обкурившейся братве.

Они эту информацию «перетёрли» между собой и ушли. Слово Россия на них подействовало отрезвляюще.

- А в Вильнюсе до распада Союза, я слышал, собиралась модная тусовка, там ваше поколение зажигало? - спросил депутат.

- Там, там, и не только, - вздохнул я, вспоминая молодость. Вильнюс времён социализма больше других городов Прибалтики ассоциировался с Западом.

№ 19. «МАСАС» В СИАМЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МАССАЖ

Пока я рассказывал депутату о Литве и вспоминал Америку, мы подъехали к массажному салону.

- Почему именно этот салон? – спросил недоверчиво Олег.

- Не бойтесь, я не в доле, просто это чистый, проверенный салон. Здесь профессиональные и симпатичные массажистки. Все в коротких белых халатиках. Вам я бы порекомендовал часовой массаж для релаксации в четыре руки и отдельно массаж лица. Думаю, последствия долгого перелёта пройдут. Да, между прочим, для массажа раздевать будут догола, не удивляйтесь. Такова здесь процедура массажа. За вещи и деньги не переживайте. Салон дорогой, воровать не станут.

- Слышь, а трансвеститов среди массажисток нет? Мне бы не хотелось...ну, ты понимаешь, как-то неприятно. Другое дело, посмотреть шоу, это можно.

- Трансвеститов легко отличить от женщин по наличию кадыка, у женщин его нет. Трансвеститов в туристических зонах действительно немало. Но я отношусь к ним, как к людям с трагической судьбой, какими бы весёлыми они не казались. А на шоу, уж извините, не поеду. Лучше вам съездить с Алексом, он завтра освободится.

Мы поднялись на второй этаж здания, расположенного напротив отеля Montien Hotel Bangkok (та же цепочка, что Montien Riverside). На ресепшене салона я обрисовал наши пожелания и дал девушке десять долларов, пообещав добавить ещё, если всё понравится. За прозрачной занавеской появились все массажистки, давая возможность выбрать понравившихся.

В коридоре, уютно расположившись в кресле с чашкой чая, отдыхал после массажа клиент. «Китаец», - сказал я.

- Почему именно китаец, разве можно это определить? - спросил Олег.

- А мы сейчас проверим. Нихау! - поприветствовал я.

Азиат завертел головой, и, увидев мою улыбку, произнёс в ответ с лёгким поклоном:

- Нихау!

- Как вы их различаете?

- Во-первых, это опыт. Как вы легко отличите испанца от скандинава или итальянца от немца, так же легко в Азии отличают японцев от корейцев, вьетнамцев от китайцев. Один мой знакомый работал на Дальнем Востоке и начальником его был кореец, а он их не различал. Ему приходилось здороваться и раскланиваться со всеми азиатами города, на всякий случай. Через минуту вышли две восточные красотики, выбранные депутатом, а я прошёл следом за Муан Чан, запомнившейся мне с прошлых визитов. Муан Чан, в переводе «лунная», если не ошибаюсь (тайский язык, как и китайский является тоновым, и смысл одного и того же слова зависит от произношения). В свои 27 лет она была профессиональной массажисткой, знавшей все тонкости ремесла.

Миниатюрная, от природы изящная фигура, красивые черты лица с аккуратным носиком и ушками, как у фарфоровой куклы, и загадочные глаза под длинными ресницами. Она казалась нарисованной восточным художником для сувенирной открытки. В реальную, будничную жизнь возвращал белый халат, напоминавший медицинский, и удобные для работы простые жёлтые туфельки без каблука. Было у нее одно существенное отличие от многих тайландок: тёмная, цвета молочного шоколада, кожа. Она принадлежала к национальным меньшинствам страны. Как известно, тёмный цвет кожи «не моден» среди местного населения. Считается, чем светлее кожа, тем более «аристократична» её обладательница. Поэтому у жителей этой части Земли не принято загорать. Эти критерии женской красоты восходят ещё к временам феодализма. Аристократы не занимались физическим трудом, закрытые от солнца зонтами, они были светлее, своих подданных.

Я поймал себя на том, что она мне нравится не только как красивая девушка, в моём чувстве было нечто большее. Она, безусловно, почувствовала это.

Женщины Юго-Восточной Азии интуитивны.

Массажистка разула меня и вымыла ноги. После этого восточного обычая уже начинается релаксация. Надев одноразовую обувь, я прошёл за ней в массажный кабинет. Там она помогла мне раздеться. Я старался в чисто физическом проявлении не показывать свою мужскую тягу к ней, но не уверен, что это получилось. Быстро лёг на живот и попытался расслабиться. Сильные и одновременно мягкие движения успокаивали. Муан Чан обладала такой техникой массажа, когда руки не отрываются от вашего тела, сменяя друг друга, как морские волны.

«Масас», как его называют в Таиланде, плохо выговаривая европейское слово, - больше, чем массаж. Это и трудоустройство людей, и почти культовая вера в необычайную целебность процедур. Даже, может быть, не столько собственная вера, сколько рекламная компания для «круглоглазых». Как бы там ни было,

массаж ещё и общение. Сеанс длится не менее часа, а женщинам трудно молчать так долго. Опытные массажистки за это время «вытягивают» из клиента всю его подноготную: откуда он, кем работает, женат или холост, на сколько дней приехал, в каком отеле остановился. Кроме того, после первого сеанса известна информация о скупости или щедрости иностранца. Если массажистка работает добросовестно, я оставляю хорошие чаевые, и это не забывается. В то же время, видя солидного клиента, массажистки стараются умелыми движениями возбудить его плоть и предложить более широкий и более дорогой ассортимент услуг. Иногда девушки так быстро выпрыгивают из одежды, что не успеваешь понять, хочешь ты этого или нет.

После массажа лица, на котором я всегда засыпаю, у меня по плану шёл ресторан и я пригласил Муан Чан составить мне компанию. Её это удивило. Обычно клиенты, большинство из которых пожилые люди, совершают половой акт здесь же, либо заказывают массажистку в номер. Всё зависит от уровня салона и его профессиональной направленности. В настоящих массажных салонах половая близость не приветствуется, ну разве что минет или мастурбация. Морально девушки готовы на многое, но боятся подцепить СПИД в не меньшей степени, чем клиенты. И этот взаимный страх обоснован. Считается, что в Сиаме больше миллиона ВИЧ-инфицированных. От неизлечимого заболевания ежегодно умирает больше граждан страны, чем от несчастных случаев, рака и сердечных приступов.

Олегу так понравился массаж в четыре руки, что он пригласил в ресторан обеих девушек, благо платить не ему. После всех процедур он напоминал жеребца, которого выпустили из конюшни порезвиться на воле. В глазах появился задор и присущая россиянам бесконтрольная удаль. Я почувствовал, что он завёлся. А русский пир, как и русский бунт, не предвещает ничего хорошего. Хозяйка салона оценила отсутствие девушек на рабочих местах в 150 долларов оптом, что было недёшево, учитывая окончание рабочего дня и отсутствие клиентов.

- Да ладно, не жмись, - говорил мне Олег, - завтра же всё вернут. А то, слышь, посла уволим, а тебя на его место назначим. При этом он засмеялся и толкнул меня под локоть. Я с трудом сдержался не послать его куда подальше. Но ссорой с ним я бы подвёл Алекса.

№ 20. НЕБЕСНЫЙ РЕСТОРАН

Водителю посольства не нужно называть адрес, достаточно сказать Bayok Sky. Это самое высокое здание в Таиланде, а до недавнего времени и во всей Азии, насчитывает восемьдесят восемь этажей. Большую часть здания занимает недорогой отель. На верхних этажах расположены панорамные рестораны и кафе. Я забронировал места в круговом ресторане, с самым большим в Таиланде «шведским столом» (Buffet and seafood).

В машине мы познакомились. Девушки Олега, две миниатюрные таечки, похожие друг на друга, как две сестры, представились: Абби и Нанни. Муан Чан назвала себя Микки. На Востоке девушки, связанные по работе с иностранцами, для облегчения произношения, меняют имена на привычные

для европейцев варианты. Также девушки, занятые в туристической индустрии с Россией, просят называть их Маша, Зоя, Нина и т.д.

Когда я назвал себя «Ильич», Олег удивился.

- У меня имя непривычное для иностранного уха. К тому же, если ты заметил (по его просьбе мы перешли на ты), тайцы не очень дружат с буквой «Р», и быть Иголем я не хочу. При моей фамилии Ларин это будет уже перебор. Представь себе, И-голь Ла-лин из Лусии.

Мы заняли столик с отличным видом на ночной Бангкок. С такой высоты бессмысленной кажется людская суета. «Город Ангелов» (Krung Thep) спрятал в сумерках домишки бедноты и выставил напоказ парадную часть столицы, пленяющую взоры 10 миллионов туристов, приезжающих сюда ежегодно.

Словно бедная невеста, одевшая новое платье на застиранное бельё.

Из-за стеклянных стен ресторана видны сияющие рекламы небоскребов, супермаркетов, отелей. В свете прожекторов тянутся к небу престижные кондоминиумы, прочерчены контуры старинных храмов. Одна сторона медали,

- восточная роскошь, другая сторона, как будто другая страна, – кварталы трущоб, пропахших жареной рыбой, пряностями, бензином, потом борьбы за выживание. Здесь ни один метр площади не пропадает зря. На первых этажах дешёвые кафе, магазинчики разнообразных товаров, парикмахерские, определённой направленности массажные салоны, прокат машин, мотоциклов и т.д. и т.д., в зависимости от фантазии владельца. Здесь же, не отходя от прилавка, едят, смотрят телевизор, отдыхают после дневной суеты. Вся жизнь нараспашку: reality show on line, я бы даже сказал on life. На вторых этажах спят, любят, прячут ценные вещи. Не оставляют в покое и тротуары, вытаскивая на них столы и стулья для обслуживания клиентов. Часто легче идти по проезжей части с её хаотичным движением, чем лавировать на тротуаре.

Такова Юго-Восточная Азия. Либо любовь, либо неприязнь с первого взгляда.

Олег, глядя на панораму города: - Ну, по количеству высотных зданий ваша Москва отдыхает.

- А почему Москва наша, она уж скорее ваша, ты и живёшь в ней и рулишь политикой.

Он, продолжая свою мысль: - Слышь, нет ни нефти, ни газа, ни металлов, по сути, ни хрена, и такое строительство. Я сегодня ехал по четвёртому яруссу дорог. На какие бабульки всё это? – И сам себе ответил. - Туризм. То есть мы, туристы, даём работу семидесяти миллионам тайцев. Я считаю, слышь, Игорь, девчонки в виде компенсации должны дать нам бесплатно, - он засмеялся, - вон они, подкрасились и идут к столу. А относительно Москвы, я слышал твой вопрос, извини, никак не привыкну к ней. Я конкретный рязанский пацан, из Рязанского княжества. У меня там всё схвачено, люди уважают, охота отличная, домишко не хилый, маньки-баньки, друганы.

Знаешь, анекдот такой есть, - продолжал он, - президент проводит совещание с губернаторами, те сидят сытые все, морды круглые. Президент говорит им:

«Ну, что, господа, денег у всех вас полно, поместья построили шикарные, яхты купили, любовниц юных завели, дети у всех обеспечены». Кивают: «Да, господин президент». Президент смотрит на них с укором: «Может вам, наконец, пора подумать о душах?» Губернаторы оживились, зашумели: «Да, -

говорят, - господин президент, бьём челом, душ по пятьсот бы для начала каждому!» - Он посмотрел, сощурив глаза на меня. – Анекдот-то верный. Только сели за стол, подошёл официант с картой вин и двумя графинами чистой воды со льдом и листьями мяты.

- Ну, я взял бы чего-нибудь крепкого, лучше вискаря. К ним можно колу, чтобы по мозгам долбануло, а к десерту - кофе с ликёром. Я вот думаю, не подпоить ли девчонок, как говорится, «пьяная баба п...де не хозяйка, - Олег оживился, и глазки-буравчики забегали плотоядно по сторонам.

Он попытался расспросить официанта о правилах работы «шведского стола», но тот не понимал, о чём идёт речь.

- Олег, перестань терзать юношу, понятие «шведский стол» используется только на постсоветском пространстве. Никакого «Swedish table» не существует в природе. Такая форма сервиса во всём мире называется «buffet», - вмешался я.

- Ты, можно сказать, плюнул мне в душу, значит, нет никакого «шведского социализма», об опыте которого мы любим поговорить? И нет «шведской семьи»? А что же жена моя, заноза, когда я загуляю, всегда кричит: «У нас не «шведская семья».

- Давай уже закажем, - сменил я тему, - если брать виски, предлагаю не мудрить, а остановиться на «Джонни Уокер Блек Лейбл», купаж сорок сортов, выдержка двенадцать лет. Я читал, что эту марку любил Уинстон Черчилль. И к тому же недорого, из бат - в доллары, где-то семьдесят пять зелёных, или можно взять подороже - Гленфиддик. И вино австралийское попробовать, например, «Вильям Рэнделл Шираз» за семьдесят долларов.

- А что ты всё экономишь деньги посольства? К ним приехал уважаемый человек, то есть я, - Олег расцвёл в улыбке, - и уважаемый человек отмечает свой приезд. Если потратим мало - нас не поймут. Он засмеялся и повернулся к официанту: - Виски «Джонни Уокер Блю Лейбл», - и, обернувшись ко мне, - купаж эксклюзивных сортов, выдержка двадцать пять лет, стоимость более четырёхсот пятидесяти американских. - И опять к официанту. - К виски - имбирный эль и колу. Пару бутылок французского шампанского «Дом Периньон», винтаж 2000, - и опять посмотрел на меня, - стоимость каждой порядка четырёхсот. Вот теперь нормально. Пусть знают, как Россия зажигает. - А парень совсем не прост, - подумал я, - специально дурачком прикидывается, всё, что ему нужно, всё знает. Последнее время у чиновников появилась манера выглядеть глупее, чем они есть на самом деле, по принципу «ты - начальник, я - дурак; я - начальник, ты - дурак». Бизнес, вообще молчит. Кто-нибудь, когда-нибудь слышал живой голос Абрамовича? А «говорливых правдолюбов» постоянно отстреливают, и ни заказчиков, ни исполнителей и не находят. Получается, что о России надо говорить, как о покойнике, или «хорошо», или «ничего»?

На Востоке я привык начинать трапезу с фруктов. Поэтому мой первый маршрут - к подносам с разноцветными горками плодов. Девушки принялись помогать Олегу, растерявшемуся в этом изобилии запахов и красок. На огромных блюдах лежали очищенные и нарезанные фрукты.

Созревшие на солнце, душистые, сладкие ананасы (их в тропиках восемьдесят сортов); маленькие и большие, красные и жёлтые бананы; ярко-жёлтые манго

(в жарких странах несколько сотен сортов); оранжевые папайя; зеленая гуава; жёлтые звёздочки карамболы; сочные и нежные, размером с грецкий орех, рамбутаны и личи; драконов фрукт, похожий снаружи на свеклу с мелкими листиками, а внутри на киви, только не с зелёной, а с белой, фиолетовой или красной мякотью; «розовые яблоки», напоминающие по форме груши. А также привычные плоды, выращенные на местной почве, - клубника, арбуз, дыня, виноград et cetera.

Официант разлил по бокалам шампанское. Золотисто-жёлтый напиток побежал по гортани, отдавая нежный аромат фруктов, специй и лесных орехов. Я люблю состояние первого лёгкого опьянения, дарящего иллюзию возможных перемен к лучшему. Надежду на то, что не «вышел в тираж», что тебя ещё помнят друзья, и ещё позвонят любимые женщины. «Нет! - твёрдо говорю я судьбе, - я не проиграл, у меня туз в рукаве. Вот сейчас поставлю последние деньги, и выигрыш будет за мной».

Расчувствовавшись, я приподнимаю бокал и киваю Олегу: «За надежду!» По его глазам вижу, что всё это шампанское для него, так, дробинка в заднице бегемота. Девушки закашлялись, они раньше не пробовали такой напиток.

Общий разговор не очень склеивается, тайки и Олег плохо говорят по-английски, а мне трудно переводить с плохого английского на плохой английский.

Вижу, как Олег серьёзно принимается за виски. Он рассказывает мне и ничего не понимающим девушкам о своём друге дагестанце, осевшем вместе с братом в Уганде и занимающимся там контрабандой оружия в обмен на алмазы.

- Вот это жизнь, слышь, Игорь, он там реальный авторитет. Ты же много мотался по свету, давай рванём к нему. Мне надоело это депутатство, сидишь в полупустом зале и нажимаешь кнопки за каких-то отсутствующих педерастов, - горячится Олег.

Муан Чан кладёт свою руку мне на ногу, рядом с мужской гордостью и делает нежные массажные движения. - Ты хороший, - говорит она, - ты будешь любить Муан Чан? - Я целую её в губы. У неё нежные девичьи губы.

- Эй, молодёжь, - смеётся Олег - с вами, между прочим, депутат!

Пошли за горячим. Я проигнорировал тигровых креветок, так как рядом лежали, приготовленные на гриле двадцатисантиметровые креветки Джамбо; красные с крупными клешнями омары; похожий на омара, но без клешней лангуст и какое-то незнакомое мне ракообразное существо, очень напоминающее огромную панцирную мокрицу. Все эти морские обитатели предлагались с соусами и гарнирами. Устрицы на блюдах со льдом, морские улитки, гребешки...

Махнув официанту, я попросил принести пива, обычного местного пива. Мы пили по-русски, без всяких канонов и правил, руководствуясь только желаниями и настроением.

№ 21. Я НЕ ДИТЯ ГЛАМУРА

По залу ресторана уже с полчаса бродила странная парочка музыкантов. Я бы назвал их «Лиса Алиса и Кот Базилио тайского разлива». Узнав, что мы русские, они исполнили «помнишь ли ты, Мулка, наш ломан?» и «эти дикие

подмосковные вечела». Он фальшивил скрипкой, она голосом, но зато они фальшивили на многих языках мира. Их дуэт получил хорошие чаевые и задержался надолго у нашего стола. Олег предложил «на пари» соревнование, кто больше знает народных песен и романсов. Нужно было исполнить первый куплет и передать эстафету сопернику. Тайцы аккомпанировали, как умели. Он не учёл, что я бывший интеллигент, рождённый в СССР, а не дитя гламура. Сколько песен в былые времена мы перепели под салат оливье, холодец и пиво «Московское» Останкинского пивзавода.

Я вспомнил то далёкое время. Наверное, была осень и, возможно, солнечный день. А это означает что мы кто в кедах, кто в ботинках, но все в одинаковых тёмно-серых пиджаках и в чёрных брюках клёш, вместо форменных серых. Ширина разлёта брюк внизу штанины определялась личной наглостью каждого.

Недавно в нашей школе была очень важная комиссия по присвоению «переходящего красного». «Красного» чего? То ли знамени, то ли вымпела, но точно не вина и не моря. Ну, так вот комиссия только сняла верхнюю одежду и вышла из кабинета директора в вестибюль. А тут я влетаю с опозданием на урок: волосы до плеч, военного образца рубаха, из-под неё между расстегнутыми пуговицами – тельняшка, далее золотая цепочка, на которой предположительно может висеть крест. Представляю, что комиссии только-только пела директриса о нашей «идеальной» школе, и вдруг я – чудо в перьях. Все эти районного и городского уровня «куры» всплеснули руками, как крыльями, и закудахтали: «как у вас в школе есть такие ученики»? Директриса наша «Шура, не будь дура» нахмурила брови и говорит строго, обращаясь ко мне: - Молодой человек вы к кому? У нас уже начался урок. – И подмаргивает мне одним глазом.

Я, быстро вступая в игру: - Мне нужен Виктор из десятого «А», он в «Красном уголке» сегодня проводит занятия с «трудными».

«Шура», демонстрируя улыбку взаимопонимания: - Да, в 5 часов сегодня будет встреча с литераторами по поэзии Маяковского «Я себя под Ленином чищу». Потом будут показывать новые выпуски киножурнала «Фитиль». Приходи после уроков. – И мне глазами на дверь: иди, иди, мол, потом потолкуем. Затем, обращаясь к членам комиссии, - десятые классы у нас шефствуют над трудными подростками района.

– А-а-а, - сказали «куры».

– Врёт, как дышит, - подумал я, прогуливая на законном основании школу. Трудные подростки с её ботаническими десятиклассниками даже курить на халяву, и то не стали бы.

Ну, в общем, в тот, скорее всего, осенний день, мы, ученики самого боевого 9 «Б» курили на скамейке, напротив школы. Почему самого боевого? Потому что много кто хотел бы посидеть здесь после уроков. Но сидим и курим в это время только мы: я - «Пушкин», Коля – «Кит», Димка - «Бедный», Янис – «Грек» и всегда поджидавший нас Шурик – «Шарманщик», выгнанный из школы в ПТУ. Вылететь из школы не составляло труда. Достаточно звать всех учителей на «ты», как «Шумок», просидевший в каждом классе по два года и почти сравнявшийся с учителями по возрасту. Или выстрелить в военука из поджиги, как Гурам. Школьные юмористы говорили, что директриса выгнала Гурама из

школы не потому, что он стрелял, и пуля оставила дырку в классной доске, а за то, что он промахнулся. Директор ненавидела военрука, отвергнувшего её ухаживания, отдав предпочтение молоденькой лаборантке кабинета химии. Гурам на лаборантку тоже имел виды, поэтому и выстрелил. Шурик погорел вообще не за что. Сзади поднял линейкой юбку практикантке, проводившей урок анатомии. И как мы потом не объясняли директрисе, что всё было в рамках темы урока. Шурик просто интересовался анатомическим строением будущей учительницы, - ничего не помогло. Всё те же юмористы говорили, что поднимать юбку надо было у директрисы, глядишь, стал бы отличником. Так и сидим мы, группа сексуально озабоченных юнцов, перетирая события, под американскую пачку «Филип Моррис» с чёрным угольным фильтром, украденную «Греком» у выездного отца.

Из-за соседнего дома выплывает кодла незнакомых парней. Короткие стрижки - под сидевших, тот же прикид, как и у нас. Но обязательных для школьников крысиного цвета пиджаков, - нет. Значит, в школе не учатся. Идут явно по наши души. Молча встаём, не для того чтобы выразить уважение поданным другого двора, а чтобы не получить по морде лица, сидя. А то и подняться-то не дадут. Я и «Грек» натягиваем по кастету под чёрными перчатками. «Кит» и «Бедный» обладают ударом наповал и без дополнительных средств защиты, а «Шарманщику» - всё по барабану. Он ли бьёт, его ли бьют, главное – нескучно. Парни, напоминавшие ёжиков, со злобно торчащими иголками, имея численный перевес, подошли к скамейке и встали напротив нас. Я видел, как наш классный спекулянт Стас Писаренко – «Зассыха» вышел из школы, оценил ситуацию и убежал, опустив голову вниз до положения «ничего не вижу». Завтра не забыть подрезать с него жвачку на всех, за трусость, - подумал я, - если будет чем жевать.

Из компании незнакомых парней вышел самый здоровый: - Кто у вас в школе Игорь Ларин, его ещё «Пушкиным» зовут?

- Ну и амбал, - шепчет мне Янис, - предложит драться один на один, не соглашайся, прибьёт сразу. Просто Аббаллон Полведерский какой-то. Признаюсь, сердце ёкнуло и поползло к ступням ног. Но почему именно я? Деваться было некуда, говорить, что я – это не я, - опозориться перед друзьями. Делаю шаг вперёд, как на школьной линейке, и признаюсь: - Ну, я Ларин, а что? Амбал запустил руку за пазуху и вынул... книгу. Держи, клёвая книга, настоящая, - он протянул мне «Записки серого волка» Ахто Леви. Я мысленно простился с этой повестью месяца два назад, когда потерял её след среди читателей. У нас в семье была большая библиотека. Дед Дмитрий, занимая определённый номенклатурный пост в тогдашней Советской вертикали власти, имел возможность приобрести в одном экземпляре любую книгу, выпущенную в стране. Это называлось снабжением по книжному списку. Книжный дефицит, а скорее, книжный бум тех лет. За издания известных авторов спекулянтам платили до десяти цен «сверху». Поэтому друзья, друзья друзей, знакомые и не очень пацаны – все пользовались моей домашней библиотекой. На некоторые книги устанавливалась очередь, и они месяцами блуждали по рукам. Книги зачитывались до дыр, теряли товарный вид, но ни одна не пропала. Невероятно, но факт.

Другой слабостью деда были романы. Подбор пластинок казался

внушительным. Большие диски, выпущенные официально фирмой «Мелодия». Контрабандные, прибывшие нелегально из-за кордона. Шипящие и хлюпающие пластинки, произведённые в России подпольно на гнущихся во все стороны рентгеновских снимках. Их так и называли - «на рёбрах». И, наконец, цветные пластинки, опять же, гнущиеся, приобретённые в левой мастерской на Арбате за невероятную по тем понятиям цену: одна песня – один рубль.

Высоцкий, Вертинский, Окуджава, Козин, Шаляпин, городские романсы и народные песни в исполнении цыган, казачьего хора белых эмигрантов.

Приходя с улицы: с её грязью, матом, пьянством и драками. Изнасилованный неинтересными уроками, и потому невыполненными школьными заданиями.

Взвинченный раздражёнными и закомплексованными учителями. Я захопывал входную дверь и попадал в вымышленный мир несуществующих героев, страстной любви, веры и честности. Книги и пластинки с лихвой заменяли мне компьютер. А большая коллекция почтовых марок давала возможность поползть по политической карте мира в поисках неведомых океанских островов и затерявшихся в пустынях эмиратов.

- Вот так, депутат, а ты говоришь. Если захочешь сыграть во что-нибудь по знанию географии, то я здесь и «всегда готов», как говорили пионеры.

Олег, с огорчением в голосе: - Ну, ты даёшь, я в детстве занимался во дворце культуры, а ты меня сделал.

Я протянул руку: - Проспоренные деньги, сээр, вряд ли следует вам напоминать о святости долга, - дурачился я, будучи уверен, что он ничего не отдаст. Такие, как он, своими наличными никому не платят. У них выработалась модель, что за них всегда заплатит государство.

- Не ожидал. Признаться, я думал, ты - еврей, и кроме «семь сорок» ничего не знаешь, говорил он, делая вид, что ищет деньги, - а ты русский мужик из народа. С деньгами давай завтра, не взял, забыл в номере.

- А ты думаешь, что любовь к российской культуре, природе определяется количеством «чисто русской крови»? А куда деть тогда Пушкина? Отправить его книги в Эфиопию? А Жуковского в Турцию? Фонвизина в Германию! Даля в Данию! Бабеля, Мандельштама, Ильфа с Петровым, Пастернака в Израиль! Гоголя в Украину! Многие дворянские роды происходили от иноземцев. В основном от Ордынских татар, часть от скандинавов, литовцев и т.д. И, потом, Чайковского куда девать?

- А что Чайковский тоже не русский? – спросил Олег в замешательстве.

- Нет, он просто был гомосексуалистом. Но ведь всё равно, в общую шеренгу «правильных людей» не встаёт. Есть вещи, которые человек не может и не хочет изменить - национальность, например. От того, что ты не любишь армянина или узбека, он же не перестанет им быть. С такой установкой на превосходство одного «правильного» народа над другими «неправильными», выход только один - фашизм. Ты - «за»?»

- Да ладно, чего ты? Я же не знал, что ты демократ, все вы там, в Мегаполисе повёрнутые и перемешанные. Хватит наезжать на меня, а то девушки уже испугались.

№ 22. ПЯТИБОРЕЦ СЕРГЕЙ ИЛИ «КОНЧУ ЛЮБОГО»

Когда мы завершили состязания в песенном марафоне, к нам подошёл интересный типаж, на вид лет двадцати пяти. Крепкое спортивное телосложение, короткая стрижка, узкий лоб, бесцветные «колючие» глаза. Внешность настолько распространённая, что с его фотороботом можно пересажать немало людей.

- Земляки, - начал он, - можно с вами по рюмочке хлопнуть? Так вы хорошо пели. Меня Сергей зовут, а это Кристина. - Он подтащил за руку девицу, выглядевшую лет на шестнадцать, с крашенными чёрными волосами, курносый носом и оценивающим вас внимательным взглядом. Как будто вы разделись и принесли вещи в комиссионный магазин.

Олег, уже пьяненький, с готовностью кивнул. Официант приставил ещё два стула.

Сергей принёс свою бутылку виски, демонстрируя, что он не халява: - Я чего говорю то, так вы хорошо пели, тоска, прям, по родине замучила.

- А что давно в разъездах? – спросил я.

- Да, три месяца уже езжу по безвизовым странам, месяц здесь, месяц там. И еще на три месяца куда-нибудь поеду. Тоска, ни выпить толком, ни в баню по настоящему сходить, ни косячок замутить, ни на скорости погонять, - ничего путёвого тут нельзя.

- Ты правильный человек. На таких патриотах земля наша держится, а не на этих с мегаполиса, - захмелевший Олег оживился.

- Я по ящику вас видел, лицо знакомо, пробурчал Сергей.

- Ну, что же, страна знает своих героев, - сказал Олег, с чувством превосходства поглядывая на меня и с вызовом на официанта: - Что ж ты, мать твою, дубина тайландская, не узнал меня, небось, русские каналы по ящику не смотришь?

Официант улыбнулся во весь рот и закивал

Я наклоняюсь к Сергею и спрашиваю шёпотом: - Хлопнули кого-то? Я имею в виду шесть месяцев вашего отсутствия, как раз, чтобы дело сдали в архив.

Он холодно и агрессивно смотрит на меня. А я, не выказывая ни какого волнения, по-доброму, смотрю на него. Постепенно напор его слабеет, он прищуривает глаза и изучающе разглядывает меня: - А если да? То что?

- И кто это был: мужчина, женщина?

Он принимает мои «правила игры». Я знаю, как тяжело прятать в себе тайны. Каждая тайна имеет смысл, если она разделена. Как в детстве, узнал что-то и бежишь к другу разделить секрет. И берёшь с него страшную клятву: «больше никому!»

- Мне ведь это фиолетово, я долго пятиборьем занимался. Мишень, она и в Африке мишень, кончу любого. Лежишь на позиции, по рации говорят, вот объект пошёл к подъезду или, как бы, к машине. А вам зачем, убрать кого-то? Я, уклоняясь от ответа на его вопрос: - Да, здесь нужна выдержка и железная воля, как в пятиборье, надо уметь переключаться с бега на стрельбу... потом с усмешкой, кивая в сторону Олега, - а его смогли бы?

- А что, достал да? Такой может достать своей болтовнёй.

Сильно захмелевший Олег как раз произносил очередной тост.

- Он был в разработке, я помню его, кивнул Сергей, - ни черта он не из народа. Мать у него работала завбазой, и отец в облторге подвязался, бабки ещё при совке ковали. А жена его сейчас руководит рынками области. У него дядя на очень крутой работе, в карательных органах бооольшой начальник, он из-за дяди дороже стоит.

Сергей поймал мой удивлённый взгляд: - Да, всё по-взрослому. Серьёзная структура: чуть человек, как бы, выше пенька, на него досье. В государстве всё должно быть под контролем. Я этого запомнил, - кивнул на Олега, - он «пирамиду» возглавлял, у меня на ней родственники погорели. - Излив душу, киллер, как то даже расслабился, обмяк.

- Наверное, в России убивать легче в тяжёлом климате и в гнусную погоду, - мрачно пошутил я. Поэтому по количеству убийств мы превосходим и Европу, и США – в разы.

- Да, - засмеялся Сергей, - стреляешь и думаешь – ну вот он уже отмучился, а мне под дождём тащиться домой. – Мой вопрос он воспринял, как профессионал. – Но вы не сомневайтесь, если его нужно убрать здесь, могу и так сделать, это уже мои проблемы. Я шесть лет в большом спорте, привык работать в любых условиях.

- Если купишь раба, пусть он работает шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром....

Сергей: - Что? Я чего-то не догоняю?

- Так, к слову пришлось на счёт шести лет в спорте. Это из Библии, Исход, глава 21.

Сергей: - Вы чего священник что ли? Контора скидок не даёт никому.

- Нет, не священник, скорее агностик.

- А я православный, - с гордостью сказал Сергей.

Кристина дёрнула его за рубаху: - Пойдём, пойдём, я устала.

- Ну, не даёт поговорить. Встретил умного человеком, и ещё живого, - он засмеялся.

С напускным безразличием я спросил: - А как связаться?

- Есть контактный телефон, сошлётесь на меня, скажите, что от Сергея-пятиборца. На вас выйдут. - Он выпил ещё рюмку, проглотил кусок ананаса и засобирался. - Надеюсь, не встретит вас в разработке, - кивнул он, уходя.

Муан Чан прижалась ко мне: - Он плохой человек. У него плохие глаза, не верь ему.

Олег, провожая взглядом Сергея: - Какой всё-таки приятный человек, сразу видно наш электорат, - последнее слово далось ему с трудом. От выпитого он так возбудился, что не мог замолчать.

У столов, с разложенными на огромных блюдах яствами, толпился народ. И какая-то маленькая девочка, запутавшись в этой вакханалии еды и едоков, подбежала к нашему столу и, набрав себе ужин из наших тарелок, поскакала к маме. Девчушка рассказала о своей находчивости и показала на наш стол, предлагая и маме не толкаться среди обжор, а набрать всё с нашего стола. Молодая женщина смутилась, покраснела и встала, извиняясь. Я смеялся до слёз, маша рукой и показывая ей, что всё окей.

Олег не оценил комизма ситуации и проворчал: - Ну вот, а говорят у них дети воспитанные, надо опять тащиться за жратвой.

№ 23. МУАН ЧАН ВОШЛА В МОЮ СУДЬБУ

Набрав телефон Алекса, я обрисовал ситуацию: - Всё, как в Парламенте: депутат, лоббирующий рыночный капитал, - выступает, не заткнёшь. Половина народа ни хрена не понимает, я имею в виду таек, - пояснил я, - другая половина на всё забила и ушла – это Сергей и Кристина. Недовольная молодёжь старается урвать свой кусок пирога с праздника жизни, это я про девочку. Речь слушает только гнилая интеллигенция, ропщет, но выполняет - это я.

- Ну, я чувствую, вы время зря не теряли. Какие стайки? Какой Сергей с кретином? Мне кажется, вы сами тоже на бровях, усмехнулся в трубку Алекс, - запакуйте «Шишку» в посольскую машину, а я в отеле его встречу и всё устрою.

Олега с трудом вытащили из-за стола. Он кричал, что это свержение парламента и обещал мобилизовать патриотические силы страны. Три официанта с трудом затащили его в машину.

Я был свободен. Вызвал такси и поехал в отель Менам. По приезде, выполняя правила отеля, я записал на ресепшине паспортные данные Муан Чан, дал двадцать долларов и пошёл с ней выпить по чашке кофе. Время приближалось к полуночи.

Зазвонил мой мобильный. Это была Римма. Она разговаривала со мной каждый вечер, и мне было приятно обсудить с ней новости и события дня. Но только не сегодня.

- У тебя что-то случилось или ты не один? Я чувствую напряжённый голос. Мне кажется, ты выпил сегодня. С кем? С женщиной? - Затараторила она. Я изложил ей свою версию событий, не включавшую тайских девушек. Но она мне не поверила.

- Я от тебя не ожидала такой прыти, только уехал и уже кого-то подцепил. Кто же там плачет на твоём плече? Ты же любишь принимать исповеди, а женщины любят исповедоваться тебе, - продолжала допытываться она.

Пришлось рассказать ей чисто английский анекдот: - Встречаются два джентльмена. Один рассказывает другому: представляете, вчера вечером я, как всегда, прогуливаюсь по парку и вижу маленького лягушонка. Он смотрит на меня и дрожит от холода. Я пожалел его и спрятал в карман, чтобы он согрелся. Когда я вернулся домой и вынул его из кармана, он вдруг прыгнул на мою постель и превратился в обнажённую красивую девушку. И тут вошла моя жена. Я всё ей рассказал, ничего не утаив.

Другой джентльмен: - Ну, и?!

Первый джентльмен: - Ну, и, представьте, она мне не поверила!

После моей шутки Римма успокоилась, и разговор вошёл в привычную колею.

- Твоя жена? - спросила Муан Чан.

- Нет, я не женат, я уже говорил тебе.

- Тогда кто она для тебя?

Чем проще вопрос, тем сложнее ответ. Кто она, Римма, для меня? Вакантное место, которое должно быть кем-то заполнено, или друг и помощник в моих

делах, или это побег от грустных холостяцких вечеров? И кто для меня Микки, фастфуд, ночное приключение, допинг для бега с препятствиями под названием «жизнь»? Часто роли в этой пьесе выбирают сами женщины, а мужчинам, записавшим себя в «главные герои» достаётся место статиста. Мы поднялись в номер, и глаза её спросили: «Да»? Ответ был ясен, и, быстро сбросив одежду, она прошла в ванну. Зашумела вода и, прихватив два отельских халата, я последовал за ней. Под бегущими струями воды стояла миниатюрная, но отнюдь не хрупкая девушка, с небольшой упругой грудью и зовущими к действию сосками. Услышав, что я вошёл, Микки кокетливо закрыла свою щёлку руками, которые то ли скрывали её женский секрет, то ли призывали полюбоваться изгибом талии и бритым лобком. Общую картину дополняла шоколадного цвета бархатистая, нежная кожа по которой наперегонки катились капли воды. Взгляд манящий, с поволокой. Повинуясь желанию, я почувствовал приливную волну крови, сознание затуманилось, как у школьника, увидевшего из-под парты трусики молодой учительницы. В этом природном зове все равны от маляра до академика. Мы стояли, обнявшись под душем, и дневную усталость уносила прохладная вода. У неё было стройное молодое тело, и ласкать её интимные места доставляло удовольствие и возбуждало одновременно. Вся её девичья попка помещалась в мою руку, а соски призывно выдвигались вперёд от поцелуев. С её стороны следовали ответные действия. Как многие опытные массажистки, она хорошо знала мужские эрогенные зоны. Спустя время, она опустилась на колени к моему возбуждённому пенису, но я её поднял, не хотелось начинать близкие отношения с минета. Первый раз у нас все произошло, не выходя из ванной комнаты. Она обладала небольшим узким влагалищем, что заводило меня ещё больше.

Мой далеко не юный организм требовал калорий после такой эмоциональной встряски. Я заказал в номер два свежих кокосовых ореха с трубочками для питья, бутылку лёгкого вина и фрукты.

Её руки обвивали меня и глаза рассматривали пристально. Теперь она поняла, что на какое-то время судьба свела нас вместе. Возможно, стала намечать план совместной будущей жизни и наших взаимоотношений. Любимое занятие женщин любого возраста и любой национальности. Как она смогла почувствовать, что это не разовый сюжет, а сериал? И что я не отправлю её домой на такси? Не знаю.

В интимной близости разум только мешает и портит остроту ощущений. Это зов природы, заложенный в гены человека до появления разума, он первичен. И как только мысли мои притупились от нежных прикосновений, стало вновь разгораться пламя желания. Несмотря на позднее время, мы ласкали друг друга до тех пор, пока она, сжав мой «главный орган», не сказала «very big» (женщины Востока умеют сказать приятное).

Заснули мы не столько поздно, сколько рано, новый день уже подавал признаки жизни. Микки была профессионалка, способная внушить мужчине, что по отцовской линии он потомок Дон Жуана, а по материнской - Казановы. А как приятно мужчине почувствовать себя «половым гигантом». Подаренная женщиной вера в своё превосходство над другими мужиками - лучший подарок и самый ценный комплимент.

Просыпаюсь в тёмной комнате, я не сразу понимаю, где нахожусь. У меня такое бывает часто. От постоянных переездов и смены часовых поясов, я не могу вспомнить, в какой стране, в каком городе нахожусь. Определив, наконец, своё местоположение, протягиваю руку, проверяя, здесь ли Микки. Рука скользит по её бархатистой коже и поднимается к груди. Соски, плоские во сне, начинают набухать под воздействием моих пальцев. С чем это можно сравнить ассоциативно? Пожалуй, с наполнением бутонов цветка или с набуханием почек на дереве. Микки кладёт руку на мой пенис. Пробуждение началось. Восход третьего дня пребывания в Королевстве, я встречал в «Городе Ангелов».

После вялого плавания в бассейне мы пошли на завтрак. Утренняя трапеза представляла собой традиционный «American breakfast», с добавлением восточных блюд. Камерный ресторанчик находился на пятнадцатом этаже недалеко от моего номера и предназначался для руководства отеля и отдельных постоянных клиентов. Всех остальных туристов направляли в большой шумный ресторан на первом этаже. Мысленно я, как обычно, сел за столик с панорамным видом на Бангкок, и, вдруг, представил, как весь персонал и постояльцы отеля рассматривают мою спутницу. Оценил взглядом одежду Микки и понял, девочку нужно приодеть, прежде чем выводить в люди. Не желая являться объектом обсуждения, заказал завтрак в номер.

От пристани раз в час отходит речной кораблик (shuttle boat), доставляющий обитателей отеля до ближайшей станции воздушного метро (sky train), услугами которого мы и воспользовались. Метро мало напоминает московское, в новеньких вагонах кондиционеры и большие экраны, показывающие помимо рекламы, информацию о следующих станциях. Весь путь проходит на уровне 3-4 этажа, не мешая городскому движению. На платформах у дверей каждого вагона отмечены места входа и выхода. Благодаря этому, в час пик пассажиры не толпятся у дверей, а встают один за другим в очередь, избегая давки, взаимных обид и падений под поезд, столь характерных для московской подземки.

Мы вышли на станции, ведущей сразу к нескольким торговым центрам, в том числе, демократичному по ценам и ассортименту MBK. У меня нет привычки подолгу заниматься покупками. Но Микки я предоставил такую возможность. Покупки она делала продуманно и практично, не пытаюсь «развести папика»: летний брючный костюм, двое бриджей, и, под цвет им футболки, пара лёгких блузок, шёлковое бельё, закрытый купальник, босоножки на тонкой шпильке и лёгкие мокасины. Из аксессуаров - модные солнцезащитные очки, элегантная сумочка и шляпка от солнца. В её жизни были разные мужчины, в том числе, возможно, и европейцы. Но по её удивлённому и счастливому лицу было понятно, что никто из них не ходил с ней за покупками и не приобретал вещи, выбранные ей самой.

У туристов, пробывших неделю-две в Паттайе, складывается неверное мнение о семейных отношениях и морали тайского общества. Мои соотечественники часто покидают Сиам с убеждением: все женщины - проститутки, все мужчины - сутенёры и половина населения страны - трансвеститы – «Ladyboy». Это, то же самое, что приехать в Лас Вегас и решить, что все американцы ничего не делают, только играют в рулетку. Паттайя это туристический бренд, публичный дом размером с город.

В реальной жизни тайское общество весьма традиционно и консервативно. На пляжах тайцы никогда не обнажают тело. Футболка и шорты - это минимальный пляжный комплект даже для продвинутой молодёжи. Конечно, пляжная культура юго-восточной Азии значительно либеральнее, чем в странах арабского мира, где мужчина купается в плавках, а женщина заходит в воду полностью одетая, не снимая даже головного платка.

Интересно наблюдать поведение монахов, совершающих паломничество от монастыря к монастырю. Ранним утром они идут по влажному песку береговой линии, удобной для ходьбы. И, увидев европейек в купальниках с обнаженными плечами и ногами, как дети, закрывают глаза ладонями. И это опять же лучше, чем забрасывание камнями за подобный «грех» в Иране.

Обществом осуждается супружеская измена, и превозносятся верность и взаимопомощь. В процентном отношении значительно больше распадается браков с иностранцами, чем внутринациональных. Нравственным эталоном для многих тайцев является королевская семья, занимающаяся благотворительностью, просвещением и здравоохранением. Королева патронирует борьбу со СПИДом, и распространение заболевания удалось остановить. В частных беседах обычные граждане Сиама спрашивали у меня, есть ли король в моей стране? И, когда я рассказывал о свержении монархии и судьбе царской семьи, то видел, как искренне расстраиваются мои собеседники. Под опекой королевской семьи идут циклы телепередач, повествующие о культуре и этикете, моде, доброжелательности и даже личной гигиене.

С королевской опекой народа, перекликаются и указы великого реформатора Петра Первого, тщательно расписавшего многие аспекты жизни своих подданных. Говоря о подготовке к балу, он детализирует: «Перед появлением многонародным, гостю надлежит быти мыту старательно, без пропускания оных мест, бриту тщательно, дабы нежностям дамским щетиною мерзкой урону не нанести; голодному наполовину и пьяному самую малость». До Петра Великого танцы, пение, музыка считались «хульной потехой», «богомерзким делом».

Царь принимает ряд документов, обязывающих женщин появляться в обществе, выходить замуж «по собственной склонности». Раскрепощая нравы и прививая европейскую культуру, русский монарх издаёт указы об ассамблеях, о бритии бород.

В отличие от исламских народов Азии, многожёнство в Таиланде запрещено с 1934 года. Богатые тайцы могут позволить себе двух жён, но не под одной крышей, а в разных домах или даже городах.

Правда, традиционное тайское уважение к руководству страны, к королевской

династии, к иностранцам в последние годы претерпевает заметные изменения. Сотысячные демонстрации в Бангкоке расшатывают тайскую вертикаль власти. Молодая буржуазия, напоминающая российскую начала 90-х, кичится наличием капитала и отсутствием культуры. Я как-то был приглашён на вечеринку, где певицу, кстати, с хорошим голосом, после двух-трёх песен, окружили подвыпившие гости и начали дружно раздевать и не менее дружно тискать. Вряд ли здесь следует говорить о силе воздействия искусства на души слушателей. Мероприятие я, конечно, покинул.

Золотые цацки, множество телефонов, татуировки, ноготь на мизинце длиной в несколько сантиметров, указывающий на презрение к физическому труду, обилие прислуги. Разве это не похоже на российских буржуйчиков?

Национализм, который его сторонники любят называть ростом национального самосознания, может в один день изменить туристическую карту мира, перенаправив ежегодный десятимиллионный поток иностранцев в другие страны.

Мы привыкли считать бедные слои общества безликой и терпеливой массой неудачников. В это заблуждение часто впадаю и я. Каково было моё удивление, когда хозяин одной из пляжных лачуг, не имеющих элементарных удобств, и, по нашим понятиям, нищий, предложил мне побеседовать с ним под бутылку крепкого вина. Предложил на английском языке. А его жена, услышав мой вежливый отказ, сообщила ему (информация предназначалась мне), тоже на приличном английском, что из-за расистских убеждений, европеец никогда не сядет с ним за стол. «Запомни, - громко говорила она, - эти белые не считают нас людьми». Никакие мои объяснения, что я не хочу пить в жару крепкое вино, не были ими восприняты.

Невольно наблюдая за этой семьёй, я заметил, что по выходным к их лачуге подъезжают на стареньких мотоциклах группы тайцев. Они сидят до поздней ночи. О чём-то горячо спорят, кричат. Раньше я назвал бы их собутыльниками, но теперь понимаю, они – соратники. Вот так в бамбуковых трущобах и «закаляется сталь». Кто живет в этой избушке на курьих ножках? Будущий бескровный теоретик Плеханов или купающийся в крови Сталин? Для проходящих мимо иностранцев это по-прежнему нищие «косоглазые». Но они-то знают, что они уже не прежние, и скоро конфискуют имущество «круглоглазых».

Поэтому я не могу сказать, что в ещё консервативном, но уже революционном тайском обществе наша пара – я и Микки, вызвала восторг. При всей сдержанности азиатов, воспитанных буддизмом, я ловил на себе неодобрительные и осуждающие взгляды, как будто говорящие: «Ну вот, ещё одна молодая тайка с европейцем, который по возрасту годится ей в отцы». И Микки быстро почувствовала это осуждение на себе, когда девушка её возраста забрала у неё из-под носа фрукты на «шведском столе». А потом, когда Микки отошла, демонстративно поставила вазу с фруктами назад. Вы скажете: «Какой пустяк, официант принёс бы новое блюдо?» Да, всё так, но ведь наша жизнь на 99 процентов и состоит из пустяков.

№ 25. ВЕЧЕР ВСТРЕЧ. ВЫ – ДЕМОКРАТ

Вечером, когда мы сидели в баре (Микки, естественно, во всём новом), нас подошёл поприветствовать старший менеджер отеля новозеландец Юджин. Представительный мужчина сорока с лишним лет, с манерами английского лорда и всегда безукоризненно отглаженных костюмах и белых сорочках. У меня всегда закрадывалась мысль, что он не садится, боясь измять костюм. И не поворачивает голову, стараясь не испачкать ворот сорочки. При разговоре с ним в конце каждой фразы хотелось добавлять слово «сээр» и отвечать поклоном. Внешняя отстранённость и помпезность была его домашней заготовкой для местного персонала, с постоянными гостями отеля он был прост и доступен.

Юджин запомнил меня после небольшого происшествия. Я где-то забыл пакет с новой фотокамерой, фирменными солнцезащитными очками и всякой походной мелочью. Позвонил в супермаркет, в ресторан, которые посещал в тот день - безрезультатно. Затем сообщил о пропаже на ресепшен, на тот случай, если кто-то найдёт мои вещи на территории отеля. Больше всего я жалел о фотографиях разных стран, которые не были скачаны и теперь пропали. Как ни странно, в гостинице отнеслись серьёзно к моей проблеме. Даже назначили одного из менеджеров отеля ответственным за поиск. Забытые вещи он не нашёл, но принёс мне в подарок стопку видовых фотографий и рекламный проспект Таиланда.

При моём отъезде из отеля Юджин извлёк из портмоне пятьсот долларов, сообщив, что эти деньги забыты мной вчера на ресепшене. Так он хотел компенсировать потерянные вещи. Поблагодарив, от денег я отказался, зная точно, что не заметить пропажу пол штуки долларов для меня слишком большая роскошь. На Юджина мой отказ произвёл впечатление. Нередко туристы устраивают скандал, сообщая о несуществующей краже, чтобы выбить деньги из отеля.

Подойдя к нашему столику, он, с присущим ему тактом, сделал комплимент мне и Микки, заметив, что сегодня я с прекрасной спутницей и, как всегда, посетовав, что в отель не едут русские туристы, удалился.

На этом вечер встреч не закончился. Подъехал Алекс, передать документы для Петра из Минска. Я ничего не говорил ему о Микки, желая понаблюдать за его реакцией. Он действительно опешил, увидев нас вдвоём. Сделав неуклюжие комплименты, Алекс зашептал мне на ухо: - Она тайка или нет? Такая тёмненькая.

- Почему вы шепчете? - спросил я. – Она не говорит по-русски. А насчёт цвета кожи, Алекс, вы же знаете, для меня это не имеет значения. И к тому же, она хочет стать президентом Сиам. Вы слышали про обамаманию? После выборов в США, она все дни проводит в солярии. Ладно, шутки в сторону, как ваш сын?

- Спасибо, идёт на поправку. Вы меня очень выручили вчера. Вот деньги за вчерашние капризы депутата, вы написали отчёт о затратах?

- Зная вашу аккуратность в делах, уверен, вы уже написали отчёт за меня, иначе как бы вам в бухгалтерии выдали деньги? – Я пересчитал купюры.

Пятьсот долларов было «сверху». – Спасибо, неплохой заработок за вечер. Вы

оставили себе какую-то сумму?

- Да, конечно, к обозначенной вами сумме реальных затрат я прибавил тысячу и поделил прибыль. Всё, как всегда, у посольства не убудет.

- Как ваша властная «Шишка»?

- Сегодня весь день дрыхнет, а сейчас повезу его кататься на кораблике по ночному Бангкоку. Знаете, такие программы с обильной трапезой, исполнением народных танцев. Хотите - присоединяйтесь, кораблик пустой. А вчера вечером всё прошло, как нельзя лучше. Депутат в дороге заснул. Я вместе с носильщиками положил его на носилки и поднял на грузовом лифте, дабы не смущать постояльцев отеля. Девчонкам дал по пятьдесят баксов, они были счастливы.

- Ну, привет от меня «Шишке». Скажите от демократа или нечистокровного гражданина, или от того, кому он проспорил и, естественно, не отдал штуку баксов. А можно от тореадора или быка – мы действуем друг на друга, как красная тряпка.

- Да, да, что-то такое он говорил, - засмеялся Алекс, - вспоминал ваше пари, кто больше знает народных песен, что ли?

- Для таких, как он, главное, разбить всех на группы: здесь - демократы, там – евреи, эти - уклонисты, те - голубые. Душа его скорбит по тридцать седьмому году.

В последний приезд в Москву, был по делам в центре. Как всегда, людей толпа, машин - не продохнуть. И на переходе от здания ФСБ на Лубянке к Детскому миру иду, как положено, по «зебре», на зелёный свет. Вдруг свистки, полицейский заметался, показывает мне вернуться на тротуар, хотя до разделительной один шаг. Ну, я не стал бежать обратно, как другие, а встал спокойно на разделительной полосе. Мент бежит ко мне: «Щас, - говорит, - как дам палкой промеж глаз». Я спокойно отвечаю, что если есть такая потребность, можешь дать. Тут «начальство» пронеслось с мигалками и сиренами. Мент вытянулся во фрунт, честь отдаёт. Ну и я не отстаю. Тоже во фрунт, и тоже честь отдаю, при этом, покручивая правой рукой у виска. В общем, как говорят в народе: «шире грязь, навоз плывёт». «Бояре» проехали, жизнь возобновилась. Мент подходит ко мне и говорит: «Аа, я понял, вы демократ». И так ему хорошо стало, когда он определился, даже глаза подобрели. «Нет, - говорю, - страж закона, я просто человек».

- Вам надо реже в Европу ездить, а то совсем развратитесь.

Конечно, ни на каком кораблике я не поехал. Мы с Микки поднялись в номер. Она старалась угодить за сегодняшние покупки. Мне это не нравилось: вчера, когда она оставалась сама собой и не изображала чрезмерную страстность, было лучше.

- Мне через пару дней нужно ехать в Хуа Хин. Поедешь со мной? - спросил я.

- Да, только надо взять вещи.

Мне показалось, она обрадовалась, услышав про Хуа Хин, но с восточной сдержанностью, ничего не сказала.

В первую ночь, чуть сомкнув глаза, просыпаюсь от шума, вскакиваю, не понимая, где нахожусь, и что происходит. Сюрприз состоит в том, что это не ночной кошмар. Я действительно в плену, сижу на травяной подстилке, заменяющей постельные принадлежности.

Следующий сюрприз на фоне первого кажется незначительным. Рядом с моей тарелкой сидит крыса и уплетает несъеденный обед. Крыса кажется огромной из-за своего «интересного положения» - она ждёт крысят. Подняв голову, серый зверёк внимательно посмотрел на меня, поводит усами и, поняв, что я не таец и есть его не стану, продолжил ночную трапезу.

Я вспомнил китайскую пытку: в кастрюлю сажают крысу и плотно привязывают кастрюлю к животу арестанта. Стараясь вырваться на свободу, крыса прогрызает жертве живот и наказуемый погибает. Крыса доела рис, вылезла, распластавшись, через подкоп под стенкой, и, не спеша, побежала к лесу. Хозяйская кошка хотела напасть на неё, но крыса остановилась и медленно, но решительно пошла навстречу кошке. Та от неожиданности выгнула спину, зашипела и убежала. Крыса продолжила свой путь. После всего пережитого, у меня полностью пропал сон, и я бесцельно таращился в темноту.

На второй день плена всех заложников по очереди таскали в командирский барак, писать письма в свои посольства с просьбой о выкупе.

- Проси миллион,- сказал мне командир повстанцев, - Лусия богатая страна, много нефти, газа, золота, алмазов. Земли больше, чем у других стран. Пиши миллион!

Я для приличия поторговался с ним, что восточные традиции, хотя знал, что посольство не будет платить ничего. Мало того, ещё им надо приплатить, чтобы меня забрали из плена. Офицер, под контролем которого заложники писали письма о выкупе, хорошо владел английским, но в конце некоторых слов произносил лишний звук «а». Он говорил «yesa» вместо «yes» и «looka» вместо «look», «sheара» вместо «shear». Такое произношение слов характерно для китайцев. Сегодня мне удалось правильно построить беседу и «раскрутить» его на контрольные слова. Мои сомнения подтвердились. И это в корне меняло картину происходящего. Если офицер послан сюда разведкой Поднебесной, то реально им не нужны никакие выкупы. Для великой державы все эти выкупы – копейки. И цели у Срединного Государства могут быть только великодержавные. В таком случае все заложники – разменная карта, не более того. А если китаец частное лицо, то шанс на спасение не потерян.

Дни в заключении проходят монотонно. Дважды в сутки мне удаётся перебраться несколькими словами с Бан Чуен, женщиной, приносящей еду. Кстати, она прониклась симпатией ко мне и в миску риса подкладывает либо кусочек рыбы, либо фрукт. Раз в день она приносит мокрый кусок ткани (назвать его полотенцем не поворачивается язык), чтобы я мог обтереться, и дополнительную кружку питьевой воды. У меня ничего нет, чтобы отблагодарить её. Весь «сервис» она осуществляет в утреннее и вечернее время, в дневные часы крестьяне работают.

Днём я задыхаюсь от жары и безветрия. Смотрю на большеголовых ящериц, ползающих по потолку моей клетки, в надежде поймать укрывшихся от солнца

насекомых. Им нет никакого дела до людских проблем. Они ползали до того, как я попал в плен, будут ползать и после моей казни.

По вечерам я слышу, как крестьяне разговаривают, укладывая спать двух дочерей. Потом, как они занимаются любовью.

Затем, в наступившей тишине (если не считать «вечную песню» джунглей) я беседую с Ангелом-Хранителем. Беседую – сильно сказано. Есть такая шутка: если человек обращается к Небу, то это молитва. А если Небо отвечает ему, то пора обратиться к психиатру.

Ночью ко мне на ужин приходит крыса, привыкшая перекусывать шариком риса, который я оставляю для неё. Самое удивительное, что находясь в плену, начинаешь привыкать к определённому распорядку жизни, втягиваешься в эту последовательную череду событий и потихоньку сходишь с ума. Оставаться человеком, не превратиться в безмозглый мешок костей и требухи, помогает только память. Она как окно, через которое видна разница между свободой и заточением. Если смотреть на окно тюрьмы с улицы, то ты свободен, а если из тюремного окна на улицу, то ты в неволе.

Иногда в моём сознании открывается окно в прошлое, и я уже не так одинок. Я вспоминаю сестру моей матери, у которой много дней проводил на Арбате, в Собиновском переулке, в доме за старой пожарной станцией. А может быть, в это самое время, и она через небесное окно смотрит на меня.

Ей не нравилось слово «тётя». «Если «тётя», то тогда добавляй уж и «Мотя», - шутила она, - тётя-Мотя – это платок и семечки. У меня ничего этого нет, как видишь». Я звал её просто по имени – Катя, Катюша или на французский манер «ma tante»... Катюша работала переводчицей, по образу мыслей – диссидентка, и по характеру - сильная, рассчитывающая только на себя дама. Она много работала и хорошо получала. «Ma tante» так и не вышла замуж, предъявляя к своим избранникам слишком высокие требования. Правда, ей больше нравилась версия, что замуж она не вышла из-за меня.

- Я иду гулять с кавалером, - шутила она, отправлялись со мной «прошвырнуться» по Арбату и окрестностям. Она (весьма элегантно) вместе со мной, дошкольником, заходила в ресторан Дома журналистов и заказывала дорогие блюда. Все с удивлением смотрели на нас: посещать такие пафосные места с ребёнком, считалось слишком дорого. Мы с ней часто ходили в кинотеатр «Художественный», в том числе, на фильмы со строгой надписью: «Дети до 16 лет не допускаются». И, когда подбегал возмущенный администратор, она говорила:

- Надеюсь, вы не сомневаетесь, что мне больше шестнадцати, - и затем указывала на меня, - а это мой кавалер, он меня сопровождает.

С ней не спорили, чувствуя твёрдый характер. К тому же, она всегда так изысканно и дорого одевалась, что оппоненты её отступали (а вдруг это жена большого начальника, читалось на их лицах). В кулинарии ресторана «Прага», куда невозможно было пробиться, она вызывала знакомых из числа персонала и просила, протягивая десятку и рубль сверху:

- Ты уж голубчик.... или, ты уж красавица моя, постарайся.

Ей выносили дефицитные продукты, и она объясняла мне:

- Мы с тобой проголодались. Мы же не станем ждать, пока рухнет социализм, и исчезнут очереди.

При всём нигилизме «ma tante», она считала, что о таких трагических событиях, как минувшая война и сталинские репрессии, - никогда нельзя забывать. Из тех тяжёлых лет она донесла до меня ряд «семейных преданий». Одно из них повествовало об её отце, моём деду по матери (деде Михаиле), попавшем после ранения в плен к финнам. От верной смерти его спас финский офицер, признавший в нём знакомого шахматиста, победителя довоенных турниров. Дед стремился вырваться из плена и вот, наконец, в нейтральных водах проходит обмен пленными.

Финны говорили ему, оставайся: «Финский солдат к мамке поедет, а Иван пойдёт в сибирские лагеря».

Дед не верил, он видел людей с цветами на советских кораблях, приветственные транспаранты и флаги. Когда он, плача от радости, получил букет и прошёл на судно, ему дали в зубы и сбросили в трюм вместе с другими обмененными военнопленными. И затем он в лагерях, а потом в штрафбате всю войну «искупал вину».

И второе предание, свидетелем которого была она сама. Закончилась война, закончилось её голодное детство, когда варили и ели семена липы. Дед Михаил вернулся с фронта. Жизнь вроде бы стала налаживаться, но тут опять у вождя всех народов начались приступы шпиономании. Дед собрал вещи и уложил чемодан, так, на всякий случай. В одну из ночей во двор въехал «чёрный воронок», из него вышли трое. Быстрой, уверенной походкой пересекли двор и вошли в их подъезд.

- Мы стояли не дыша, - вспоминала тётя, - мне казалось, что если я смогу задержать дыхание, то беды не случится.

Топ, топ, топ, поднялись на их этаж. А там всего две квартиры. Пауза и звонок в их дверь. Дед, прощаясь, обнимает дочерей и жену. Ещё один звонок, более требовательный. Он идёт к двери и отпирает замок. На пороге стоят три добрых молодца, с рожами - «за день на коне не обскачешь».

- Доктор Новиков? - спрашивает старший.

- Нет, - отвечает дед.

- А квартира у вас номер 10? - Интересуется старший.

- Нет, номер 9, - отвечает дед Михаил.

- Тогда мы не к вам, - говорит старший.

- Пока... не к вам, - шепчет сквозь зубы младший.

Мы захлопнули дверь и начали обнимать друг друга от радости. Мы смеялись. И вдруг, на лестничной клетке раздался женский плач. Только тут мы осознали, что «взяли» соседа напротив, тихого тщедушного доктора Новикова, бесплатно лечившего всех соседей.

- Ты играешь с Витей в солдатики - это его внук. А сам доктор так и не вернулся, - говорила Катя.

«Messages» из прошлого, они идут нам всю жизнь, иногда поддерживая, иногда казня. Я не сделал того-то для близких, а ведь мог. Я не помог друзьям, а ведь хотел. К сожалению, всё приходит с опозданием. Когда появляются время и деньги, адресат, которого вы собирались поддержать, становится уже недоступен. Ни сегодня, ни завтра, никогда...

Воскресив в памяти эти послания из прошлого, я успокоился. Российский человек не должен бояться. С раннего детства мы слышим, - «от тюрьмы, от

сумы не зарекайся». Я внутренне успокоился и даже заснул на твёрдом лежаке.

№ 27. Я ВАС ЛЮБИЛ. ЛЮБОВЬ ЕЩЁ...

Через десять минут микроавтобус посольства, за рулём которого сидел Алекс, довёз нас до отеля минчан. Галина выглядела уставшей, её утомили длительные переезды в Паттайю и обратно в Бангкок. Да ещё и многочисленные осмотры апартаментов в кондоминиумах. У неё болела голова, было плохое настроение, она делала Петру замечания, на которые он реагировал, как мудрый отец на капризы ребёнка.

- Ты не выспалась, Галчонок, - покровительственно басил Пётр, - устала. Если бы он добавил, как в детской считалке «...вот сейчас мы отдохнём и опять играть начнём», я бы не удивился.

В молодости из-за Чернобыльской аварии они пережили трагедию – смерть единственного ребёнка. Я видел фотографии счастливой семьи, и вдруг - всё, пропасть! Нет прожитой жизни, надо начинать сначала. Но не с чистого листа, а неся за плечами толстенную «книгу памяти», не дающую, к сожалению, совета, как существовать дальше. Галина не могла больше иметь детей. На время они расстались, не в силах быть друг для друга постоянным напоминанием прошедшей драмы. Спустя время, сошлись опять, но уже в новых ролях: она заменила ему ребёнка. А сама стала той маленькой девочкой, в глубине души считая, что погибшая Олюша возродилась в ней, в её теле, в её мыслях. И проживает вместе с ней свою жизнь сызнова. Непосвящённому это кажется сумасшествием, но я её понимал.

В своей жизни я пережил подобную драму, никому не дано выдержать это испытание и не измениться, не потерять часть своей души. Становишься странным, а точнее, сторонним, как раненая птица. Тебе не улететь со стаей. Ты притворяешься, что можешь полететь со всеми, а сам остаёшься умирать. Можно разделить радость, разлив ее по бокалам, послав поцелуй, солнечного зайчика, весёлого смайлика. Но нельзя разделить горе. Большая радость может быть общей, большое горе – нет. Оно всегда индивидуально. В День Победы 45-ого ликовали все. Но с ночными огнями в пустых квартирах, матери «Серёжки с Малой Бронной и Витьки с Маховой» остались одни.

Несмотря на внешний диссонанс, я считал Петра и Галину идеальной парой. Что вообще скрепляет мужчину и женщину? Ролевые отношения? Я - папа, ты – дочка. Я – старший брат, ты – младшая сестра. Ты – мама, а я твой сын и т.п.? Или это отношения наждачной бумаги и бруска, когда одна половина вечно снимает стружку с другой? Или отношения деспотии, которые приходилось наблюдать не только в семьях восточных культур. Что происходит в голове женщины при переходе из положения любовницы в состояние жены? Почему начинают так быстро остывать чувства? Я имею в виду не поцелуйчики на ночь, а тот забойный секс, который у них был до этого. Какая из сторон притворяется больше и зачем, ведь сегодня работающие женщины зарабатывают не меньше мужчин.

Помню, как-то летел на дешёвом чартерном рейсе в Италию в окружении

десятков невест, надеющихся на удачный брак в этой древней стране. С одной из них я сидел рядом, и мы разговорились. Это была худенькая блондинка лет под тридцать. Я не удержался и задал глупый вопрос, зачем выходить замуж в Италии, почему не на родине? Может быть, это любовь? Она рассказала, что её избранник не молод, и не хорош собой, мало того, он, скорее, беден, чем богат. Она с ним познакомилась во время прошлого визита в Италию. Как она полагала, в её родном Ярославле выбора нет. Кто пьёт, кто пристрастился к наркотикам, а немногие достойные давно в браке. «Пока я училась в институте, всех женихов прозевала», - подытожила она.

Итальянские женщины мне объясняли, что их мужчины оказались не готовы к быстрой смене традиционных семейных отношений «начальник и подчиненный» на современную модель «фифти-фифти». При этом я замечал неприязнь итальянских синьорин к русским барышням. И дело не в том, что «русские женщины самые красивые», этот миф присущ лучшей половине человечества в любой стране. Можете даже не ждать ответа. Конечно, украинки! Безусловно, белоруски! Несомненно, китайки! Определённо, кенийки! Этот список можно продолжать очень долго - на Земле существуют более двухсот государств и от четырех до пяти тысяч народов, носителей различных языков. Бесспорно, россиянки красивы (как и итальянки), но основа неприязни заключалась в другом.

По мнению европейек Запада, европейки Востока «демпингуют», завоёвывая себе мужчин. Когда наш самолёт приземлился в Римини, меня встретила давняя знакомая –

Сильвия. Смотри, смотри, сказала она, украдкой указывая на девушку, с южнорусским акцентом восхищённо лопотавшую над старым автомобилем, а точнее, над его владельцем. «Ох, какая у вас красивая машина, и, наверное, быстрая. И вы, конечно, водите, как гонщик» и т.д. Толстый, неопрятный итальянец, напоминавший нашего вокзального бомбилу, надул щёки и ещё больше выпятил живот. Душа его давно мечтала о такой неприкрытой и, тем более, желанной лести.

- Вот, что я имею в виду под «демпингом». Намеренное снижение своей персональной стоимости, как личности, как равноправного члена семьи. Это попытка в поисках своего избранника обойти европейских женщин любым способом, - объясняла мне Сильвия.

Работая много лет в туристической индустрии, она видела тысячи людей из разных стран. Продолжая нашу полемику, она с улыбкой добавила:

- Поверь, русскую девушку я узнаю всегда. Если на экскурсию в горы женщина едет в туфлях на высоких каблуках или приходит в спортивный зал с макияжем «сезон охоты открыт», я знаю, какой страны у неё паспорт.

- Просто россиянки игривы и уверены в себе, - возразил я.

Иллюзии, испытываемые с обеих сторон, быстро рассеиваются. И женщины и мужчины не собираются вести себя в новой культуре также покорно, как вели себя на родине, в традиционном быту. Жёны, приехавшие в Западную Европу из бедных стран, быстро усваивают свои права и провоцируют развод, понимая, что их при разделе имущества ждут большие деньги. Если для человека главное адаптироваться к экономическим условиям, то где же здесь любовь? Что движет людьми: глубинный зов продолжения рода или желание

прыгнуть повыше, забравшись на плечи другого? И, если это генетический зов продолжения рода, то, что же тогда гомосексуальная любовь, которая порой имеет продолжительность и силу страсти, ничуть не уступающую гетеросексуальной?

В Париже судьба свела меня с потомком белых эмигрантов в третьем поколении. Когда деловая часть нашей беседы закончилась, Александр стал рассказывать, как они чтут русские традиции и культуру. Общие сборы на блины, православные праздники, крещение детей. Сам он чувствует себя русским, хотя намешено много всяких кровей. У него своя хорошая квартира в центре Парижа, интересная работа. Он со вкусом одевался и имел приятную интеллигентную внешность. Ему не были присущи повадки закоренелого холостяка, но он оставался не женат. Я поинтересовался, как ему удаётся с такими данными оставаться на свободе.

И Александр с грустью в голосе поведал мне свою брачную сагу.

Наслушавшись бабушкиных рассказов о необычайной кротости русских женщин, он поспешил, как только началась Горбачёвская оттепель, на историческую родину. Ищущий да обрящет. Он вернулся в Париж уже со своим «трофеем». Но его идеальная жена акклиматизировалась в Парижской действительности и начала вести себя в соответствии с теми возможностями, которые ей предоставила новая жизнь. Он сделал ещё один заплыв, на сей раз в Украину, но, к сожалению, с тем же результатом. Его успокаивала мысль, что многие его друзья в эмиграции получили такой же урок.

- У них тоже были бабушки, любившие рассказывать сказки, - улыбнулся он.

№ 28. ЛЮБОВНАЯ ДРАМА НА КРАСНОМ МОРЕ

Каждое время имеет свои сказки, в которые хочется верить тем, для кого их сочинили. Знакомство на пляже - романтичнее, чем в метро. Загар под жарким солнцем – привлекательнее, выстраданного в солярии. Музыка прибоя - мелодичнее любой «фанеры». Страстный поцелуй – интереснее ста серий слезливого «мыла». Всё это – аксиомы, на них легко нанизываются выдуманные повествования, воспаляющие глаза читателей или слушателей. Но даже сказки бывают с разным финалом.

Находясь в плену, наедине с очередной бессонной ночью, я думал о своей сказке, где героиней была Муан Чан, а вот герой, похоже, не состоялся. Сказка о любви, без любви - не возможна, где бы она ни брала начало, в метро или в пятизвёздочном отеле. Я был свидетелем такой задуманной, но не начавшейся сказки, разбитой волной о камни реальности. И до сих пор не знаю, правильно я себя повёл или нет в этой драме? Да, да, я не оговорился, именно драме. Так же как тени не бывает без света, так и драмы нет без сказки. Чем привлекательнее вера в сказку, тем жёстче последствия наступающего безверия.

Прошло два месяца после моего очередного вояжа за рубеж. В один из дней, я поздравлял с юбилеем давнего знакомого – директора подмосковного санатория. Как принято в нашем потрепанном возрасте, жаловались на здоровье, работу, дураков и дороги. В частности, мой знакомый упомянул о проблеме вывоза мусора. Он сказал, что этот вопрос остро стоит и перед его коллегами – директорами соседних санаториев. Я вспомнил Макса и его фирму, занимающуюся вывозом мусора на контролируемые ими свалки. И главное, Максим обещал заказчику или посреднику десять процентов от суммы сделки, в виде отката наличными. Не откладывая в долгий ящик, набрал номер его телефона. Трубку сняла секретарь, но, после того, как я представился и попросил соединить меня с её начальником, возникла пауза. И вот уже в трубке голос Василия, его старшего брата, генерального директора их фирмы. После моего сообщения о знакомстве с Максимом в Египте и существующем заказе, Василий начал, вдруг, интересоваться подробностями нашего пребывания в этой стране. Отвечая на вопросы, я обошёл стороной острые углы в отношениях Макса и его спутницы - Каси. Копание в «грязном белье» не возбуждало мой интерес. На встречный вопрос, почему бы ему не расспросить самого Макса, Василий, тяжело вздыхая, сообщил о гибели брата. Во время ночного погружения, Максим отстал от группы. Его искали, но безрезультатно, тело унесло течением. Остались без отца двое детей.

В Москве стояла холодная дождливая погода. Зайдя в кафе, я попросил принести чайник и пачку сигарет. Я думал об этом происшествии. Конечно, несчастные случаи на море не редкость. Ежегодно десятки туристов тонут на Красном море. И более шестидесяти спортсменов-аквалангистов погибли под водой в минувшем году. Ещё и акулы. Арабские «массовики-затейники» прикармливали их кусками мяса, желая порадовать туристов скоплением морских хищников. Безусловно, кишачье акулами море производит сильное впечатление не только на аквалангистов, но и на зрителей, наблюдающих «челюсти» с безопасного расстояния. Акулы, не видя принципиальной разницы между мясом коровы, верблюда или человека, начали пробовать на вкус и пловцов. И всё же, - вспоминал я, - Максим был в отличной физической форме и отстать от группы дайверов не мог. Большие акулы близко к берегу не подплывают. А мелких - он отогнал бы ножом. Горячий чай снял озноб, а сигареты помогли сосредоточиться и вспомнить детали последней поездки в Египет.

Всё началось с резкого понижения цен на отели из-за народных волнений, захлестнувших Египет и часть стран Магриба, а затем почти весь арабский мир. Поскольку россияне уже многие годы живут в состоянии экстрима, события не отпугнули туристов, желающих отдохнуть со скидкой. Вспомните Шарм Эль Шейх, и представьте отель «Magic Life Sharm» пять звёзд. В магометанском стиле, с большим главным и двенадцатью

трёхэтажными корпусами, построенными из материала, напоминающего розовый туф. Большой отель, рассчитанный, как минимум, на семьсот гостей, с пятью ресторанами и девятью барами, четырьмя бассейнами, пятью теннисными кортами, и трёхсотметровым пляжем. Он, тем не менее, не казался переполненным из-за большой территории. Поверьте, перечисляю объекты гостиницы не в целях её рекламы. Пятизвёздочки похожи друг на друга. Хочу лишь отметить для дальнейшего повествования - искомого человека обнаружить здесь непросто.

В этом месте, вдоль песчаных пляжей, тянется на километры живая коралловая гряда. Она позволяет пройти по ней в сторону моря метров сто, затем обрывается отвесной стеной, уходящей на глубину. Пирс напоминает крепко сколоченный мост и проложен через всю коралловую отмель. Он соединяет берег с открытым морем, и, ныряя с его платформы, сразу попадаешь в волшебное царство Red Sea. Попытки уплыть на большое расстояние, пресекаются арабом-спасателем, дежурящим в маленькой пластмассовой лодочке без мотора, на которой можно только загорать. Он стоит в позе фигуры «девушка с веслом», и громко кричит, скрежеща зубами: «Shark, shark»! Но его опека распространяется только на хорошеньких девушек или богатых матрон, от одних можно получить удовольствие, от других деньги для получения удовольствия.

Часами плаваю вдоль разноцветных коралловых джунглей. Видимость отличная, в Красное море не впадает ни одна река. Мне везло, за несколько дней я сделал снимки крупной мурены, достигавшей трёх метров в длину. После ночной охоты она спешила в укрытие и моё появление в качестве папарацци, снимающего тайны её жизни, вызвало законное возмущение. Она исполнила танец силы и устрашения, запечатлённый в снимках. Ещё один персонаж фото сессии – большой скат, который в нескольких метрах от меня разворачивается и летит обратно на глубину. Именно «летит», плавно маша «крыльями» блиновидного тела. А вот и осьминог, спрятавшийся за кораллом. Его щупальца работают так же быстро и ловко, как пальцы карточного шулера, сдавшего себе четыре туза. Внизу, метрах в двадцати подо мной, напоминая голодных дворовых собак, суетятся мелкие, и в силу этого не опасные, прибрежные акулы. Иногда они, преследуя добычу, взмывают вверх под углом в 90 градусов, но потом также быстро возвращаются к своей стае. А вокруг в поисках любви, еды и укрытия суетится бесчисленное разнообразие жёлтых, синих, зелёных, красных, в полосочку, в точечку, с хохолками и без, рыбёшек, рыб и рыбиц. Они снуют среди таких же многоцветных кораллов.

Иногда, мне кажется, неплохо было бы так и закончить жизнь, уйдя в заплыв, из которого не хватит сил вернуться. И найти последний приют не на скучной кладбищенской территории в окружении мрачных надгробий, а здесь, в подводном раю, среди его экзотических обитателей.

В один из дней, на пляже я познакомился с Полиной - высокой, статной девушкой двадцати восьми лет. Помимо стройного, тренированного тела, она обладала длинными волосами пшеничного цвета, ниспадавшими ниже пояса, и правильными чертами лица с чуть вздёрнутым носиком. Тёмно-голубые глаза, как два кусочка осеннего неба, грустно смотрели на мир из-под длинных ресниц, будто, ожидая отлёта птиц и наступления морозов. И от неё самой

веяло холодом русских метелей, даже здесь, в синайском пекле. Это заставляло многих мужчин держать почтительную дистанцию: пуст карман – не суйся. Когда русская красавица появлялась в ресторане, престарелые иностранцы, отложив вилки-ложки, долго и вожделенно смотрели ей вслед. Пока забытые жёны не напоминали им, что в такую жару пиво быстро становится теплым. Она ни с кем не кокетничала, не заигрывала. В ней читалась сильная, волевая натура. Я давно обратил на неё внимание: она была со спутником, смуглым мужчиной восточного типа внешности, лет сорока пяти - пятидесяти. Я всегда побаивался решительных женщин. И инициатором нашего знакомства была она. Меня это удивило, так как внешне я ничем не отличался в лучшую сторону от других обитателей отеля.

Я пригласил её в бар, и после третьей рюмки Полина рассказала мне о своей профессии: девушка-эскорт для состоятельных мужчин. Последние пять лет она провела на Кипре, до этого жила в континентальной Греции. Её «покупали», как престижную гоночную машину, в которой пожилой водитель чувствовал себя молодым, решительным и сексуальным. Состоятельные греки передавали её с рук на руки, и стоять на улице ей никогда не приходилось. На Красное море приехала с сирийцем, перекупившим её в Дамаске у грека-киприота. Сириец отбыл по делам в Каир, оставив деньги на время своей поездки. Она рассказывала о своей жизни спокойно и буднично, не хвастаясь и не раскисаясь. В отличие от сложившихся понятий о лениности путан, она не имеет свободного времени: зная хорошо греческий, учит английский и арабский, берёт уроки танцев, занимается на тренажёрах, соблюдает диету. Всё это стоит немалых денег. За годы её непростой жизни удалось купить на родине, в Ставрополье двухкомнатную квартиру и отложить немного деньжат «на старость». Почему в друзья она выбрала меня, так и осталось загадкой. Возможно, я не утратил способности слушать и слышать других и интересуюсь самим человеком, а не содержанием его карманов.

Однажды, недалеко от отеля, мы наткнулись на интересный магазин сувенирных товаров. Продавец, приветливый молодой человек в очках, своими манерами и застенчивостью напоминал студента. Может быть поэтому, когда он мучительно осваивал моё имя и отчество, я пошутил:

- Можно без «Игоря», просто «Ильич», - и пояснил, - как Ленина, его часто называли по отчеству – «Ильич». Вы слышали о Ленине? – спросил я, почему-то уверенный, что юноша, как и многие студенты, исповедует левую идеологию.

Он утвердительно закивал: - Да, я читал Ленина.

Мы сделали покупки. Но одну вещь я случайно не оплатил. Это были чётки из полудрагоценных камней, одетые мной на руку, при примерке. Пройдя уже метров сто, я вспомнил о них и вернулся. Отсчитав деньги, я бросил дружескую реплику продавцу о необходимости следить за товаром, пока хозяин магазина не оштрафовал его. Студент спокойно ответил, что видел, как я унёс чётки. Но он был уверен, что я не обману: либо оплачу, либо верну товар. Заметив мой недоумённый взгляд, он пояснил:

- Ведь вы же сами сказали, вы, как Ленин.

Торговцы Египта большие плуты, готовы подолгу торговаться за каждый доллар, и при первой возможности «надуть» европейского туриста. Меня

тронула честность и наивная вера юноши в рухнувшие, растоптанные идеалы. Молодая пара из России присутствовала при нашем разговоре, но их удивила не наивность юноши, а моя глупость: уже унёс товар и вернулся заплатить. Они только вчера приехали в Magic Life и засыпали меня вопросами, на предмет как «прикольнее провести время». Я вышел с ними из сувенирной лавки и представил своей спутнице. Так мы познакомились.

Максим или Макс имел стройную фигуру с хорошо развитой мускулатурой, в нём легко угадывался завсегдатай фитнес-центра. Не лишённые привлекательности черты лица, светлые коротко стриженные волосы и серо-голубые глаза, самонадеянно и нагло смотрящие на окружающих. Это был типичный новый русский, привыкший ломать действительность под свои интересы. В двадцать шесть лет Макс уже имел четырёхкомнатную квартиру в Москве, BMW (разве могло быть что-то другое), дачу в ближнем Подмоскowie и жену из своей среды, с которой ему было скучно. О разводе он не помышлял. Жена занималась домашними делами, а главное, детьми, которых он любил. Его спутница Кася жила в коммунальной квартире в центре Москвы и потому была похожа на цветок, выросший на асфальте. Невысокого роста, хрупкая, с нежной девичьей фигуркой. Кожа без признаков загара, тонкие шелковистые волосы и большие серые глаза, с удивлением взирающие на мир. В то же время женственность манер и плавность её движений выглядели весьма сексапильно. Она обладала заметным преимуществом перед многими женщинами отеля - ей исполнилось всего девятнадцать. Преимущество проходящее, и тем более ценное, пока оно есть. Словом, внешне она относилась к действительно слабому полу, вызывая у мужчин желание опекать и патронировать.

Макс «прихватил» Касю с собой по рекомендации любовницы своего старшего брата. Девушки знали друг друга по институту. Вечером мы болтали в баре, до его закрытия, и до поздней ночи гуляли вдоль моря. Утром, придя на завтрак часам к десяти, я увидел Полину и подсел к ней. Спустя минут пять, подбежал Макс. Разгорячённый вид указывал на то, что он уже до завтрака пробежал несколько километров.

- Каську не видели? - сразу спросил он, не здороваясь.

- Нет, - дружно ответили мы, - а что случилось?

- Вчера ночью вышла покурить, я не разрешаю ей курить в номере. Я заснул. А когда проснулся, её не было. Она не возвращалась.

Днём на пляже появилась Кася и, кивнув, как будто мы уже виделись, легла на соседнюю sunbed.

- Тебя Макс всё утро искал, - сказал я, - по-моему, он до сих пор носится по территории нашего и соседних отелей.

- Я была у подруги немки, - тихо ответила она, - мы вчера познакомились в баре, и я заночевала у неё. Не хотела будить Макса.

Через полчаса прибежал Максим. В наступательной манере он стал расспрашивать Касю: Что? Как? Где? Поэтому мы с Полиной ушли плавать. Когда вернулись, казалось, они уже помирились.

Наступило время морского отлива, и Кася позвала меня побродить по мелководью коралловой полосы, далеко уходящей от берега в море. Мы бродили по колено в воде в резиновых шлёпанцах, боясь изрезать кораллами

ступни ног, и рассматривали дно. Где-то под кораллами прятались маленькие, ещё белёсые мурены, где-то сидел, надувшись, красно-коричневый осьминог, морские ежи с торчащими иглами - «прощай отдых».

- Осторожно, - вскрикнула внезапно Кася, - змея!

Опуская ногу, я чуть не наступил на небольшую жёлтую змею. Не знаю, к какой породе она относилась, но хорошо помню об опасности яда подводных змей. Мы начали внимательно присматриваться и обнаружили среди кораллов большое количество змей этого вида. Мне импонировала любовь девушки к природе, в этом мы были похожи.

На вечер был заказан совместный ужин в рыбном ресторане. И, как всегда, перебив, мы долго сжигали калории, блуждая по соседним отелям. А выйдя на дикую часть побережья, даже попробовали водяных змей, зажаренных аборигенами на мангале. Тех самых змей, одна из которых чуть не укусила меня днём.

Только в темноте жаркое дыхание пустыни выпустило землю из объятий, лёгкий морской бриз, шелестящие кроны пальм, летучие мыши, ловящие ночных мотыльков в свете прожекторов, загадочные запахи цветов...ах, эти пьянящие ночи Востока, вас не с чем не спутать. В вас растворён призыв к любви и кроется вечная загадка взаимного притяжения губ.

Но с восходом солнца пелена тайны исчезла, и повторилась та же история. Невыспавшийся Максим носился по отелю в поисках своей юной спутницы. А она так же спокойно появилась на пляже ближе к полудню. Ситуация принимала скандальный характер. Максим со злостью спрашивал меня, не порезать ли Каське «мордочку», по возвращению в Москву.

Заглянув ближе к полуночи в один из баров, я увидел там Касю в окружении иностранных мальчиков. Она ничуть не смутилась, даже помахала мне рукой, и стала что-то рассказывать своим спутникам, поглядывая на меня. Уставшего бармена перестали дёргать захмелевшие посетители, потянувшиеся в номера. «See you tomorrow, see you tomorrow», - напутствовал их бармен. Кася подошла ко мне, чмокнула в щёку:

- Я им сказала, что вы мой папа, - сообщила она, кивая в сторону иностранцев, - у меня с ними ничего нет. Правда, правда, с ними просто весело и я практикуюсь в английском и немецком одновременно.

Иностранная молодёжь покивала мне, как папе, и удалилась вместе с Каськой. Эта история взаимоотношений Максима и Каси напоминала повторы музыки с заезженной пластинки. Оба они, как навязчивые щенки, крутились вокруг меня и Полины.

Я спросил Макса: - Может ты был груб с ней в постели, и это испугало её? Она, по сути, ещё девочка.

- К сожалению, у нас не было никаких отношений, - глубоко вздохнув, ответил он.

В Москве он её не знал, в первую ночь в Египте она сослалась на усталость после перелёта. Ну а все последующие ночи просто не спала в номере. Сложившаяся ситуация для него, успешного спортсмена, привыкшего считать себя «районным королём», носила оскорбительный характер. Он вновь и вновь озвучивал мне и Полине планы мести. В ответ Полина объясняла, что не прав он сам. Надо было брать профессионалку, а не засматриваться на глупую

девочку, которая впервые оказалась за границей и растерялась в феерии ресторанов, дискотек и чередой поклонников.

В один из дней, Кася попросила проводить её в сувенирный магазин, в тот самый, где продавцы «считают вас Ленином». Мы брели вдвоём вдоль моря, под раскалённым солнцем, по раскалённому песку. И я подумал, если сейчас не поговорю с ней, то другой возможности может не быть.

- Послушай, Кася, - начал я осторожно, - я по-мужски могу понять Максима. Он привёз тебя в отель, оплатив все расходы, а ты ни разу не подарила ему своего тепла. Тем более что он видит тебя в обществе молодых людей. Мне твоя позиция кажется опасной. Он может отомстить тебе в России. Возможно, я выгляжу, как старый зануда, но...

- Вы не старый зануда, - перебила она меня, - я хотела бы иметь такого отца или друга. Если хотите, я могу быть с вами, - она пристально посмотрела мне в глаза, - зачем вам эта ледяная Полина? А его я боюсь, только не подаю вида. Он отмороженный, и может нанять такого же, изуродовать меня. Но я не могу с ним спать, он напоминает мне отчима, понимаете меня? Он даже пахнет так же. Этот материн прихихешник, когда-то изнасиловал меня и постоянно приставал, пока не съехал от матери к другой такой же дуре, только богатой. Деньги я соберу и верну их Максиму, пусть подавится, лишь бы отвязался.

Из кармана была извлечена стопка евро. Хотя в первый день она говорила, что нет денег даже на покупку сувениров. Мы, молча, дошли до магазинчика, где я имел незаслуженно хорошую репутацию. А о чём было спорить, или в чём убеждать друг друга? Карты уже легли на стол, и мешать колоду поздно.

Она выбирала подарки: это маме, это сестрёнке, это племяннику, это друзьям. Как маленькая девочка, она делила игрушки. Кого любила больше, тому красивее, кого меньше попроще. Арабские продавцы-студенты сделали ей существенную скидку, как «родственнице Ленина», и мы ушли.

Больше к теме её взаимоотношений с Максимом я не возвращался. Рассчитывая на беззаботный отдых на «Красноморье», я, помимо своей воли, начал превращаться в объединённый монумент Макаренко-Сухомлинского-Ушинского. То увещевал Максима не резать Касю, то советовал Касе не злить Максима.

Однажды за Полиной приехал её сириец, и она, попрощавшись, отправилась с ним в Дамаск. Оставшись один, я решил дистанцироваться от проблем молодёжи. Мне надоело, находясь на пляже в состоянии полудрёмы, вздрагивать от ругательств Макса в адрес его легкомысленной «подруги». И мне не нравилось, что Кася, изображая перед бой-френдами мою дочку, ждёт и от меня ответной импровизации. Я не понимал, зачем ей эта игра? Возможно, она хотела показать себя не одинокой охотницей за их кошельками, а тихой домашней девочкой, неискушённость которой должна цениться выше. Не исключаю и того, что в её рассказах я фигурировал как старый сутенёр, эксплуатирующий её и Полину. А Полина, в случае навязчивого внимания мужчины, предупреждала томным голосом:

- Это дорого, ну оочень дорого, - не оставляя сомнений в своей профессии. Как бы там ни было, я от них отстранился: плавал, читал и даже пару раз съездил на экскурсии. Но я не мог ходить с закрытыми глазами и, конечно, заметил переключение внимания Каси с богатых европейцев на тихого

арабского юношу. Арапчонок ходил, как «во сне по облакам», от упавшего на него счастья. Зачем ей такая связь, я не мог понять. Денег у него, судя по одежде, не было. Она возила его на дискотеку в город, а по вечерам они сидели, обнявшись, на диком пляже, подальше от посторонних глаз. Потом я заметил, что арабский юноша работает в нашем отеле, в школе дайвинга разнорабочим. Таскает баллоны с кислородом, помогает туристам надевать и снимать снаряжение, управляет лодкой, когда группы аквалангистов отправляются на погружение. Может быть, Кася хочет освоить навыки погружения на глубину, думал я? Но зачем ей этот паренёк, когда есть школа с инструктором, с выдачей дипломов? Я остановился на мысли, что это любовь. В конце концов, деньги решают не всё, есть ещё и чувства. Они оба совсем молоды, и им хочется чистых чувств и преданной любви. Я даже проникся уважением к ней.

Максим злился ещё больше. Европейцы с деньгами всё-таки находили понимание в его меркантильных взглядах на жизнь. Ему было известно чувство азарта в любовных интригах.

- Но «мартышка в штанах», - так он называл юного араба, - в качестве любовника - это задача не для моих мозгов, - говорил Максим.

Он, стараясь отвлечься от своих неудач с Касей, посвящал всё время спорту. Утром - трудился на тренажёрах, до обеда плавал, преодолевая сильное течение, потом велосипед, и на полдник - школа дайвинга. Особенно его увлекали ночные погружения на дно. Он не был романтиком, просто сказывалась российская привычка гонять по телу адреналин.

Я возвращался в Москву раньше их, и перед отъездом в аэропорт пошёл попрощаться. Побеседовал последний раз с Максом, стараясь отговорить его от мести.

- Да я уж её почти забыл, - успокоил он меня, - мне это «фиолетово».

Потом я нашёл Касю и сказал, что уважаю её за способность любить от сердца, а не от калькулятора.

- Вы о чём? - Не поняла она.

Я объяснил, что заметил её расположение к юному арабу.

- А, вы об этом, - вяло пробурчала она, - скажем так, мне просто скучно. Этот пляжный роман не может иметь продолжения.

- Но всё равно, «красивые отношения» надолго остаются в памяти, - возразил я.

Полупустое кафе стали заполнять клерки, освободившиеся от рабочих заданий. В зале для курящих повисла пелена табачного дыма, через декоративные арки плавно перемещаясь в зал некурящих, примиряя вредную привычку со здоровым образом жизни. Молоденький официант уже несколько раз спросил, не хочу ли я чего-нибудь ещё, намекая на дефицит свободных столиков в кафе. А я всё сидел, глотая очередной остывший кофе, и думал о внезапной гибели Макса.

- Другое дело, если в баллонах не было кислорода. Он легко мог задохнуться, а

течение там действительно сильное, и тело унесло.

В памяти вновь и вновь всплывал роман Каси и молодого араба, работавшего в школе дайвинга. Он был по уши влюблён в неё и способен выполнить любую просьбу. Особенно, если она рассказала ему о грозившей опасности. Я не выдержал и набрал номер её телефона.

- Девочка, зачем ты на свою юную душу взяла такой грех? - спросил я.

Она клялась, что ничего не понимает, бросала трубку. Но, когда я пригрозил братом погибшего Максима, которому могу всё рассказать, испугалась и назначила встречу.

Пришла не одна, с ней был жених, студент третьего курса. Своей застенчивостью он напомнил мне египетского юношу, читавшего Ленина. Я изложил им свою версию гибели Макса. Бой-френд Каси не верил ни одному моему слову.

- Кася не могла, не могла, вы лжёте! - волновался он.

- Если ты сейчас же не расскажешь правду, я звоню Василию, - предупредил я. И она призналась. Но сказала, что говорит под моим давлением, и, в случае расследования, всё будет отрицать. Жених смотрел на неё широко открытыми глазами, потом встал и, ничего не говоря, ушёл.

- Ну что ж, понеси хоть такое наказание, - подытожил я и тоже ушёл.

Как-то, бегая по центру, я увидел Касю. Она шла в обнимку с другим, незнакомым мне молодым человеком, уже не похожим на застенчивого студента. Да, Макса не вернуть, а позвонить Василию, значит, подписать ей смертный приговор. Я до сих пор размышляю, заслуживает она смерти или нет?

Возвращаясь из воспоминаний в Таиланд, должен заметить, что такая история здесь почти невозможна. Тайская девушка, взяв на себя груз обязательств, выполняет их самозабвенно. Молодой австралиец часами запускает в небо летающего змея, и его тайская подруга занята только этим. Старый ухажёр с утра до вечера мокнет в море, и вместе с ним плещется в волнах тайская girlfriend, хотя такое времяпровождение не характерно для жителей Сиама. Прагматичный американец уставился в компьютер, и через его плечо смотрит на монитор девушка-эскорт из Бангкока, пытаюсь разделить его брокерские интересы. А как запойно тайки умеют болеть за спортивную команду своего boyfriend. Они готовы перекричать стадион. В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский могут записываться в Таиланде на подготовительные курсы театрального мастерства. И это вовсе не обман, а скорее устоявшаяся традиция: получил деньги – отработай. Думаю, что в этом и кроется секрет популярности тайских женщин среди иностранцев. Они находят в них то, что утрачено женщинами в их собственных странах. Прекрасный образ русской классики - чеховская «Душечка» - объясняет недосказанное.

Я опять увлѣкся размышлениями о любви и ненависти. Хотя в том, что я описал, нет ни настоящей любви, ни подлинной ненависти. Эрзац жизнь производит на свет эрзац любовь, а от неё проистекает и эрзац ненависть. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Таиланд. День пятый. Час езды в плотном трафике и наш микроавтобус вырвался из объятий «Города Ангелов», и теперь по скоростной трассе мы мчится на юг Королевства. От цели нашей поездки - старейшего курортного города Хуа Хин - нас отделяют двести километров. Он расположен на берегу Сиамского залива, на противоположной стороне от шумной Паттайи с её развитой секс-индустрией и грязными городскими пляжами. За окнами машины, мелькают, как слайды, картинки провинциальных городов и деревушек с полями риса. Вот у дороги стоит слон с погонщиком, а там за пастухом тянется стадо жёлтых горбатых коров. Попадаются ещё не уничтоженные цивилизацией островки джунглей, напоминающие о былом величии природы.

Галина сразу возвела между собой и тайкой стену, отвернувшись к окну и показывая всем своим видом нежелание общаться. Не знаю, что послужило причиной такой неприязни: то ли молодость, то ли принадлежность Микки к другой социальной группе? Пётр – напротив, отнёсся с пониманием к моему роману и был «сама любезность». А в глазах Алекса я видел зависть. Зависть к моей независимости от государевой службы, возможности не прятать свои чувства, в отличие от его законспирированных отношений с Сават.

Как обычно в дороге, при наличии хотя бы двух мужчин, разгораются политические страсти.

- Говоря о сегодняшней Белоруссии, - слышу я бас Пётра, - да, она нравится русским туристам, приезжающим на двух-трѣх дневные экскурсии. Они ныряют с головой в ностальгию. У нас нет мусора вдоль дорог, нет пробок, чистая незагаженная природа. Значительно меньше криминала, и в Минске, и в провинциальных городах безопасно ходить даже ночью. Не раздражают взгляд приезжие из бывшего Союза. Но не надо забывать, Беларусь это «заповедник», существующий на российские деньги. Дешѣвые нефть, газ, кредиты.

Пенсионеры довольны, пенсия выше, чем в России. А они основная часть электората. Молодёжь раньше смотрела в сторону Москвы, теперь больше интересуется Европой. Интеллигенции Батяка не нравится по определению, слишком прост и груб. Да и эти игры в наследники престола. Белоруссия не Азия, здесь нет традиций потомственной власти от отца к сыну. Бизнес? Кто не у «госкормушки», тот Лукашенко не любит, слишком руки выкручивает. Присоединиться к России? Это всё равно, что пустить в детский сад уличных хулиганов и смотреть, чья возьмѣт? Жить, так как у вас, когда за всеми деньгами видна кровь, не дай Бог. Перенаселѣнность в Москве вообще выходит за пределы разумного. Не представляю, как новый мэр будет разгребать авгиевы конюшни Лужкова. А какая грязь и неухоженность чуть дальше от столицы, слов нет.

Присоединиться к Европе можно только без Лукашенко, а он уходит не собирается. И его под категорию "Каддафи" подвести трудно, против этого будет всё СНГ, боясь занять очередь на «искупление грехов» по-американски.

При Лукашенко есть уверенность в завтрашнем куске хлеба. Для многих это важнее, чем личная свобода и демократия. Но перемены могут наступить раньше, чем мы предполагаем. Если Америка выбрала Обаму, значит, мир не столь консервативен и возможны любые перемены.

- А расслоение общества? Оно выглядит неприлично с точки зрения европейской ментальности, - вставляет реплику Алекс, - одни могут оплатить любой каприз, а другие высчитывают копейки, чтобы дожить до следующей государственной подачки.

- Да, - не удерживаюсь от «мужской темы» и я, - все отели мира заполнены пожилыми европейцами, которые могут позволить себе на пенсию отдыхать месяцами у моря. Английских ветеранов так много зимой на побережье Испании, что нужно очень постараться, если захотите услышать испанскую речь. Я же в свои сорок восемь, по российским меркам, - туристический аксакал. Меня можно показывать в музее, как ископаемое. Наши туристы в подавляющем большинстве в возрасте хищников, способных вырвать кусок из глотки соседа. Этакие молодые акулы. Пенсионеров из России в любом отеле можно сосчитать на пальцах одной руки, сложенной в кукиш.

- Но согласитесь, что народ «за», - удивляется Алекс, - всем нравятся и выпученные глаза Лукашенко, и сдвинутые домиком брови Путина, когда они пугают общественность. Все довольны, кроме вечно брюзжащей интеллигенции, которая скоро исчезнет даже как прослойка. Благосостояние, по данным парламентариев, растёт, и не только их личное. А рейтинги питерской команды просто зашкаливают. Вот с переписью населения беда. Никак не удаётся посчитать так, чтобы Россия не вымирала, хотя бы в цифрах. Как говорится, население голосует смертью. Я в школе тоже Салтыкова-Щедрина читал, и аналогии заметны. Но народ, безмолвствует. А молчанье, как известно, знак согласия.

- Видите ли, Алекс, - снова включаюсь я, - мы, рождённые в СССР, почитывали известного трирского еврея, Карла Маркса. И нас учили мыслить экономически. На протесты способна только провинция. Москвичи все стали рантье, сдают квартиры, дачи, гаражи. Денег на жизнь хватает. А кому социализм отвалил квартиру в центре, тот, на доход от сданной площади проживает с прислугой в Гоа. Заметьте, власть никогда не трогает рантье, по принципу «не тронь говно, вонять не будет». Правда, и дамоклов меч не убирает, периодически попугивая налогами. Квартирный вопрос настолько испортил москвичей, что они уже не размножаются, а вымирают, как динозавры.

А взять приезжих «покорителей столицы», - продолжал я, - которых в городе уже большинство. В массе своей они не любят Первопрестольную. Послушать их, так все ругают этот город и рассказывают, как хорошо в Астрахани, Бодайбо, Владимире, Грозном... далее по алфавиту. Вот только работы там нет, а то бы в Москву ни ногой. Они честно признаются, проблемы столицы их не интересуют. Снять квартиру, и, чтобы не трогала полиция – вот все их интересы. А дальше, стройте себе мусоросжигательные заводы хоть в центре города. Вот так при общем безразличии и живём на перекрёстке мировых канализаций.

Обиженные и недооценённые уехали за кордон. Заметьте, в Москве даже фенотип изменился. Раньше среди прохожих больше было очкариков, вообще

лиц, обременённых интеллектом и научными знаниями. Теперь они сверкают очками в Тель-Авиве, Лондоне, Берлине... Я недавно был в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне. Всё чаще в людском потоке звучит русская речь. Теперь уже едут не гонимые диссиденты, не обиженные пятым пунктом евреи, а просто молодёжь с территории бывшего СССР. В поисках качества жизни и всё той же свободы, но чаще не политической, как прежде, а экономической.

- Да, с этим я согласен, - кивнул Алекс, - мне нужен был в Москве хороший врач для матушки. Полез в интернет. Сайты на русском языке по её заболеванию существуют, и врачи приём ведут. Вот только где? В Нью-Йорке, Оттаве, Хайфе, Мюнхене. А в Москве, в основном: «Заговорю любую болезнь», «Живот уйдёт навсегда», «Вернём потерянную девственность».

- Да, с этим не поспоришь, - вмешался Пётр, - известные люди поголовно лечатся за рубежом. Патриарх, ныне покойный, – в Германии, Ян Арлазоров, - тоже в Германии, мой любимый актёр Олег Янковский - всё в той же Германии, Александр Абдулов – это уже кумир Галины, в Израиле. Не буду всех перечислять. Грустно. Все, кого назвал, золотой фонд нации, а не тот - стабилизационный, о котором говорит ваше правительство. И все эти знаменитые люди, как пишет пресса, поступают в зарубежные клиники с запущенными болезнями. Россия становится «страной запущенных болезней». Я люблю Россию и говорю это с болью, вы понимаете.

Минут двадцать ехали, молча, потом Пётр вернул нас к сегодняшним проблемам:

- Какой у нас план осмотра недвижимости?

- Пять кондоминиумов, - сказал я, - вся подготовительная работа проведена. Кондо в разных частях города, есть в центре, есть на окраине, но мы рекомендуем живописную южную часть, там швед продаёт отличную меблированную квартиру. И недорого.

Алекс прожёл на мне дырку крайне недовольным взглядом. От возмущения он чуть не выпустил руль машины. Он хотел это предложение оставить в запасе, как самое невыгодное для нас. А попытаться продать более дорогой вариант – наш заработок в процентах от сделки. Я знал Петра лучше, чем Алекс. Пётр, когда он чем-то интересуется, это настоящий волк на охоте. С ним мудрее вести открытую игру, он это больше оценит. Словом с ним лучше играть в шахматы, чем в преферанс.

В курортном городке Чаам, в просветах между зеленью парков и роскошных отелей, замелькало море. Через три часа после выезда из Бангкока, мы были в центре Хуа Хина. От долгой дороги и жары, все устали. Все, кроме Микки, это был её родной климат. Она держала себя серьёзно и не приставала ко мне с вопросами.

- А можно здесь выпить кофе, съесть мороженное? - спросила Галина.

- Да, в этом месте мы оказались не случайно, - ответил я, - предлагаю подняться в ресторан отеля Hilton. Там отдохнём, закажем что-нибудь освежающее. С высоты верхнего этажа расстилается панорамный вид курортного города. Песчаные пляжи тянутся вдоль всего побережья, образуя нейтральную полосу в вечном противоборстве суши и моря. Высокие утёсы, как заснувшие у воды рыбаки, с большими загадочными храмами на их вершинах. Зеленые рощи, охраняющие тайны престижных отелей. Широкие пирсы, с

популярными рыбными ресторанами. И, конечно, низкорослые кварталы трудового люда.

- Вот кондоминиумы, которые мы хотим посмотреть, - указываю я на новые высотные здания.

- А где тот, который швед продает? – спрашивает Пётр. - Я думаю, дорогие апартаменты в центре города мы осматривать не будем. Как ты, Галчонок? Она кивает головой: - Да, ближе к природе лучше.

Алекс сморщился, как от зубной боли, окончательно потеряв надежду всучить Петру дорогие квадратные метры.

Мы заказали по порции фруктового смузи, мороженое и кофе. Официантка принесла большой вентилятор, мы расположились на открытом воздухе без кондиционеров. Я видел, что уставшие минчане не воспримут подробную информацию, и выделил самое главное:

– Король имеет в городе официальную летнюю резиденцию. А король самый уважаемый и самый влиятельный человек. Если он здесь отдыхает каждый год с семьёй, значит с экологией, - всё окей. И последнее: Hilton - этот оплот буржуазного отдыха, - произнёс я с улыбкой, - является нулевой точкой отсчёта расстояний по городу. Так что, если заблудитесь, ищите глазами Hilton.

- Пётр, подхватывая мою мысль: - А действительно, он, как смотровая башня крестоносцев, которая должна внушать покорность местным племенам. Я не люблю такие отели, они сделаны по единому стандарту для всего мира, как говорится, Hilton - он и в Африке Hilton. Живя в таком «замке», не видишь ни окружающей жизни, ни местного колорита. Пример глобализации.

- Чувствую, господа, я в кольце антиглобалистов и леваков, - с иронией в голосе произносит Алекс, - надеюсь, Игорь, резервировали не Hilton для наших минских друзей?

Он несколько отошёл от обиды за мою прямоту, видя, что Пётр не стал даже смотреть его дорогие хитрые варианты.

- Молод ещё, - подумал я про Алекса, - мелко плаваешь, задницу видно.

Через десять минут мы были на окраине городка, в местечке Такиаб и заезжали на охраняемую территорию кондоминиума. Здесь размещались:

восемнадцатипятиэтажное новое здание, с переходом в другой корпус, два бассейна, кафе и небольшой садик, украшенный множеством скульптур в национальном стиле. Поднялись на восьмой этаж и вошли в апартаменты шведа. Просторная гостиная, обставленная комплектом мягкой мебели, TV с большим плазменным экраном и музыкальный центр. В ней же, сбоку кухня со всеми необходимыми принадлежностями и холодильник. Рядом две уютные спальни. В каждой по кровати king-size. Два туалета и два душа.

Пожилой швед, Ингвар, как он нам представился, стоял рядом с немолодой тайкой. «Моя дочь Бригита», - представил он её. За апартаменты он хотел выручить восемьдесят тысяч евро, при их докризисной цене около ста. В ходе переговоров Пётр сбросил цену до шестидесяти пяти тысяч.

- Откуда он знает, что рынок в Таиланде так просел? - спросил меня шёпотом Алекс.

- Это опытный боец, - сказал я, - не удивлюсь, если он ещё в Минске всё изучил.

Пётр «подкупил» шведа тем, что пятьдесят процентов суммы он даст

наличными. А Алекс в документах уменьшит общую сумму сделки и, тем самым, уменьшит налоги.

- Мог бы ещё сбить цену, после волнений в Таиланде и массовых выступлений в странах третьего мира, рынок недвижимости рухнет. Иностранцев мало и цена недвижимости резко падает.

- Да, - сказал я, - вид у шведа был очень затравленный.

После паузы Пётр добавил: - Я отыграл пятнадцать тысяч и съел ваши десять процентов от этой суммы. Я их вам верну. Тысяча пятьсот евро за мной.

Галине апартаменты понравились, но её уже покачивало от бесконечной езды и жары.

После обещанной Петром премии, Алекс повеселел. Кроме того, выбор апартаментов занял всего один день, если не считать двухдневную ознакомительную поездку в Паттайю, на которую мы не возлагали ни каких надежд. Экономия времени его устраивала, потому что посол возложил на него «разносторонний досуг депутата»:

- Ну, надо хоть символически, обмыть покупку. Игорь, вы тут всё знаете. Где нам лучше отдышаться и перекусить?

- Только без садизма, - с трудом улыбнулась Галина, - где-нибудь рядом.

- Есть местечко на берегу моря. Мы одни, лёгкий бриз, шелест пальм, кухня приличная, правда, без экзотики. По местным понятиям недёшево, зато уютно. Осмелюсь предположить, что в этом отеле вы захотите остановиться.

Галина с тоской в голосе: - Далеко?

- Нет, два оборота колеса.

Через минуту мы сидели в мягких креслах на террасе отеля Anantasila. И в пятидесяти метрах от нас волны нашептывали слова любви.

- Рай, - сказал я, - о чём ещё можно мечтать? И так круглый год. Ни тебе слякоти, ни гололёда, ни мороза.

У Галины открылось второе дыхание. Она сбросила босоножки и побежала к морю. Пётр, как заботливый отец, привстал: - Ты смотри, аккуратно, чтобы никто не укусил.

- Некому, - успокоил я, - очень безопасное в плане живности море. Разве что, медузы.

Нас подошла поприветствовать менеджер отеля Джой, улыбка симпатичная девушка в оранжевых одеждах.

Я для приличия поинтересовался у неё, почему так тихо в отеле. Хороший был бы ответ: - Потому что здесь нет русских. Шутка, конечно. В этих местах ещё не знают о голосовых способностях наших сограждан.

Всё это время Микки вела себя с присущим тайским женщинам тактом. Следуя за мной, как тень. – Спасибо, шепнул я ей на ушко, ты умная девушка и правильно себя ведёшь. Она кокетливо сделала вид, что не поняла, за что я её благодарю. И улыбнулась, напомнив мне, что у неё тонкие, нежные губы.

После лёгкого рыбного ланча, фруктов и бутылки вина, Джой повела Петра и Галину в приготовленные для них апартаменты. Я и Микки поднялись вместе с ними. А Алекс с тяжким вздохом засобирался обратно в Бангкок, делать вид, что «горит» на работе. На третьем этаже двери лифта открылись, и Джой отперла номер, пропуская нас вперёд. Окна выходили на старый сад манговых деревьев, с висящими на них плодами. Просторный двухкомнатный номер с

опоясывающим его широким балконом и современной техникой, не мог не понравиться даже капризной Галине.

№ 30. МОРЯ, СЛОНЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Если честно, я соскучился по морю, пальмам и полному, можно сказать, воинствующему, безделью. Когда весь день проходит не по команде «я должен успеть сделать и это, и то», а по антикоманде: «мне хочется сделать это, и я не намерен делать то». Подобрал с Джой номер для меня и Микки, я твёрдо скомандовал: «идём к морю». Микки, демонстрируя хозяйственную хватку, быстро разложила вещи, отделив часть одежды для стирки и глажки. (Здесь эта услуга стоит настолько дёшево, что возникает хулиганская мысль - посылать грязную одежду из Москвы прямо в Хуа Хин). Затем собрала купальные принадлежности, не забыв положить помимо закрытого купальника, ещё и футболку, и шорты. Отель-бутик Anantasila выходит прямо на пляж и через пятьдесят метров нас заключили в объятия ласковые волны, смывая усталость и тревоги дня. Микки, как большинство таек, не умела плавать. Тайцы обычно купаются, держась за камеры наподобие автомобильных. Эти большие камеры лежат горками на пляжах и их можно взять напрокат за символическую плату. Микки давно не была на море, давно не отдыхала, проводя всё время в салоне или душевой комнатухе, которую снимала в шумных городских кварталах. Деля эту мизерную площадь с такой же, как она, темнокожей тайкой. И теперь, вырвавшись на волю, с восторгом смотрела на бескрайние просторы моря и неба. Я взял её на руки, в воде она была совсем невесома. Я давно не был счастлив, так давно, что стал забывать, что это такое быть просто счастливым. К морю у меня отношение почти мистическое, я обращаюсь к нему как к живому существу, прошу принять меня в свои воды и благодарю за проведённое время. Я с ним здороваюсь и прощаюсь. Возможно, это чувство возникло в результате моих многочасовых заплывов, когда полоска берега едва видна, и ты находишься в полной зависимости от настроения волн. Может быть, это влияние погружений на глубину и общения с морскими существами, живущими в загадочном мире без неба и звёзд. Или это результат моего соревнования со временем, в котором я веду счёт морям и океанам, на которых удалось побывать. Мировой океан многонационален. Он необычайно различен в своих проявлениях - Красное и Балтийское, Чёрное и Белое, Средиземное и Южно-Китайское, моря подобны детям разных народов и рас. Взявшись за руки, мы пошли вдоль пляжа, в лучах уходящего спать солнца. Для тайцев эта конфигурация Адама и Евы, взявшихся за руки, - непривычна. Чаще можно наблюдать двух юношей или девушек, держащихся за руки. И это не однополая любовь, точнее, не обязательно однополая любовь, это просто традиции. Я ловил на себе недружелюбные взгляды, а потом кто-то с силой запустил камеру нам вслед. Она пронеслась рядом, в нескольких сантиметрах от меня. Такого размера и с такой силой запущенная камера легко сбивала бы с ног, в случае попадания в спину. Я шёл дальше, даже не обернувшись, противник должен почувствовать моё моральное превосходство, если нет превосходства физического. Меня удивила выдержка Микки, которая повела

себя так же, как и я. Неприязнь к другому человеку из-за цвета кожи, внешних особенностей, разницы языков, обычаев, веры – самый популярный грех, уступающий, возможно, лишь супружеской измене. Быть чужим среди чужих, это уже определённое мужество, не меньшее, чем быть чужим среди «своих». Проблема выбора часто встаёт перед нами в процессе земного бытия, и я думаю, ангел, что в анамнезе своей жизни каждый виноват сам. Желание людей свалить всё на других с неместным типом внешности, иными взглядами, или отличающейся верой, не только ошибочно, но и смердит, как навозная куча в жару. Должен признаться, что все наезды на меня и вымогательства совершали люди с фамилиями Иванов, Петров, Сидоров.

Вспоминаю картинку из жизни Москвы, времён «кучерявых» девяностых. Я сидел на скамейке у входа в госконтору, ожидая появления нужного мне чиновника. Погода для середины весны была теплая, и я, сощурился глаза, грелся на солнышке. Что может быть лучше набухших почек сирени, готовых взорваться яркой молодой листвой, радостного теньканья синиц, переживших зиму, первых тюльпанов на клумбах.... Вдруг, рядом со мной встал кавказец. Здоровый и неуклюжий, как медведь, с огромными руками, которые ему как будто мешали, и он не знал, куда их деть. Он спросил можно ли сесть, и я кивнул в ответ.

С немислимым акцентом он стал обсуждать со мной погоду, зачем-то вспомнил детство, родных, рассказал, чем занят теперь. Я внимательно слушал его исповедь, чувствуя, что он говорит правду. Вдруг он спросил, для чего мы живём.

- А вы друг мой, не торговец, вы философ, - сказал я серьёзно, - у настоящих торгашей такой вопрос не стоит никогда. У них есть ответ и на завтра, и на послезавтра: делать «бабки», а потом из них опять делать «бабки», ибо вчерашние деньги уже не сладки.

Внезапно он вынул из кармана свёрток. Что-то подсказало мне, что в нём деньги.

Он протянул его: - Брат, я тебя очень прошу-да, передай этот пакет одной женщине, она в Твери, я адрес написал-да, ты возьми за дорогу, а остальное отдай-да, я вижу, ты хороший человек, очень тебя прошу, - он волновался, и это волнение было ещё заметнее, контрастируя с его могучей, неуклюжей фигурой.

Я пытался отказаться, но потом понял, что ему по какой-то причине это необходимо и убрал деньги в кейс. Он поблагодарил.

Через минуту подъехал новенький джип. Из него выкатились три «шкафа» и походкой, которую я называю «из жопы ноги выдирает», двинулись к кавказцу. Он стоял, прижимая к груди топор своими огромными ручищами.

- Дава-ай садись, топор он взял, чурка, - сказали пацаны. На меня они взглянули бегло, - я тоже был в малиновом прикиде. «Прощай, брат», - сказал мне «Медведь», глубоко вздохнул, словно готовился уйти под воду. Он посмотрел вокруг, запоминая этот тёплый весенний день, и готовые брызнуть яркой зеленью кусты сирени.

- Садись, перед смертью не надышишься, - усмехнулись пацаны, - раньше котелком думать надо, а не упираться, как баран.

- А он и есть баран-джейран, - засмеялся один из них.

Джип рванул с места и увёз несговорчивого кавказца и его палачей. Я не знаю, сколько денег он передал своей женщине из Твери. Думаю всё, что у него было. Я не стал открывать конверт, а дорога в Тверь и обратно заняла всего лишь день. В квартире было накурено, людно и шумно. Обитатели хрущёбы напоминали персонажей пьесы Горького «На дне». Уже покидая коммунальный рай, я вдруг увидел в коридоре двух «медвежат», крепких черноглазых мальчишек удивительно похожих на своего отца. Я подмигнул им, и они помахали мне пока ещё маленькими ручками.

Штрихи, мазки, складывающие полотно картины жизни. Вот один из сегодняшней Москвы, после всплесков «манежной» ненависти.

По улице шел пожилой мужчина «неславянской внешности». Шел, ссутулившись, погруженный в свои мысли. Внезапно его окружила ватага молодых парней лет по 15-16. Они вскинули руки и громко заорали ему в уши «Хайль Гитлер». Старик вздрогнул от неожиданности, и тоже выкинул руку вверх, то ли испугавшись, то ли по инерции. Компания «шалунов» рассмеялась ему в лицо и побежала дальше, пугать другого старика или старуху.

Я никогда не слышал, чтобы эти «патриоты» выясняли отношения с бандитами или чиновниками, среди которых тоже есть люди разных национальностей.

Когда «шалунишки» убежали, старик заплакал и сел в сугроб. Пока я доставал для него таблетку под язык (вынужден носить лекарства с собой), он всё пытался оправдаться и вспоминал погибшего на фронте отца.

Взвешивая, как поступить в той или иной ситуации, всегда вспоминаю «message», посланный мне дедом незадолго до смерти. У него был рак, и, зная об этом, он вёл себя так, будто ни чего не происходит. Дед Дмитрий был образованный человек: с учёной степенью, свободно владел немецким и французским языками.

- Ты знаешь, я воевал, честно работал, всегда любил тебя, - сказал он мне, - но есть одна вещь, о которой я не говорил. Когда я был на партийной работе на Дону, в тридцатые годы, к нам пришла сверху разнарядка. Мы должны были в определённом количестве составить список «врагов народа». Все мы были местные, в основном казаки, и своих в городе знали. Одному из нас пришла в голову мысль записать туда инородцев. Немец учил нас в школе и ставил двойки, к поляку приревновали девушку, кореец не отпустил продукты в долг и так далее. Мы были молодые, горячие и список составили быстро. В него попало больше людей, чем спрашивали там, наверху. Знаешь, что было самое страшное? Мы расходились довольные собой, тем, какие мы хитрые и умные. Я каюсь перед тобой, знаю, ты всегда мной гордился. Хочу, чтобы ты понял – главное, не скурвиться (дед употребил не свойственное ему слово). Откажись от карьеры, от денег, уйди, если не можешь одолеть обстоятельства, но не поступай так, как я поступил когда-то.

Возвращаясь в отель, я увидел на террасе Петра. Он сидел в плетёном кресле, в компании бокала красного вина и блюда с нарезанными фруктами.

- Как море? - поинтересовался он.

- Прекрасное, рекомендую.

- Я пойду плавать ночью, составите компанию?

- С удовольствием. Как Галина, не болеет?

- Нет, просто устала и легла немного вздремнуть. А давайте рванём куда-нибудь пообедать. Есть здесь заведение с хорошей кухней?

- Рядом с нами рыбацкая деревня. Более свежие продукты только в море. Можно одну минуту на машине, а можно десять пешком.

Мы решили немного пройтись, благо жара начала спадать. И, свернув с пляжной территории, углубились по тропе в лес, мимо зарослей кустарника и мелких деревьев. Вдруг в двух - трёх метрах от нас раздался шум сломанных веток. Мы замерли: рядом стоял слон. Понятия не имею, что это значит на слоновьем языке, но уши у него были напряжены и располагались не вдоль, а под прямым углом к голове, как будто он ими сканировал нас.

- Ну-ну, мальчик хороший, мы тебя не тронем, просто два круглоглазых дяди и одна местная девушка забрели на твою территорию, - нежно ворковал я, продвигаясь по тропе.

Микки вышла вперёд, экспромтом произнесла короткий спич, и в конце махнула рукой, показывая слону, чтобы он уходил. И, когда он стал медленно разворачиваться, она поклонилась ему, благодаря за понимание.

Официант сказал нам, что это нередкий случай, когда слоны заходят в заселённую людьми местность. Раньше здесь были джунгли, и старые слоны продолжают ходить по тому же маршруту, что и в детстве. Им невозможно объяснить, что это уже не их земля.

- Главное, не прикармливать слонов, - объяснял официант, - был случай, когда маленькая девочка из Европы давала слону сладости. Привыкнув к угощениям, он стал приходить к домику каждый день, пугая соседей. А когда девочка уехала, огромный слон стоял возле её двери и трубил, подняв хобот. Целый час он звал свою маленькую подругу. В результате пришлось вызвать полицию и ветеринарную службу, усыпить слона и перевезти в другой район Сиама. Улыбчивые тайки подавали блюда под присмотром солидного официанта, помогавшего нам разобраться в меню. Микки впервые в жизни играла роль переводчика, морща лоб и покусывая верхнюю губу. Я заметил, с каким вниманием она рассматривает пары: европейец – тайландка. И так же, как другие тайские «жёны», она принялась сбивать цены ресторана, демонстрируя защиту моих интересов.

Я всегда считал, что в Англии нужно быть немного англичанином, в Италии – итальянцем, а в Таиланде – тайцем, распространяя это правило и на национальную кухню. Мы вооружились по тайским обычаям вилок и ложкой и принялись за дело. «*Si vivis Romae, Romano vivito more*». («Если живёшь в Риме, живи по римским обычаям»). Начали мы с бокала местного пива, далее последовали нежные гребешки и крабовый суп, сибас глубокой прожарки (способ приготовления, когда рыбу можно есть целиком, с мелкими костями), потом проглотили несколько тигровых креветок гриль и нежный рис с соусом. Надо было остановиться, но Пётр никогда не ел такие свежие и одновременно дешёвые деликатесы. Часто в Юго-Восточной Азии во время еды в европейце включается, как бы внутренний счётчик. Путешественник ест – и сопоставляет цены страны, из которой он прибыл, с местными ценами. В итоге получается,

что за ужин можно оправдать значительную часть средств, потраченных на всё путешествие. Пётр впал в эйфорию, и на очередном витке тарелок сообщил мне, что упустил из виду свежих устриц, хотя с них обычно начинают трапезу. При этом цена была обозначена около четырёх долларов за порцию. Каково было удивление, когда в тарелке каждого из нас, оказалось, по двадцать свежих крупных устриц на льду.

- Ну что же, умереть от обжорства устрицами, это достойная смерть, - улыбнулся Пётр, - говорить о второй свежести, как в романе Булгакова «Мастер», здесь не приходится.

Обратно в отель мы ехали на такси. Пройти пешком даже короткое расстояние, было выше наших сил. Оправдание лениности нашлось легко.

- А вдруг, слон так и стоит в засаде, - предположил Пётр.

- Да, наверняка! Я сразу заметил, что он не любит круглоглазых, - подтвердил я.

Заботливый Пётр вёз с собой крупного живого краба с завязанными травой клешнями и целый мешочек королевских креветок. «Галя проснётся, и я ей сварю всю эту прелесть», - объяснил он.

Уже в отеле Пётр спросил: - Да, кстати, а почему вы слона называли мальчиком?

- Ну, потому, что это был крупный, сильный слон.

- А как, по-вашему, - обратился он на английском к Микки, - это был слон или слониха?

- Конечно слониха, она некрупная и такая, - Микки подыскивала правильное слово, - такая стройная. И, к тому же, я обращалась к ней, как к девочке, и она меня поняла.

Мы долго смеялись. «No comment», - признался я.

№ 31. МНОГО ДИКИХ ОБЕЗЬЯН. ПРАНБУРИ. ГОВОРЯТ, ЧТО ДЕДЫ БЫЛИ БОЕВОЙ НАРОД.... «ИГРУШКИ» И ВИКТОР.

В этот вечер мы рано отправились спать. Джой подобрала нам отличный номер на верхнем четвёртом этаже. Просторная гостиная, спальня с огромной кроватью и большой балкон с видом на пальмы и море. Как на «honeymoon» подумал я. Как только мы пересекли порог номера, я прижал её к себе и несколько минут, молча, целовал губы, шею, грудь. Руки мои жили в отдельном от сознания режиме, лаская все «секретные места» её тела. Я вёл себя, как юнец, обнимающий девушку. Но мне нравилось моё мальчишество, я молодец душой. Почувствовав рукой её готовность к близости, я поднял её и отнёс на кровать. Я давно не испытывал такого удовольствия от секса, меняя позы и чувствуя её напряжённую, а потом расслабленную плоть.

Меня никогда не волновали лавры Дон Жуана, и мне никогда не приходило в голову вести счёт своим похождениям. Бросал я, бросали меня. Попадались женщины, которым я был нужен как постельный тренажёр. Были другие, ищущие духовной близости, а потом уже секса, в качестве приложения. Но почему же сейчас я так прикипаю к этой девушке? Наверное, старею и становлюсь сентиментальным, выдумывая то, чего в этом расчетливом мире не

существует.

Ночью проснулся из-за жары, закрыл окно и включил кондиционер. Микки не спала. На мой вопрос, что случилось. Она тихо ответила:

- Давай съездим в Пранбури. Это недалеко. У меня там живут мама и младшая сестра, мы давно не виделись. Только открытки и деньги посылала.

- Нет проблем, но я обещал Петру и Галине поездку в храм на горе, который они видели во время поездки в Хуа-Хин. Я, конечно, мог бы перенести экскурсию, но это расстроит их. А вот в любое время. – Я видел, что она расстроилась и поэтому сказал: - Микки, я прекрасно понимаю, что твоя просьба важнее, чем их. Но это деловые партнёры, и моё благополучие зависит от них. В отличие от россиянки, которая стала бы выяснять, кто мне дороже и почему, Микки только кивнула: - Я не видела их несколько лет, конечно, день ничего не изменит.

А в этот день произошло событие, примирившее Галину с Микки. Мы наняли в отеле машину и объяснили водителю цель нашей поездки. Пересчитав в уме доллары в баты, водитель довёз нас до автобусной остановки, от неё легко было добраться из Хуа-Хина до других городов. Тайцы бережливы и водителю не пришло в голову, что мы готовы заплатить 100 долларов за такси, когда стоимость экспресс автобуса с мягкими сиденьями и кондиционером не превышает 2-3 долларов с человека. Пришлось ехать на автобусе, показная скромность въелась в мозг ещё во времена социализма.

Через два часа мы были на месте. Девушка-проводник, что-то вроде стюардессы, сказала водителю, где остановиться. Мы вышли, как сказали бы в России, в чистом поле, правда, поле заменял тропический лес. Мы не успели испугаться, как к нам подъехали четыре мотоциклиста и сообщили, что они и есть такси. Обхватив за талии щуплых пареньков, мы рванули с такой скоростью, как будто по приезде наш ждал кейс с конвертируемой валютой. Подземный проезд, путь в гору и вот мы уже на месте. За свою работу мото-таксисты просили по сорок рублей с человека. Для поездки, в которой мне всё время казалось, что я вместе с водителем лёгкой весовой категории полечу в пропасть, - это было немного, даже по тайским меркам. Всё шло прекрасно, с горы открывалась панорама на поля риса и джунгли, на одной из полей паслось стадо слонов. При входе в один из храмов группа тайских богомольцев объяснила нам, что именно к этой фигуре Будды следует подходить на четвереньках, почти ползком. Снятой обуви, как во всех других храмах, недостаточно. Отступить было поздно, и мы поползли. Я заметил, с каким одобрением паломники посмотрели на нас, когда наши новые футболки покрылись таким же слоем пыли, как и их.

Уже дотянувшись до стопы Будды, более полный Пётр отстал, я услышал крики Галины о помощи. По силе звука, я понял, что речь идёт отнюдь не о пробежавшей мимо мышке. К недовольству паломников мы с Петром, как по команде, вскочили и понеслись на крик, надвое разделив группы ползущих. Уже подбегая, я увидел бледную, как тень, Галину и Микки, храбро разгоняющую метлой дюжину обезьян. Позже ситуация прояснилась: Галина решила сфотографировать обезьян, но те отступали по веткам всё глубже и глубже в лес. Когда ей показалось, что дистанция сократилась, и она навела фотокамеру на наших родственников, обезьяны, наверное, не читавшие Дарвина и не

подозревавшие о нашей с ними близости, перешли в атаку. Бижутерия, яркий пакет с термосом исчезли первыми. Братья наши меньшие уже вознамерились добраться до очков и яркой блузки, когда Микки схватила метлу и перешла в наступление. А я то, грешным делом, гадал, зачем на территории храма то тут, то там стоят мётлы. Женщина, продававшая с лотка сувениры, оказала Галине первую помощь. Помазав царапины на руках и ногах дезинфицирующим кремом, она сказала, что Галина легко отделалась, царапины не глубокие. Я поинтересовался у тайки, как же ей удаётся торговать яркими сувенирами, и не бояться обезьян. В ответ она достала рогатку и, улыбаясь, сказала: - Они знают, как метко я умею стрелять.

Галина взяла Микки за плечи и поцеловала в щёчку. На обратном пути, в пойманном мной на дороге рейсовом автобусе, в котором перемещались местные крестьяне, Галина и Микки сели вместе. Под вентиляторами, прикрепленными к потолку, на сквозняке от открытых окон, среди квохчущих кур и визгливых поросят, они, найдя общую, доступную только женщинам тему, весело болтали, ни на что, не обращая внимания. Их не раздражали ни запахи скотного двора, ни грохочущий и при каждой остановке подпрыгивающий автобус. Пётр молча, поглядывал на меня, давая понять глазами, что давно не видел Галину такой беззаботной и радостной.

На следующий день, после завтрака мы ехали на чёрном отельском мерседесе в Пранбури. Пётр с Галиной присоединились к нам. Когда я сделал Галине комплимент о свежем цвете лица и бодрости духа, светящегося в её глазах, она ответила, что всё хорошо, грех жаловаться. Но по ночам какой-то таец ходит под окнами и предлагает такси. Пётр встаёт, чтобы прогнать неуёмного водителя, но тот всё время прячется.

Я так засмеялся, что водитель чуть не съехал с дороги, хорошо, скорость была невысокая. Мне пришлось извиниться за бурное проявление эмоций и объяснить «случай с таксистом».

Когда я остановился в отеле первый раз, ночью также ходил «таксист» и с английским произношением предлагал свои услуги: «тэкси, тэкси», - монотонно повторял он. Я тоже вставал пару раз, но надоевший таксист успевал спрятаться. Я уже полез в карман за деньгами, чтобы отправить его на другой конец города купить сигареты и не мешать спать. Но к утру, когда чёрный цвет ночи сменился на бледносерый, водила исчез. Видно, у кого-то из иностранцев сдали нервы и, опередив меня, таксиста уже послали за сигаретами, только не на другой конец Хуа-Хина, а прямо в Бангкок. Потому что призывный голос с «тэкси, тэкси» в ту ночь меня больше не «доставал».

При встрече я пожаловался Джой на таксиста. Она тактичная девушка, но, услышав мои слова, начала смеяться. Потом призналась, что многие жильцы с окнами на сад после первой ночи жалуются ей на невидимого «таксиста».

Мало того, утром, выйдя на балкон, решил сделать зарядку, но каждое моё движение комментировалось словами «оппа, оппа» теперь уже в женском исполнении. Какая-то шутница заменила таксиста.

Я выдержал театральную паузу, готовясь удивить Петра и Галину. И продолжил:

- Это птицы издают такие звуки! На природу я не обижаюсь, с тех пор «таксист» не возмущал, а убаюкивал меня своими монотонными призывами «эх прокачу». А утренние «оппа, оппа» звали на зарядку. Здесь тропическая природа со своими обитателями. Мне довелось увидеть большую синюю птицу, как в сказке, но сундука с сокровищами я при этом не нашёл.

Дорога на Пранбури проходит по малонаселённой местности, на фоне гор, речушек, спешащих к морю, и тропических ярко-зелёных растений. Городок известен как центр рыбной промышленности региона. К слову сказать, Таиланд занимает второе место в мире, после Норвегии по улову рыбы. Множество мелких фирм перерабатывают тонны даров моря. Прямо вдоль улиц тянутся бесконечные ряды верёвок с камбалой, кальмарами, осьминогами, и всем прочим, умеющим передвигаться под водой. Воздух наполнен солью и кисловатым запахом рыбьей плоти. Знакомый с детства дух воблы кажется французскими духами по сравнению с окружающей вонью. Забываешь даже о пиве.

Про китайцев говорят, будто они едят всё, что имеет ноги, кроме стула. Я бы добавил сюда и всё, что имеет хотя бы пару плавников или ласт, кроме любителей снорклинга и дайвинга, хотя проверять эту гипотезу на себе я бы не рискнул. Подобный всеохватывающий подход к еде характерен и для тайцев тоже.

Галина, Пётр и я решили посетить самый дорогой отель Пранбури «Six senses resort and spa». А Муан Чан водитель повёз на свиданье с семьёй. Я сунул ей в карман 200 долларов, у меня оставалось мало денег. Сделка с Петром не была завершена, и свои проценты я ещё не получил.

Отель «Six senses», представитель известной мировой цепочки. Маленький раёк, обнесённый высокой оградой. Красивые бунгало, соединенные мостиками, небольшие пруды, покрытые лотосом, живописные лужайки с аккуратно постриженной травой. В таких отелях не слышишь биения сердца страны. Здесь обычно останавливаются люди, не интересующиеся жизнью за забором. Такой отдых, конечно, возможен, но зачем лететь на край земли, если все дни проводишь у бассейна.

Галина решила изучить возможности местного спа-центра и покинула нас в сопровождении девушки – служащей отеля.

Мы с Петром расположились в прохладном баре, заказав по бокалу пива.

Пётр, почему-то шёпотом: - Я, конечно, не стал говорить при всех, сегодня мне позвонила ваша московская подруга, Римма. Спрашивала, как вы, чем заняты? Говорит, что последние дни не может до вас дозвониться и волнуется.

- Последние дни я действительно избегаю разговоров с ней. Врать не хочется, а правду сказать нет смелости. Сам не знаю, чем закончится моё увлечение Микки. Может, это мой прощальный поклон вольной жизни. Возможно, эгоистичное желание, приезжая в Таиланд, знать, что тебя кто-то ждёт, пусть даже небескорыстно. Да, кстати, я не давал Римме ваш телефон. Впрочем, у неё ключи от моей квартиры, а обыски женщины проводят профессионально. Ей хочется, находясь в Москве, держать меня здесь под контролем.

- Женщины, как вы знаете, ужасные собственницы. Некоторые действуют по

принципу «сам не дам и тебе не дам». Но у вас, мне кажется, не такой случай, в её голосе было искреннее беспокойство.

- Русским, точнее российским, - у Риммы отец татарин. Так вот, российским женщинам пора понять, что скандалами и криками мужика не удержишь, - сказал я, - сломать на время можно. Но он всё равно найдёт, как ускользнуть потом. Самец по природе своей полигамен, без дополнительной стимуляции на стороне, его может разбить апатия. При этом хорошую жену ни один мужчина не променяет на любовницу. Если муж уходит от жены, то причина чаще не в другой женщине, а в их личных отношениях.

- Может быть, сказываются 70 лет социализма, - заметил Пётр, - когда удавалось держать семью на страхе перед партийной организацией. Правда, с тех пор интеллигентности в семейных отношениях не прибавилось.

- Я не хочу бросать Микки. Может быть, я нашёл себе игрушку и мне жалко выпустить её из рук? Понимаю, это банально - девушка из массажного салона, но она мне нравится. Хотя, какое это может иметь продолжение, не представляю.

- А вы, Игорь, не заглядывайте далеко. Живите сегодняшним днём. Я всю жизнь привык планировать, а многое выходит по-другому. Если хочешь рассмешить бога, составь долгосрочный план. А относительно замечания, что она массажистка и это банально, мне вообще не ясна ваша мысль. Это Таиланд, массажистка здесь распространённая и весьма уважаемая профессия. Если вспомнить классику, то Чио-Чио-сан была гейша, однако это не мешает людям многие десятилетия сопереживать драму мадам Баттерфляй.

- Ценю вашу моральную поддержку, Пётр, и всё-таки испытываю неясное беспокойство. Такое ощущение, что должно произойти нечто непоправимое, чему виной будут мои поступки или принятые решения. Вы же помните, я вам рассказывал о предсказании девочки из Косово. Надеюсь, что я уже стар для лейтенанта Пинкертон, а Римма не Кэт, да и Микки более прагматична, чем Чио-Чио-сан.

- Если вы хотите лучше понять Микки, - Пётр сделал несколько глотков пива из бокала, - посмотрите на её мать, женщины часто повторяют жизненный путь матери, хотя редко признаются в этом. Мужчины значительно реже следуют попятам отца. Из-за врождённого стремления господствовать в семье, в коллективе. Чаще встречается, пожалуй, подражание деду. Молодой человек на подсознательном уровне не воспринимает пожилого мужчину как конкурента.

- Думаю, вы правы, водитель знает адрес, по которому отвёз Микки, я могу приехать и познакомиться с семьёй. Чтобы лучше понять, на какой почве она росла. Водитель по моей просьбе должен расспросить соседей и выяснить, кто живёт в доме.

- Смотрите, не переусердствуйте, разговор с родителями и опрос соседей - это разные вещи, - люди завистливы. Соседи могут улыбаться и раскланиваться, но если спросить их мнение о семье вашей девушке, - оболют грязью.

- А вообще главное в семейной жизни, - продолжил Пётр, - это уважение, и взаимоуважение, и самоуважение. Когда к мнению и желаниям своей половины относишься с тем же пониманием, как и к своим. Я знаю, что этот пример не в духе времени, но вспомните любовный треугольник: Ленин, Крупская, Арманд.

Инесса умерла, Ульянов после этого тяжело заболел, и всё время проводил в усадьбе Горки. И при жизни и после смерти Ульянова, Крупская опекала детей Инессы, как родных. Я уже не говорю о просьбе Крупской, похоронить вместе Ленина и Арманд. Сталин эту просьбу Надежды Крупской отклонил. Как не смотрите на них, хоть справа, хоть слева, а самоуважение колоссальное, именно самоуважение, когда что-то делаешь не из-под палки, а по убеждению.

- Да, - сказал я, - мне в школьные годы выпало пообщаться со старой гвардией. Лазарь Каганович, Вячеслав Молотов и его спутница жизни Полина, подпольная кличка Жемчужина, близкая подруга Надежды Аллилуевой - жены Сталина. Одинаковые судьбы: с юных лет в борьбе, задолго до революции вступают в партию, высокие должности, работа на износ, разочарование. Одна погибла, по разным версиям, то ли от руки самого Сталина, толи Джугашвили поручил Буденному застрелить её. А Полина прошла через ужас сталинских тюрем и тоже должна была умереть. К ней по приказу вождя применялись пытки. Но Молотов, несмотря на рекомендацию, а по сути своей приказ Сталина, не бросил её. Может быть, эта любовь Полину и спасла.

Лазарь Моисеевич Каганович или «Железный Лазарь» не дотянувший двух-трёх лет до своего 100-летия, проживал в том же доме, что и наша семья, недалеко от Комсомольского проспекта. Я всегда здоровался с ним и он, в ответ, тоже. Разговаривал он со всеми на «вы», даже с детьми. Дед меня учил: - Если ты здоровался с человеком вчера, когда он был у власти, то здоровайся и сегодня, когда он потерял её. Иначе выходит, ты не уважаешь ни его, ни себя.

Каганович в тридцатые годы - второе лицо в партии после Иосифа Джугашвили и в его отсутствие проводит заседания Политбюро. В жизни Каганович производил впечатление монумента, вытесанного из мрамора. Это был человек могучего телосложения. Нередко «бывший зам. императора» прогуливался в обществе немолодых интеллигентного вида дам, его знакомых из прежней жизни, много читал, сидя под липами на скамье. Но никогда не снисходил до случайного общения, а тем более до игры в домино, как писали газеты. Два-три лета подряд наша семья проживала в «Морозовке», тогда санатории Совмина (теперь Газпрома), в одно время с семьёй Кагановича. На отдыхе мой дед Дмитрий беседовал и иногда спорил с «Железным Лазарем», но никогда не передавал содержание их разговоров. Только раз он мне сказал: - Похоже, Лазарь так и не раскаялся, и единственное, чего он не может себе простить, это смерти брата, так много сделавшего для него. (Речь шла о его старшем брате Михаиле, застрелившемся накануне ареста в годы сталинских репрессий).

Дед Дмитрий рассказывал мне и о Сталине, низкорослом, со следами оспы на лице человеке, десятилетиями единолично управлявшем крупнейшей Империей мира. Сталин страдал бессонницей и любил работать по ночам. Иногда бесшумной походкой в кавказских бурках и френче проходил по ковровым дорожкам коридоров Кремля, лично наблюдая за «трудовой активностью» сотрудников Apparата в два-три часа ночи. Поскольку вся страна жила под Сталиным и со Сталиным, соответственно, и рабочий день чиновников выше среднего ранга, подстраивался под привычки Иосифа Джугашвили. Как вспоминали в частных беседах многие из его подчинённых, трудно было выдержать эту потогонную систему. Работали круглые сутки с

коротким пяти-шестичасовым перерывом на душ и сон. Утром, чиновника от дома увозила машина и возвращала назад ночью следующего дня. На каждый вопрос Сталина ответ давался немедленно, ссылки на ночное время не принимались. В Аппарате бытовала такая байка: Сталин пришёл в зал на рабочее заседание раньше назначенного времени, и находящаяся там уборщица не пустила его, со словами, что её непосредственный начальник сказал: до указанного часа никого не пускать. Вождю всех народов очень нравилась такая беспрекословная исполнительность.

Даже в дома отдыха работников Кремля с семьями привозили на автобусах от Красной площади поздней ночью в субботу (рабочая неделя длилась тогда шесть дней). При этом встречать отдыхающих выстраивался у входа в главный корпус весь персонал дома отдыха, во главе с директором. В 12 ночи был ужин, в 2 – кино, и в 4 утра ложились спать. Большинство домов отдыха принимали гостей в бывших барских усадьбах: «Остафьево», «Морозовка», «Назарьево». В «Остафьево» мне иногда доводилось размещаться в маленькой уютной комнатке, в которой проживал Александр Пушкин, приезжая в гости к хозяину поместья.

В этих оздоровительных учреждениях существовал свой стиль, уклад, прораставший корнями в дореволюционное прошлое. Ещё в шестидесятые годы Остафьево славилось своими соленьями. Особенно хороши были помидоры, засоленные в огромных бочках. По старинному рецепту помидоры получались целые, как будто только сорванные, и, когда их проткнёшь вилкой, из них выходил душистый запах рассола. И хрустящая на зубах квашеная капуста с клюквой. Фирменными блюдами были: куропатка под клюквенным соусом и молочный поросёнок, подававшийся холодным с горячей гречневой кашей, пропитанной его соусом. В Морозовке, сохранившей старинную утварь, по особому рецепту готовили чай и кофе. Разлитые в пузатые, с фамильными вензелями кофейники и чайники, эти благородные напитки стояли на столах в течение всего дня, не теряя своего вкуса и крепости. Назарьево ассоциировалось со свежими молочными продуктами, с огромной пенкой на молоке, слоистой простоквашей и коричневым, ещё тёплым топлёным молоком. В то время знали, в чём разница между белугой, осетриной и севрюгой, между зернистой, ястычной и черной паюсной икрой. Не отставал и новострой конца 60-х пансионат «Лесные дали». Здесь повара баловали приготовлением блюд: «судак орли соус тартар», уха с расстегаями из визиги, жюльен из лесных грибов, солянка мясная с редкими в ту пору зелёными и чёрными маслинами, каперсами. На новый год, после стрельбы в воздух из именного оружия и ракетниц, когда разгорячённые армянским коньяком гости возвращались с морозного воздуха к столам, - на минуту гас свет. В темноте, в большом зале, как настольные лампы светились ананасы с вложенными внутрь батарейками и крошечными лампочками. Это служило сигналом к тому, что подают десерт. Дальше следовали танцы под живую музыку, западные кинофильмы и мультимики с Микки Маусом, о котором тогда мало кто знал. Пожилые люди садились в холле за столы и играли в преферанс. Самоубийством жизнь никто не кончал, но суммы ставились не шуточные. В новостроях «Лесные дали» и «Петрово дальнее» всегда был в наличии дефицит тех лет – французские вина, лучшие марки американских сигарет, финская салями и т.д.

Дед Дмитрий считал, что так и начинается разложение идеологии. Выезжая с бабушкой на праздники, когда ей позволяло здоровье, они надевали костюмы из чёрной или тёмно-синей ткани и вывешивали на грудь наградной иконостас. Подчёркивая своей сдержанностью и умеренностью в жизни контраст с новым составом правительственного аппарата, – выездным и разодетым в импорт. Мы с Петром, который хорошо помнил, что такое академические и писательские дачи, со штатным персоналом прислуги, - разомлели от воспоминаний. Ведь на чём-то, кроме страха, держалась советская власть. - Вот так, - сказал Пётр с грустью в голосе, - и просрали под звон бокалов брежневского «застолья» и пустословие горбачёвского «плюньрализма», целую эпоху, целую империю.

- Господа, впервые за долгие годы, я слышу не просто русскую речь, а содержательную русскую речь. - К нам обратился посетитель бара, которого мы вначале определили как иностранца в целом, - он никак не реагировал на нашу беседу. А затем как американца или австралийца – в частности, - с учётом ковбойской шляпы в духе Данди - «Крокодила» и яркой гавайской рубахи. - Разрешите представиться, Виктор Басов, бывший полковник с Лубянки. А сейчас один из сподвижников Далай-ламы. Борюсь за освобождение Тибета от Китая, и Бирмы от военной хунты, тоже прокитайской.

- То есть вы исполняете роль борца с ветряными мельницами благородного идадьго Дон Кихота? – задал вопрос Пётр. - Я к тому, что разве можно победить огромный Китай горсткой единомышленников, при всём уважении к Далай-ламе и к вашей храбрости. Я так говорю, потому что немного читал о вас. Прямо скажу, прочёл случайно, когда смотрел разные материалы перед поездкой в Таиланд.

- А если у меня отнять эту борьбу, что останется? - ничего, пустота. Смысл жизни обрести очень не просто. Футбол, хоккей, бокс - не для меня. Слишком простые и поверхностные эмоции. Я черпаю силы в том, что нужен малым народам Бирмы. Военный режим беспощадно истребляет их. И на Тибете, тоже ждут моего возвращения. Там китайцы жёстко гасят все очаги сопротивления. Своих подопечных я называю лотосами. Это цветы первозданной чистоты, цветущие в заросших тиной водоёмах. Я прилетел из горных районов Бирмы позавчера. Вот, сижу в баре и жду, когда меня арестует тайская полиция. Мы с Петром вопросительно смотрели на него.

- Не удивляйтесь, это всегда происходит по одному и тому же сценарию. После моего очередного незаконного посещения Бирмы до генералов доходит информация, что я там был. У них много стукачей, но и у меня друзей немало. Генералы жалуются на меня правительству Таиланда, зная, что я часто обретаюсь в этой стране. Полиция арестовывает меня, держит в заключении 7-10 дней и отпускает за недостаточностью улик. Затем я собираю новую партию оружия и медикаментов, и снова через пару месяцев отправляюсь в горы Бирмы или на Тибет.

- И вы не боитесь, что вас могут убить или, что ещё хуже, посадить в

бирманскую тюрьму?

- Да, боюсь, зная, что за мной гонится и ваша разведка. Согласно чекистской доктрине, я предатель, а предателей надо убивать. Только за последнее время ФСБ исполнила приговор в ряде стран, одно из громких дел – убийство бывшего коллеги в Лондоне. Они все, и китайцы, и военные Мьянмы, и бывшие соотечественники дышат мне в спину. Охота. На меня объявлена настоящая охота, по всем законам жанра. Я перелетаю из страны в страну, стараясь уйти от погони. Но они настигают, и я бегу дальше. Меня преследует сон: будто противники мои стоят с ружьями на берегу озера и ждут, когда я всплыву. С трудом удерживая воздух, разглядываю из-под лотосов их напряжённые лица. Они тоже всматриваются в мутную воду, пытаюсь определить, где появится моя голова. Задыхаюсь и вскакиваю от ночного кошмара. Начинаю пить кофе или смотреть TV, боясь заснуть и вновь погрузиться в мир ночных страхов.

Он был незаурядной личностью, и мы с Петром ждали продолжения рассказа. И он продолжил: - Однажды старый индеец рассказал мне, как охотились на оленя его предки, не знавшие ни лошадей, ни огнестрельного оружия. Олень был сильнее и быстрее любого человека. Он мог убить ударом рогов, мог легко убежать от охотников на десятки километров. Но индейцы шли по его следам день за днём, пока могучее животное не охватывала паника. Когда появлялся страх, олень начинал слабеть. Метался из стороны в сторону и слабел ещё больше. Спустя несколько дней охотники настигли измученное страхом животное и убивали его копьями и ножами. Но это мои игрушки, и я их не брошу, иначе останется пустота. Просто звенящая в ушах пустота.

Минут через пять в бар вошли полицейские: хитроглазый офицер и два дуболома с автоматами. Виктор молча проследовал за ними. Уже в дверях он повернулся к нам:

- Не давайте отнять ваши игрушки господина, иначе, - и он беззвучно произнёс губами, - пустота.

- С самого детства мы играем и играем, вначале в простые и добрые игрушки, потом в более сложные и злые. Победитель отнимает игрушки у всех, заставляя играть по его правилам, - задумчиво произнёс Пётр.

Я вспомнил сценку на пляже Рижского залива. Маленький мальчик вырыл глубокую ямку в песке. Подошёл другой и стал заливать её водой. Первый, назовём его «строитель», возмутился и стал защищать свою ямку, объясняя второму, назовём его «воин», что вокруг километры песка. И «воин» может выкопать себе свою ямку, ещё глубже. Но «воин» не хотел копать, он хотел иметь уже готовую ямку. «Строитель» сдался, отошёл и принялся рыть заново. А «воин» играл в отнятую ямку, внимательно следя, насколько успешно продвигаются дела у «строителя».

Я понял, что всю жизнь отдаю другим свои «ямки». И Микки это одна из последних, а может быть, и последняя «ямка». Я летаю в пустоте из страны в страну. В поисках своих игрушек. В детстве мне хватало сумки, в которую я складывал все игрушки из разных стран. Они не ссорились и не дрались. Но однажды, когда я вынес эту сумку во двор ...

За небольшие чаевые бармен поведал нам, что тайландская служба безопасности арестовывает Виктора, но потом всякий раз отпускает, формально из-за недостатка улик, реально под нажимом США и Далай-ламы.

- Когда-то он руководил советской разведсетью в Юго-Восточной Азии. А лет десять назад сдал всю фээсбэшную сеть агентов и перешёл на сторону Дядюшки Сэма. Сам он объяснял своё решение встречей с Далай-ламой. Их беседа в корне изменила его жизнь, - сообщил Пётр, - меня заинтриговал материал о нём в интернете.

- Он любит наш отель и часто бывает здесь, - добавил с гордостью бармен. Время пролетело незаметно. С процедур вернулась Галина, в хорошем расположении духа и ожидании наших комплиментов. Что мы дуэтом и исполнили, незамедлительно.

Я позвонил Муан Чан и почувствовал по разговору, что ей хочется побыть с семьёй.

- Хорошо, когда водителю забрать тебя, завтра или послезавтра? – спросил я.

- Завтра, я хочу к обеду быть с тобой.

В разговор вступила Галина: - Ну а вы, мальчики, о чём вы тут говорили «за баб» или «за политику»?

- Да как-то всё больше об игрушках, - признался Пётр.

- Видно стареете, раз впадаете в детство, романтики вы мои, - усмехнулась Галина.

- Не впадаем, а возвращаемся, чтобы яснее увидеть прожитую жизнь, - поправил её Пётр.

№ 32. ДО ПОЛЁТА В БИРМУ. ПОЛЬСКИЙ БОЛЕСЛАВ И НЕМЕЦКОЕ КАЗИНО.

Утром я заглянул на ресепшен отеля полистать буклеты. Меня заинтересовало приглашение на четырехдневную экскурсию в Бирму (Мьянму). Вылет в семь утра из аэропорта Хуа Хина. Вертолёт AW 520 Cormorent, на котором нам предстояло лететь, мне был знаком. В Индонезии, во время стихийного бедствия, я летел в таком вертолете, перевозившем и раненых, и медперсонал, и иностранных туристов. Если мне не изменяет память, это транспортный вертолёт английского производства, рассчитанный на переброску десантников или спасателей. Тур группа намечалась в количестве всего двадцати человек. Вероятно, пассажирский салон был переоборудован для более комфортного путешествия.

Туристам предлагалось ознакомиться с достопримечательностями загадочного округа Танинтайи. Приземление в джунглях, далее поездка на автобусе по живописной местности, среди горных долин и тропических лесов. Первая ночёвка в деревне, около водопада. Далее на том же вертолёте перелёт в столицу округа город Тавой. Экскурсии, храмы, один день на Андаманском море и т.д.

Экскурсионная поездка стоила 600 долларов на двоих. Это хорошая цена для такого количества перелётов и переездов. Экскурсионное обслуживание предусматривало англоязычного гида.

Дни до отъезда в Бирму были очень насыщены событиями. В нашем отеле я случайно познакомился со шведской парой, Лоттой и Эриком. Они уже обладали недвижимостью в Таиланде, но разведённая дочь с детьми вытеснила их из маленького уютного коттеджа, где они были счастливы

последние семь лет. И теперь шведы искали для себя новый райский уголок. Обеспеченным европейским пенсионерам многое по карману. И мне пришла в голову мысль перепродать им апартаменты, купленные Петром. Мы все должны были на этом неплохо заработать. Но Галина резонно подняла вопрос о подборе недвижимости и для неё с Петром, иначе, по её мнению, был непонятен смысл визита в Сиам. Петра же наоборот очень веселила эта сделка между двумя шведскими семьями и нами посередине. «Ну, просто шведбургер какой-то», - смеялся он. В итоге сделка состоялась, а минчанам на вырученную сумму я подобрал изящную трехкомнатную виллу в кондоминиуме «Баньян». Заработанные деньги предоставили возможность и нам с Микки снять виллу в «Баньяне», хотя бы на несколько дней. В этот последний вечер перед отъездом в Бирму мы все отмокали в большом персональном джакузи и неспешно потягивали коктейли. Ступени из джакузи вели в бассейн, сверху и снизу обрамлённый искусственными водопадами. Вытянутый вдоль вилл бассейн по замыслу архитектора должен был напоминать горную реку. Согласно рекламному буклету, отель «Баньян», окружённый горами и тропической растительностью, позволял его обитателям ощутить слияние с природой. О её близости напоминало ежевечернее мельканье летучих мышей и рыдание шакалов где-то неподалёку. Своим плачем они напоминают восточную похоронную процессию, когда женщины, и знавшие, и не знавшие покойника при жизни, с одинаковым рвением кричат навзрыд и дёргают волосы на голове.

Наступило утро на древней земле Сиама. Утро отлёта в Бирму. Заводной акробат - восход всё также появился над морем, выскочив из-за горизонта. Ничто не предвещало неприятностей. Все события катились своим чередом, согласно намеченному плану. Ранний подъём, свежавыжатый сок, жаренные хрустящие хлебцы с сыром и чёрный кофе с лимоном. Туристический автобус собрал по отелям всех оплативших экскурсию и повёз в небольшой местный аэропорт. Загранпаспорта не оформляли, полёт был отмечен как местный, по Таиланду. В какой-то момент я увидел Курта, но не успел окликнуть его. В окружении группы азиатов он промелькнул между ангарами аэропорта. В вертолёте, как я и предполагал, пассажирский салон имел улучшенную планировку - удобные мягкие кресла с откидными полочками для закусок и напитков. Для Микки всё было в новинку, до этого она пользовалась только наземным транспортом. Разогнались и запели гимн небу винты вертолёта, и вот мы уже над землёй, летим навстречу неизвестности. Полёт проходил в штатном режиме, и через полтора часа мы приземлились на поляне, окружённой лесом. Затем пересели в старенький автобус. Микки уже познакомилась с тайскими жёнами, и они, как птички, щебетали, обсуждая новые впечатления. Вся группа насчитывала двадцать человек. В основном американцы и австралийцы. Я вычислил также польскую пару лет тридцати. Поздоровавшись с ними, я заметил, что и они тоже выделили меня из общей массы туристов. Надо сказать, «истеричная» конфронтация между Польшей и Россией на

государственном уровне не мешает хорошим отношениям русских и поляков в зарубежных странах. Мало того, где-то на уровне подкорки существует то ли общеславянская, то ли соседская симпатия. Первым моим «учителем» игры в казино был поляк.

Дело происходило в Германии, в старинном курортном городке Травемюнде, известном как германская здравница ещё с 19-го века. Тихие аллеи и хорошо сохранившаяся историческая часть города, освящённая присутствием здесь в минувшие годы Генриха и Томаса Манн в доме Будденброков, Ремарка. Сюда до революции приезжали и представители русского дворянства, интеллигенции – поправить самочувствие в местном здоровом климате и тут же испортить настроение, промотав деньги в казино.

Ах, эти песчаные пляжи и чистый воздух бодрящего Балтийского моря. С улыбкой вспоминаю германскую пляжную традицию брать напрокат большие плетёные кресла, закрывающие с боков и сверху от ветра. Владелец такого домика очень напоминает улитку, приползшую на берег моря. Часто, владелец «домика» замыкает его в круг, прочерченный на песке, отделяя себя от прочей пляжной публики. Эта замкнутость германцев резко контрастирует с большим количеством многолюдных нудистских пляжей, вдоль всего побережья, и готовностью обнажаться всех, от мала до велика. Если вы заходите в сауну и обнаруживаете там большое количество полностью обнажённых тел всех возрастов и комплекций, то чувствуете себя неловко под их взглядами. Кажется, что уместнее было бы войти во фраке, чем в плавках. Германия славится ухоженными велосипедными дорожками, протянувшимися на многие километры между городами. Вдоль дорожек стоят скамейки для отдыха, палатки с фастфудом, висят таблички с маршрутами. И самое удивительное, что никому из немцев не приходит в голову промчатся по велосипедной дорожке на машине или «удобрить» её испражнениями «четвероногих друзей». Иногда заехав на велосипеде в лес, напоминающий театральные декорации дремучей чащобы с хвойными деревьями, уходящими верхушками в небо, кажется, что никогда не найдёшь дорогу назад. Вдруг, откуда не возьмись, появляется беседка для отдыха, рядом по-немецки чистый туалет, с указанием на женское и мужское отделения и столбик с подробным указателем до какого населённого пункта, сколько километров, где ближайший отель, банк, полицейский участок и где получить медицинскую помощь, если вы натёрли ногу.

Море, спорт. Кажется, что ещё нужно для хорошего настроения? Отдыхай! Нет, всё это не могло удовлетворить мятежную российскую душу. Я не успел покрыться бронзовым северным загаром, как уже отправился в казино. Этот приют азарта и расточительства распахнул свои двери в последней трети 19-го века. Казино сохранило до наших дней архитектурный облик и дух ушедшей эпохи с её королевскими дворами, сметёнными революциями и мировыми войнами. Овеянное легендами об утраченных или приобретённых состояниях, казино звало испытать судьбу. Поужинав или по европейским понятиям пообедав, в ресторане прямо напротив игорного заведения, я ринулся в бой. Оплатив вход и заполнив анкету с паспортными данными, я попал в старинный зал, с потолками, украшенными лепниной и большими хрустальными люстрами. Хорошо, что я прихватил в поездку темный костюм и пару однотонных сорочек.

Все посетители заведения были одеты в стиле близком к Black Tie или, точнее, Creative Black Tie - смокинги, костюмы, вечерние дорогие платья, бриллиантовые колье.

Взяв паузу, чтобы войти в роль и проникнуться общим настроением азарта и риска, я присел у стойки бара. Молодёжи в зале не было и чувствовалось, что публика играет постоянная, завсегдатаи. Я нацелился на стол с рулеткой, не имея представления об игре в карты.

Замечаю, на себе испытующий взгляд бледного восточного типа мужчины.

- Это Али. Он сегодня сильно проигрался и ищет новичков, чтобы попросить займы. Не давайте, не вернёт, - услышал я сбоку приятный баритон. -

Болеслав, - представился он, - вы, похоже, тут первый раз? Смотрите, не проиграйте всё. Это особое, старое казино, оно научилось заманивать людей в свои сети.

Он отошёл к игровому столу. Общее ожидание чуда, казалось, витает по залу. Эти токи, переходящие от игрока к игроку, ощущались не только нервами, но и кожей.

Во время игры пожилой англичанке, напоминавшей персонаж фильма о королеве Виктории, стало плохо, и она потеряла сознание. В казино все действия персонала были доведены до автоматизма. Два крепких молодых человека в сюртуках с золотыми пуговицами в присутствии врача уверенно подхватили даму с двух сторон и, как пушинку, вынесли из зала.

Я легкомысленно занял её место. Игра продолжалась. Делая ставки на цифровые номера и пытаясь услышать шёпот «внутреннего голоса», я стал проигрывать. Болеслав подошёл ко мне:

- Вы напрасно так рискуете. Ставьте на «красное-чёрное», «чёт-нечёт» и изучайте экран предыдущих результатов. Здесь даны итоги двадцати последних игр, используйте теорию вероятности.

Игра шла с переменным успехом до часа ночи, затем, смирившись с проигрышем трёхсот долларов (российская привычка всё считать в долларах), я отправился спать. На следующий день, ловлю себя на мысли, что жду реванша. Одевшись более тщательно, чем в прошлый раз, я вновь отправился испытать судьбу. Анкету заполнять не было необходимости, кассир меня запомнил, мало того, многие посетители казино со мной раскланивались, как со старым знакомым. Похоже, я был принят в клуб самоубийц. Мой знакомый – Болеслав – выглядел весьма торжественно. Если вчера на нём был клубный пиджак, то сегодня его заменил фрак с чёрной бабочкой. Худощавое лицо, золотистые кудри, плотно сжатые губы и длинные нервные пальцы. Он, как породистая гончая, ожидал начала охоты. С ним была эффектная спутница, похожая на испанку, в чёрном с красными вставками платье. Мы поздоровались.

Я заметил, что настоящие игроки, подобно алкоголикам, «нагуливают аппетит», совершая привычные для них ритуальные действия, прежде чем «слететь с катушек».

Мне хотелось вернуть вчерашний проигрыш, о выигрыше я старался не думать. Уйдя с головой в игру, я, тем не менее, помнил советы Болеслава и сверял свои ставки с электронным табло. Нырнув вначале на минус триста, я поднялся затем на плюс девятьсот долларов. Мой польский знакомый играл по крупному,

и ему везло. В какой-то момент мы пересеклись взглядами, и на мой немой вопрос он показал рукой взлетающий самолёт. «Завтра на Майорку», - шутил он. В приподнятом настроении, сдобренном парой коктейлей, Болеслав со своей спутницей отправился на покой. С плюс девятьсот, я самонадеянно решил подравнять число и довести успех до тысячи. В результате мне пришлось спрыгнуть опять в минус.

Увлечшись игрой, я, вдруг, поймал на себе сосредоточенный взгляд поляка. Он вернулся один, не в силах остановиться. Время было около двух ночи, и я показал ему через стол, что пора идти спать. Он возбуждённо потирал руки, предвкушая успех. Фортуна повернулась ко мне передом и, выиграв восемьсот долларов, я прекратил делать ставки и сел в баре взбодриться коктейлем. Бармен был из Литвы и, пока я «уговаривал» коктейль, рассказал мне анекдот: - Доктор спрашивает свою постоянную пациентку: Добрый вечер мадам, как сегодня ваша головная боль? Дама: Боюсь, он опять всё спустит в казино. Уже покидая игровой зал, я решил попрощаться с Болеславом. Метрах в двух от него я остановился: передо мной было бледное потерянное лицо, что называется «перевернутое». Он был не в состоянии различать людей. Ему было бы лучше не смотреть в зеркало, он не узнал бы своё отражение. Я понял, поляк проиграл не только то, что выиграл сегодня, а вообще всё. За рубежом, из бывших «соратников» по соцлагерю, я чаще всего встречаю поляков и литовцев, и, как правило, у нас складываются приятельские отношения.

Вот и здесь, на бирманской земле я и польская пара двинулись навстречу друг другу, чтобы пообщаться на понятном только нам языке.

- Ещё Польша не сгинела..., - улыбнулся я, вспоминая «гимн независимости». Мы обменялись впечатлениями о начале путешествия.

№ 33. ПЛЕН. ЛОВУШКА ЗАХЛОПНУЛАСЬ

Откровенно говоря, я и сейчас не знаю, где мы тогда приземлились. Может быть, это была территория Таиланда, тогда понятно, почему никто не интересовался нашими паспортами. А возможно, мы были на земле Бирмы, и паспорта проигнорировали в силу восточной традиции решать вопросы «по понятиям». Как бы там ни было, все сели в автобус, который кряхтя и фыркая, покатил по просёлочной дороге, поднимая клубы пыли. Так мы проехали часа полтора. У меня появилось неприятное предчувствие. Нас не встретил экскурсовод, вместо него рядом с водителем сел молчаливый тип, на поясе, которого, из-под рубашки, проступали контуры кобуры. Я видел, что другие иностранцы тоже не ожидали такого прохладного приёма. Никто не вскрикивал «посмотрите направо, посмотрите налево, вот то здание, которое строится, будет относиться к 16 веку, а часовня, которую планируют воздвигнуть на этой горке к 17. Я стал успокаивать себя, списывая недоброе предчувствие на игру воображения. Прочёл «Отче наш». И только состояние тревоги начало отступать, как автобус остановился.

На дороге стоял вооружённый отряд, человек сорок – сорок пять. По их внешнему виду невозможно было определить: то ли это повстанцы, то ли отряд

местной самообороны, то ли грабители, а скорее, всё в одном флаконе. До государственного армейского подразделения они явно не доросли и в силу возрастных отличий, и по причине разнородности одежды. Всем приказали выйти из автобуса. Кто-то из американцев начал возмущаться и получил удар прикладом карабина. Да, полномочия у них широкие решил я. Члены отряда вытряхнули на пыльную дорогу наш багаж и принялись копаться в сумках, но командир закричал на них и грабёж прекратился.

Старший из них подходил к каждому из нас и отбирал деньги, кредитные карты, мобильные телефоны, фотокамеры, часы и паспорта. Тот, кто не внушал ему доверия, подвергался обыску. Меня удивляло, насколько бандиты чувствовали себя уверенно. Они не спешили уводить нас в сторону от дороги. Микки стояла рядом. Я взял её за руку и шепнул: «Не бойся». После «сбора дани» и осмотра документов командир приказал отделить от нашей группы граждан Таиланда: шесть женщин. Их отогнали прикладами на противоположную сторону дороги. Только сейчас иностранцы осознали подлинную опасность происходящего, до этого все думали, что стали жертвами банального грабежа. Первым ринулсся канадец, желая вернуть свою жену в общую группу, получил сильный удар прикладом и упал лицом вниз на пыльную дорогу. Его жена хотела оказать помощь, но громкий приказ командира остановил её. Я сделал шаг в сторону Микки, и дуло карабина упёрлось мне в грудь. Тогда я предпринял попытку договориться, обещая за её освобождение деньги. Командир никак не отреагировал на мои слова, было похоже, что он выполняет определённый приказ кого-то более главного, чем он.

Группка подданных Сиама стояла, прижавшись, друг к другу. И только Микки чуть в стороне, как одинокое тонкое деревце. Беззащитная и испуганная она смотрела на меня, не отводя глаз, будто спрашивая, почему всё это происходит. Бойцы захватившего нас отряда, надели на нас наручники, подняли поклажу и погнали группу заложников по узкой тропе в лес. Я увидел её прощальный взмах руки. «Дочь!» - крикнула она. Микки думала не о себе, не обо мне, её прощальная мысль была о судьбе дочери. Тогда, в Пранбури, водитель отеля по моей просьбе поговорил с соседями семьи Микки и выяснил, что в их доме проживают мать, сестра и пятилетняя дочь Муан Чан. «Прости!» - крикнул я и двинулся в чащу леса.

№ 34. ШТУРМ. СМЕРТЬ ВИАНА

Последняя ночь - самая тяжёлая. Ночь перед казнью? А что ещё может предложить Курт, да и имеет ли он сам выбор? Он всего лишь винтик в начавшейся геополитической игре. Я его даже не осуждал, когда судьба накидывает на шею удавку, трудно судить, как сам себя поведёшь в подобной ситуации.

Ночью я не спал, голова трещала от потока мыслей. Казалось, они сейчас выскочат наружу и побегут к другим клеткам, разнося плохие вести. Вдруг я заметил огонёк сигареты рядом с моим сарайчиком. Ну, вот за мной пришли. Кровь застучала в висках, мускулы напряглись инстинктивно, как у зверя, готового убежать. Но бежать было некуда, я взял себя в руки и даже

успокоился: ну конец, так конец. «Только бы не Винай», - пронеслось в мозгу. Сам понимал, что это глупо, но не хотелось предоставить этому подонку такую радость – убить меня.

- Игорь, - услышал я шёпот Курта.

- Вы что, закурили? - задал я неуместный вопрос.

- Это неважно, я больше не занимаюсь спортом.

- Нервы расходились, не уснуть, - пожаловался я, - уже и «Отче наш» читал и пару псалмов, что знаю на память. Попрощался мысленно со всеми близкими, друзьями, заложниками, кстати, вам не кажется символичным, что нас осталось двенадцать, как апостолов. Ладно, это всё лирика. Последняя просьба: два листка бумаги, карандаш и ваше обещание, что отошлёте два письма. Одно Римме, одно Светлане, моей дочке. Я как-то рассказывал вам о них. И дайте слово, что поможете Микки, у неё осталась дочь.

- У меня есть сильный транквилизатор, сказал Курт, - последнее время принимаю его сам. От него может немного глючить, как вы русские говорите. Но крепкий сон до утра гарантирую. - Он вытряс из баночки и протянул мне две таблетки.

- Нечем запить, - сказал я.

- У меня с собой только фляга с виски. Это лекарство и алкоголь вместе, я не знаю....

- О чём вы, - перебил я, - это всё неважно. Кроме того, раз вы беспокоитесь о совместимости лекарств с алкоголем, значит, вы даёте мне не яд, - ухмыльнулся я и протянул руку. - Таблетки с хорошим глотком виски – это прекрасно. Да, карандаш и два листка, умоляю, не забудьте.

Он кивнул: - Вот, возьмите. Он просунул в окошко клетки небольшой свёрток, с чем-то тяжёлым внутри. - Спрячьте, может пригодиться.

- А я ведь решил, что вы пришли меня убить. Что в этом свёртке?

- Спите, утром во всём разберётесь. Он повернулся и ушёл, не оглядываясь. От таблеток с виски нервы мои успокоились. Ну что же, не я первый, не я последний, все там будем. В конце концов, я немало побегал по земле. Как говаривал мой дед Дмитрий в трудные минуты:

- Господь терпел и нам велел. - И это, будучи «твёрдым искровцем».

Я хотел развернуть свёрток, переданный мне Куртом, но провалился в сон. Ранним утром меня разбудила крыса. Я не прикасался к обеду и жадный зверек, съев весь рис с куском рыбы, застрял в щели под стеной. Хозяйская кошка поспешила этим воспользоваться. И вот теперь они шипели друг на друга так громко, что последней промелькнувшей во сне картиной были шипящие змеи, ползущие ко мне со всех сторон.

Я очнулся и перекатился с лежака на землю. Что-то больно впилося в живот.

Из-под рубашки я извлёк свёрток, переданный мне Куртом накануне. С немецкой аккуратностью он разложил по пакетикам заграничный паспорт, банковские карточки «виза», часы, мобильный телефон, три фотокарточки: Риммы, Светланы и Микки.

И в настоящий момент, может быть, самый главный подарок Курта – револьвер. Откинул барабан, во всех шести каморах были патроны. Значит, Курт принял тяжёлое для него решение и изменил не только правила, но и саму игру. Моя «находка» в корне меняла план событий. Раз он вернул мне документы, значит,

рассчитывал, что я буду жить. Должна придти помощь. А связь с внешним миром, как он говорил, у него была. «О господи, Курт, это ты вызвал по рации полицию, а скорее тайский спецназ». Конечно, Курта рядом не было, и я обращался в никуда, хотя, может быть, мои слова долетят до его души. И вдруг, хрупкое предрассветное затишье, когда замолкают ночные птицы и робко начинают солировать дневные, разорвалось взрывами гранат и автоматными очередями. Я лежал в своей клетке, рядом с лежаком, не поднимаясь с земли, чтобы не стать мишенью или не схватить шальную пулю. Стрельба велась очень активно в районе офицерского барака и военного лагеря.

Чуть приподняв голову, я увидел Виная, бегущего в джунгли. Он бросил своих, спасая собственную шкуру. На секунду остановился, вскинул «калашников» и изрешетил сарайчик. Пули рыли землю и обсыпали меня щепками разбитой стены. Винай на минуту замер, наверное, решая, поскорее убраться с арены боевых действий, или всё же проверить, жив я или мёртв. Через дырки в стене я хорошо видел его фигуру. За свою жизнь я не убил ни одного человека и гордился этим, считая, что только Господь вправе решать столь кардинально нашу судьбу. Но тут за долю секунды передо мной прошли образы Микки, стоящей у края дороги, канадца, тайских Ромео и Джульетты. Курок спустился сам, а потом ещё и ещё. Я не мог оторвать палец от курка, хотя наш тюремщик уже упал на землю с громким криком.

Через минуту к сарайчику подбежали крепкие тайские десантники. Сбили замок и крикнули мне выходить. И, прежде чем я успел сообразить, что происходит, один из десантников бросил гранату в окно дома моей «кормилицы». Двое других толкали меня вперёд. Моё измученное пленом тело не слушалось меня. Краем глаза я увидел, как из клетки выскочила, словно птичка на волю, юная американка. И пригибая голову, побежала в том же направлении, что и наша группа. Обернувшись, я увидел, как полыхают крестьянские дома, обстрелянные из огнемёта. Отдельные жители с воплями выбегали из этого огромного костра, но десантники расстреливали их на месте. Я кричал солдатам, что там обычные крестьяне, но меня никто не слушал. Они получили приказ наказать повстанцев «показательно», чтобы другим неповадно было играть «в казаки-разбойники».

Нас собрали на краю деревни. Двое заложников были ранены, двое убиты - их несли на носилках. В одном из погибших, я узнал молодого поляка, который пел мою «песню протеста». Он сидел в клетке отдельно от жены, на другом конце деревни. Я завертел головой, ища её и стараясь перехватить, чтобы успеть, хоть что-то сказать. Но она в сопровождении солдат уже подбежала и всё поняла. Она прижалась лицом к его груди, как будто пытаюсь вдохнуть в него жизнь. А потом зарыдала, вскинув голову к небу, луне, звёздам, солнцу. Но они были равнодушны, веками видя ненависть и горе, они разучились сострадать. Мы все бежали минут двадцать по джунглям, направляемые солдатами, пока не достигли поляны, на которой стояли вертолёты. Здесь же были врачи, помогавшие раненым. Группа тайских командос, доведя нас до поляны, побежала обратно, бой ещё продолжался. Спустя минут пятнадцать вертолёт поднял многочисленную группу заложников в небо и полетел от места нашего плена к свободе.

Полька сидела рядом с носилками убитого мужа и плакала, американка что-то говорила, стараясь её утешить. Понимала ли американка в своём юном возрасте, что утешить невозможно, и боль потери будет сопровождать до конца жизни? Можно только взять за руку и выразить сочувствие. Что я и сделал. Для меня освобождение оказалось не таким праздничным, как я ожидал, развернув пакет от Курта. Хотя некоторые заложники еле сдерживали радость, стесняясь только раненных и убитых. Мне показалось, мы летим целую вечность. Скоро, скоро прилетим – успокаивал доктор, раздавая успокоительные таблетки. Когда вертолёт шёл на посадку, американка подошла ко мне, посмотрела в глаза и сказала только три слова: - Ты был прав. - Да, из своей клетки она не могла не видеть, как я расстрелял Виная.

Мы приземлились на военном аэродроме вблизи Хуа Хина. Вертолёт окружила толпа журналистов. Спасённых заложников встречали сотрудники посольств. Мне по ошибке огромный букет цветов вручил работник австралийского посольства. В ответ на моё спасибо, он бросил растерянный взгляд, но забирать цветы было уже неудобно. Я увидел, как с надетой на лицо улыбкой радости, ко мне пробирается, распахивая встречающих локтями, 3-ий секретарь российского посольства. Я знал про стойкую неприязнь к нему Алекса:

- Самый неприятный человек в посольстве, с именованным кольцом, лично вручённым его дедушке железным Феликсом.

И как только я представил, что мне предстоит сейчас целоваться с ним в свете фотовспышек, мне действительно стало плохо. О чём я и сообщил тайскому доктору. Мне не хотелось отвечать на пустые вопросы. Реальный персонаж, благодаря которому заложники оказались на свободе – Курт – остался за кадром новостей телеканалов. Говорить о нём и о начавшейся геополитической игре не имело смысла. Мне бы никто не поверил, посчитав мои откровения параноидальным бредом, вызванным нервным потрясением.

Эту ночь я провёл в отдельной палате армейского госпиталя. Мне измеряли давление, кормили диетическим питанием и антидепрессантами. Пару раз доктор говорил мне о желании представителя посольства побеседовать со мной, и оба раза я брал тайм-аут, ссылаясь на пережитый стресс.

№ 35. СНОВА СВОБОДА И СНОВА ПРАНБУРИ

Утром после допроса проведённого полицейскими офицерами и лично в штатском, я попросил отвезти меня в отель. Первое, что я сделал, это сбросил одежду, которую в госпитале постирали и выгладили, забрался в ванну и закурил. Те самые куртовские сигареты, которые намеревался сегодня подарить своей «кормилице», которой уже нет в живых. Я не курил последние пять лет, и после третьей сигареты немного закружилась голова. Вокруг было очень тихо. Именно этим мне нравится отель Анантасила, здесь нет даже телефонов в номерах. Кто-то стучал в дверь, хотя там висела табличка «не беспокоить». Я не открыл.

К вечеру, устав ворошить прошлое и исполнять «Полонез Огинского» на собственных нервах, я зашёл в номер минчан. Мы обнялись, помолчали, потом

Пётр спросил о Микки. Я не знал, что ответить.

Галина в тот день перегрелась на солнце и рано пошла спать. Мы с Петром, сидя на мягких подушках в креслах качалках, пили чай с лимоном. Тайский персонал всегда удивляется, что их горячий климат, мы запиваем горячим чаем. Но таковы особенности загадочной русской души.

Я был благодарен Петру. Он не терзал меня вопросами о плене, об убитых и раненных. Мы разговаривали так, как будто не было плена, и мы виделись ежедневно.

- У меня ваши деньги за сделку с апартаментами, я не отдал вашу долю Алексу, хотя он настаивал. Далее, не знаю, принесла вам вести сорока на хвосте или нет, о том, что Римма в Бангкоке и, по слухам, ставит посольство на уши. Она сегодня мне звонила, я, сам не понимаю почему, решил дать вам передышку и соврал, будто вы ещё в армейском госпитале и туда никого не пускают.

- Да, спасибо за доброе отношение, мне действительно надо прийти в себя после всех злоключений. По Римме я соскучился, с удовольствием её увижу, но мне надо съездить к семье Микки. Не могу делать вид, что девочка просто заблудилась в лесу и вот-вот вернётся.

- Если хотите, съезжу завтра с вами, а то мы сидим, не вылезая из отеля.

Галина такая трусиха. После вашего похищения она отказалась жить в Баньяне. Кто-то из персонала рассказал ей, что Баньян ближе к Бирманской границе, чем Анантасила. С тех пор она замучила меня, - «уедем, да уедем».

- Думаю, поддержка мне понадобится, но не могу злоупотреблять вашим хорошим отношением. Хочу уехать пораньше, вы же знаете, тайцы ранние пташки.

И вот опять я еду по маршруту Хуа Хин – Пранбури. Только в прошлый раз я ехал полный надежд, а теперь похож на гонца плохих вестей. К восьми утра мы уже были у дома Муан Чан. Нас вёз тот же отельский водитель, и искать дом не пришлось. Он неплохо говорил по-английски, и мы попросили его побыть в роли переводчика.

Узнав, что мы друзья дочери и хотим оказать помощь семье, мать Муан Чан забегала, засуетилась, по ходу отдавая указания молодой девушке, похожей на Микки. Нас посадили на подушки, на открытой террасе представили семью, их бабье царство: мать - Саенг Сом, младшая сестра – Лаван (красивая, - в переводе с тайского) и дочь Муан Чан - пятилетняя Тасани («красивые глаза», «красивый взгляд»). Единственным мужчиной в роду был брат матери, дядя Муан Чан, занимавшийся разделкой рыбы. Он жил отдельно со своей семьёй. Саенг Сом сказала, что не видела старшую дочь со времени последнего посещения, около трёх недель тому назад и не получала от неё никаких вестей. Пожилая женщина гордилась своей старшей дочерью, которая всё время помогает семье и обещает подобрать работу в Бангкоке и для младшей сестры. Хозяйка дома не могла понять, чем вызван наш приезд, какова истинная причина интереса к их скромной семье. Женщина задавала наводящие вопросы, но потом не выдержала и обратилась ко мне

- Она говорила, вы балуете её, вы добрый. Я не знаю, куда вы её увезли, в какую страну? Я в этом не разбираюсь. Но раз молчит её телефон, значит куда-то далеко. Она мечтала уехать в Америку, вы ведь американец?

Я отрицательно покачал головой.

- Австралиец? - Женщина расстроилась, других стран она, по-видимому, не признавала. - Я верю, у неё всё хорошо, иначе вы бы спрятались, а тут приехали сами.

Я молчал, не зная, что сказать и только слушал речь пожилой тайландки.

- У меня к вам просьба, заберите отсюда Лаван, пусть она работает в Бангкоке, она честная, трудолюбивая девушка. Здесь ей нечего делать. С утра до ночи разделывать рыбу? Это не для молодой девушки. И потом у нас, как вы видите, темная кожа, она не найдёт здесь жениха. У вас там темнокожий стал даже президентом, я смотрю телевизор. Вот вы белые, а избрали темнокожего, - она одобрительно закивала головой. - Я знаю, чувствую, вы привезли мне деньги от неё, или за неё. Деньги я не приму, лучше помогите Лаван. - Мать Микки испытующе посмотрела на меня.

Я не знал, что предпринять и обратился за советом к Петру.

- Проблема выбора, как известно, самая тяжёлая. Что вы можете предложить столь юной особе? Стать массажисткой? Но такую симпатичную быстро испортят, а хуже, заразят. Родить ребёнка от иностранца, в надежде на брак? Как это сделала в своё время Муан Чан. Вы же видите, её дочка значительно блее других членов семьи и черты лица у неё скорее европейские, чем азиатские. Мне трудно советовать, но возможно вы могли бы оплатить ей какие-нибудь курсы, необходимые для заработка?

И тут я вспомнил о новозеландце Юджине, работавшем старшим менеджером в отеле Menam riverside, в котором я обычно останавливаюсь.

Я тут же набрал его номер. После обычных приветствий, я изложил свою просьбу:

- Помочь в трудоустройстве одной юной леди. Если нужно окончить курсы, я оплачу. Проживание тоже за мой счёт.

Юджин, поздравив меня с освобождением из плена, перешёл к делу, заверив, что курсы есть, и после их окончания он возьмёт девушку на работу в отель. Если она немного знает английский, то сможет стать старшей официанткой, а потом и младшим администратором или работать на ресепшене.

В ответ на мой вопрос о цвете кожи, он даже обиделся, напомнив мне, что его жена индианка, и что темнокожим девушкам иностранцы дают больше чаевых. Я спросил, когда можно привести мою протезу?

- Хоть завтра, - последовал ответ.

- Сколько тебе нужно на сборы? - спросил я Лаван.

- Через час я буду готова. - На английском ответила она.

Через час мы стояли у машины, и Саенг Сом обнимала дочку, давая ей напутствия в дорогу.

Я смалодушничал, не повернулся язык сказать им правду о судьбе Микки. Да и что сказать? Может быть, её освободят. Полиция допросит пленных, захваченных в ходе последней операции, и выяснит координаты других деревень, контролируемых повстанцами. Я даже не знаю, жива она или нет. А если жива, то где она? В Таиланде или Мьянме?

Конечно, я рассказал всё полиции на допросе и просил содействия, но по их сдержанной реакции понял – это вопрос не их компетенции. Одно дело освободить иностранцев, большинство из которых граждане США, и совсем другое дело - ссориться с соседней страной из-за нескольких «малозначимых

персон». При этом, имея с Мьянмой 1800 километров общей границы, которую называют границей добрососедских отношений.

Лаван сидела тихо и с интересом смотрела по сторонам. Ну вот, подумал я, у неё началось путешествие длиною в жизнь, птенец вылетел из гнезда. Главное, чтобы не подстрелили раньше, чем ты научишься летать и набирать высоту, спасаясь от врагов.

А сам-то я умею набирать высоту или лежу в пыли, как придорожный камень? Я оказался слаб и эгоистичен. Часто бывает, что «от величия до безличия всего только шаг», но сделать этот шаг не хватает веры, веры в себя. Я знал, кто может помочь в поисках Микки. Ну, конечно, Виктор Басов, он может помочь. Я готов полететь вместе с ним к его «лотосам», готов остаться в горах. Я должен спасти Микки. А иначе - пустота.

№ 36. НУ, ЗДРАВСТВУЙ, РИММА

Решив вопрос с сестрой Муан Чан, я мог теперь позвонить Римме. После необходимого количества «охов, вздохов» и заверений, мы перешли к информационной части разговора.

- Я привезла с собой более ста тысяч долларов на четырёх банковских картах для выкупа тебя из плена, наличных взяла немного, сам знаешь, чтобы не отобрали на таможне.

- Ты дешёво оцениваешь меня, – засмеялся я, – командир повстанцев оценил меня в миллион американских. Грамотный такой, Лусия, говорит, богатая страна, и про нефть, и про газ всё знает, подлец. Так что, на твою сумму, отпилили бы руку или ногу, в лучшем случае.

- Нет, руку, ногу я бы не взяла, я бы уж тогда попросила отрезать кое-что другое. А про Лусию он не знает ни черта, чего люди у нас стоят. Власти считают, что нас ещё много, нас ещё 140 миллионов осталось. Помнишь, как при социализме писали: «Нас - 250 миллионов».

- Да, надеюсь, ты ни кому из посольских шакалов денег не давала?

- Шакалам, как ты говоришь, я ничего не платила, потому что бесполезно, я это сразу поняла. Я давала интервью иностранной прессе, наняла переводчика из турфирмы и подбрасывала информацию о тебе. Коля, мальчик какой-то в Сибири, собрал инициативную группу в твою поддержку. Подключил прессу, TV, интернет, в общем, они «били тревогу» по всем направлениям.

- Ты правильно повела себя с информационной поддержкой. Мнение зарубежной прессы, это то небольшое, чего хоть как-то стесняются чиновники. А Николай, он не «какой-то мальчик из Сибири», это слабая надежда на светлое будущее России. Почему слабая, потому что Николаев таких – очень мало. Ладно, хватит обо мне, когда я увижу тебя? Мы ведь всего в трёх часах езды друг от друга.

- Увидеться, я, конечно, очень хочу, соскучилась, но соскучился ли ты? Я сразу приеду, вот только встречу твою дочь. Она сегодня в ночь прилетает. И, как ты догадываешься, она первый раз в Азии. А завтра - берегись, мы будем у тебя.

- Как всегда, я твой должник, спасибо за помощь. Я могу сейчас приехать в аэропорт.

- Думаю, приезжать тебе не стоит, мы завтра к обеду будем. С утра не поедem, я хочу купить твоей дочери летнюю одежду, ну и так, вообще, помотаться с ней по магазинам. Ты ведь шопинг не любишь. Так что ты пока отдыхай, набирайся сил, ты понял, о чём я? Спи крепко и один. И потом, раз уж с тобой всё в порядке, мне хочется немного позагорать и поплавать. Куплю хотя бы купальники.

№ 37. ВСЁ ТО ЖЕ, ВСЕ ТЕ ЖЕ

К обеду приехали Алекс и депутат Олег в обществе двух корреспондентов. Я уклонился от интервью, за меня всё рассказал депутат. Как он встречался с тайскими чиновниками, как вёл переговоры со службой безопасности Королевства. Сам лично разговаривал с представителем повстанцев. Снялся вместе со мной, вроде как он встречает меня после освобождения.

- Он действительно с кем-то вёл переговоры? – спросил я у Алекса.

- Ни с кем он не встречался, это ж надо уметь так вдохновенно врать. Он был вместе с работниками посольства на двух пресс-конференциях, пару раз что-то спрашивал и в основном пиарился. А о встречах с повстанцами, наверное, ему приснилось.

- Как вообще идут дела, что нового, как сынишка, как Сават?

- Спасибо, всё хорошо. У них, не у меня. Посол меня приставил к этому раздолбаю, я уже устал от него невероятно. Мы неделю провели в Паттайе, потом на островах. Теперь ему захотелось сюда, в Хуа Хин. Потом планирует на юг страны. Отпуск-то у депутатов два месяца, он меня совсем заездит. Хоть бы переехал в другую страну, что ли. Он, когда поддаст, рвётся к другу в Уганду, за алмазами, а наутро забывает. И, главное, посол всё шутит, что отпуск мне не положен, я и так отдыхаю с депутатом за госсчёт. Да, кстати, кто такой Сергей «Пятиборец»? Спортсмен? Бизнесмен? Он несколько раз обедал с нами в Паттайе. Я спрашиваю вас, потому что Олег говорил, будто вы его знаете? Не исключаю, что он приедет сюда, Олег ему вчера рассказывал о нашем переезде.

- Могу сказать вам только одно, не откровенничайте с этим человеком и, вообще, держитесь от него подальше.

Вечером у нас был большой русский стол в ресторане рыбацкой деревни. Пётр с Галиной, депутат с молоденькой девушкой из массажного салона, где работала Муан Чан. Я вспомнил её, она была с нами в ресторане Bayok Sky. Но как её звали, забыл.

- Это Нанни, - представил её Олег, - я решил не тратить на массажи и вожу «салон» с собой.

Ну и, конечно, Алекс. И действительно, как он предполагал, вечером появились Сергей с Кристиной. От такой компании всё очарование здешних мест для меня померкло. Утешала только надежда, что приехавшие сегодня соотечественники вскоре переедут. И, сказать правду, я приложил для этого немало сил. Депутату я внушил мысль, что отель Anantasila - это не его уровень. Здесь даже нет телефона в номере, а ему, как реальному политику, надо постоянно держать связь с родиной, партией, избирателями.

Алекс смотрел на меня с удивлением, таких речей в моём исполнении он ещё не слышал. Пётр улыбался, он понял мой маневр.

- Завтра узнай насчёт «Мариотта», «Хилтона» и «Софителея», - сказал депутат Алексу, - а то селишь меня, где попало.

- Сибирский чиновник с прозвищем «Царь» снимал виллу в «Софителе», - продолжал подначивать я.

- Кстати, этот ваш «Царь» звонил послу и просил за вас, спрашивал, что нужно, чтобы вытащить вас из рук террористов, - сказал мне Алекс.

Депутат, шутливым тоном: - Во, какие у тебя связи-то, Игорь, познакомь нас, я хорошо заплачу. А то, слышь, вольным художником всё прикидывался, этим, как его, дауншифтером, демократом. - Ища поддержки, он посмотрел на Алекса и Сергея.

- Вот демократы все такие, строят из себя чистоплюев, а посмотришь поближе, воруют, как все, даже больше, - заявил захмелевший Сергей.

Алекс, стараясь смягчить реплику Сергея: - У невропатологов есть такой диагноз: «чистая совесть это признак склероза». За это можно и выпить, чтобы все мы засыпали с чистой совестью, но при этом просыпались с ясной памятью.

Пётр с улыбкой: - Притом, как наши правительства ведут себя с народом, то проводя денежные реформы, то объявляя дефолт и отнимая все деньги, я бы сказал, так:

- Сколько ты у государства не возьми, всё равно оно тебе останется должно.

- Думаю, наш парламент своей политикой превращает народ в быдло, - не давал я спокойно жевать депутату. - Выражать интересы народа, а не группки приведших тебя к власти людей, это мало кому дано. Мне рассказывала пожилая сельская учительница, что до революции низшие слои общества старались походить на интеллигенцию, а сейчас интеллигенция старается походить на низшие слои. Живём по принципу: рождённый ползать везде пролезет. Для меня же, главное, чтобы в условиях реальной безграничности сроков и полномочий Президента, страна не наступала на одни и те же грабли. Чтобы за каждым «пессимистом» не ходили по пятам мурластые «оптимисты» в штатском. Тогда выбор будет один - на свежий воздух, в лагерь.

- Красиво, но очень мудрёно. И где же твоя бригада поводырей в культуру и просвещённость? Не забывай, что первого, кто находит выход, затапывает идущая следом толпа. - Парирует Олег.

- К сожалению, всю нашу историю мы живём в условиях диктатуры. Рабство собственного народа отменили только в 1861 году, когда остальная Европа уже забыла, что такое рабство своих сограждан, его де-факто отменили даже входившие в Русскую империю Польша и прибалтийские страны. Диктатура всегда истребляла лучшую часть общества, которая не могла молчать. Уничтожала генофонд нации, начиная с восстания декабристов в 1825-м. Жуткая братоубийственная бойня в 1917-м, репрессии 1937-го, плюс две Мировые войны, где гибли те, кто первыми шли в атаку. Вопрос, как мы после этого вообще не захрюкали? - спорю я.

Депутат: - Очень пафосно. Слышь, Игорь, ты неисправимый романтик.

Я, не сдаваясь: - Мы годами уничтожали лучших, селекционируя шпану. Все

делали вид, что у нас нет преступности, нет массового воровства, нет дедовщины. Самые смелые шли в атаку первыми и гибли, самые умные шли вторыми и тоже гибли, а самые подлые шли в заградительных отрядах и убивали своих. Вот такие оставались в живых и производили потомство. А мы всё спрашиваем друг друга, откуда у нас фашисты. Если бы оставались в живых Вавилоры – то были бы и дети Вавилорых, а так мы имеем детей Шариковых.

Пётр, устав отмалчиваться: - Ни у кого из руководства нашей, когда-то единой, страны не хватило мужества раскрыть списки стукачей, по вине которых весь цвет интеллигенции уходил в лагеря. Пусть бы их потомки, которые сейчас надувают щёки в президиумах, знали, что по вине отца или деда было уничтожено столько-то человек, или что твой родственник лично расстрелял такое-то количество невиновных. И это не для того, чтобы наказать потомков, а ради осознания людьми факта, как низко может пасть человек в условиях диктатуры. Когда-то должно прийти раскаяние за содеянное.

Пётр посмотрел на нас и продолжил: - Я старше вас всех и даже помню эпизоды из жизни тех сталинских лет. Помню, как старший брат мне показывал на улице «топтунов». Трудно даже представить такую профессию. Стукач просто «топтался» в оживлённых местах и слушал, о чём говорят люди, а потом доносил.

Была такая шутка, с долей шутки: - Гражданин покупает газету, просматривает её и возмущается: - вот правительство идиоты, вот идиоты! К нему подходит «топтун» и говорит: - пройдётте! Гражданин: - За что? Я про американское правительство. «Топтун»: - Нет уж, раз идиоты, значит наши.

Один из таких жил в моём дворе, его все боялись, и вдруг, при Хрущёве эти должности сократили за ненадобностью. Эта мразь быстро спилась. Он не умел делать ничего другого.

Пётр, подводя итог: - Но в то же время я вспоминаю много хорошего из позднего социализма, так называемых «годов застолия». Думаю, что в целом это был уже другой общественный строй, чем при Сталине. И даже сейчас считаю, что Советский Союз надо было реформировать, хотя бы по китайскому или чешскому образцу, но не уничтожать.

Депутат: - Мы по сути своей, скифы, «с раскосыми и жадными очами», нам надо идти своим русским путём, ни на кого не глядя. И раскаиваться нам не в чем и не к чему, это была наша страна, как могли, так и жили. Нам следует стоять одной ногой в Европе, а второй в Азии. Тогда с нами будут считаться.

Пётр: - Олег, вы знаете, какая у сапёров самая нелюбимая поговорка? «Одна нога здесь, а другая там».

Тут вмешался изрядно подвыпивший Сергей: - Не нужно убегать от снайпера, только умрёшь вспотевшим. Он показал руками, как он целится в Петра и как нажимает курок. Кристина стукнула его по ноге, призывая молчать.

Галина, чувствуя, что пора разрядить обстановку: - Врач измеряет давление у пациента: Курите? Тот: Курю. Врач: Пьёте? Тот: Пью. Врач: Ну и чего вы тогда после этого хотите? Пациент: Бабу. Я вам рассказываю это для того, что бы вы в пылу спора не забывали о женщинах.

Все дружно выпили за женщин и повеселели.

№ 38. ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ?

Мне надоело спорить, и я вышел на террасу ресторана. В Хуа Хине стояла жаркая южная ночь. Огромная луна проложила в море длинную жёлтую дорожку. Тихий всплеск волн, как вздохи матери, уставшей после тяжёлого дня. Мерцанье звёзд, смотрящих на нас из далёких галактик и перекличка цикад. Всё это возбуждало неизбывную мечту, плюнуть на всё и раствориться в природе, как тот чудак Виктор Басов, спасающий лотосы.

А вокруг ресторана суетились дворовые собаки, выпрашивая подачки у посетителей. По дороге проехал мотоцикл, увозя девушку, крепко обнявшую молодого водителя. За соседними столами важные европейцы, как и мы, обсуждали свои банальные проблемы. И над всем залом крутились трудяги-вентиляторы, унося в никуда обрывки наших фраз, лай собак, шум мотора. Небо из радикально чёрного становилось серым. В Королевство Сиам вступал новый день.

Подошла Галина и положила руку мне на плечо: - Наши ангелы погибли первыми, оставив нас в этой жизни беззащитными. Это так тяжело, хоронить своего ангела и делать вид, что жизнь продолжается. Ты меня понимаешь. Понимаю, - сказал я, - Бог забирает лучших. Всё как в атаке. Ушёл сын, ушли близкие, ушли лучшие друзья. В этом грёбаном окопе я остался один и делаю вид, будто сражаюсь, хотя давно мечтаю сдаться, только ни кто не берёт в плен.

Через три дня уезжали минчане, но не в другой отель, они собрались домой. Пётр ещё работал, и отпуск имел большой, но не бескрайний.

Римма, как всегда, загорелась покупкой недвижимости. На сей раз в Таиланде. И поехала смотреть очередной «беспроектный вариант». Дочка дорвалась до дешёвых массажей и косметических процедур. Я был один на один со своими мыслями. У меня забрали последнюю игрушку, Микки, отобрали так же нагло, как когда-то в детстве, во дворе солдатиков. Если жизнь что-то и даёт, то только для того, чтобы потом побольнее отнять.

На прощанье Пётр спросил:

- Игорь, я не пойму, почему вы до сих пор не смените гражданство и не переберётесь в какую-нибудь благодатную страну. И с визами не надо возиться, и экология, и климат лучше.

- Как это не парадоксально звучит, не смогу уехать. В какие-то страны езжу увидеть радость, а в Россию возвращаюсь разделить грусть. И на моей чаше весов второе весит больше.

- Да, Игорь, продайте вы нашу виллу в Баньяне, не для меня это всё. Ближняя и дальняя дача в Белоруссии мне как-то понятней, - шепнула на прощанье Галина.

По старому обычаю присели перед дорогой.

Неправда, что человек со временем всё забывает, нет, память, как надёжная сберегательная система, хранит всё на своих полках.

Мы не забываем, мы просто смиряемся, понимая, что ничего нельзя вернуть и переделать заново. А как пронзительно требует мозг изменить ход событий, переписать историю своей жизни совсем немного. Господи, Ангел-Хранитель,

ну совсем немного!!! Молча закурили, хотя все давно бросили, но у женщин всегда спрятана пачка сигарет на экстренный случай.

ПИСЬМО АНГЕЛУ.

Наша жизнь подобна листу бумаги, уже исписанному судьбой на непонятном нам языке. Поэтому, никогда не удаётся начать с чистого листа. Куда бы я ни убежал, где бы ни прятался, мне не скрыться от себя самого. На этом листе, как на рецепте, прописаны дозы веры, надежды, любви. И большой кляксой размыты горе и испытания.

Можно порвать лист жизни и перемешать клочки. Но всё равно клочки опять сложатся в обрывки, обрывки опять примут форму целого листа, и снова я, именно я,

окажусь один на дороге, которую суждено пройти. Ангел-Хранитель, я весь раскрыт перед тобой. Я сложил клочки в обрывки и представил тебе обрывок номер раз из моего пути от Восхода до Заката, в краю вечноцветущего лотоса.

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло три месяца после моего письма ангелу.

- Пётр был арестован за участие в мирной акции протеста против режима Лукашенко. И находится уже больше месяца в тюремной больнице. Галина работает на адвокатов и врачей, что одинаково дорого, и одинокого ненадёжно. В последнем телефонном разговоре, он объяснил мне, что невозможно больше стоять на коленях, пора подняться во весь рост.

- Алекса повысили в должности. Теперь он на высоком дипломатическом посту в Китае. Свою тайскую girlfriend Саван и сына – Криса, старается не вспоминать, обходя эту тему в разговорах со мной.

- Николая, сына «Царя», дважды пытались взять в заложники для получения выкупа. На семейном совете было решено отправить его на учёбу в Америку. Мы переписываемся, Москва – Вашингтон, и часто болтаем по скайпу. Он живо интересуется событиями в России. А я, разжигаю в нём этот интерес, надеюсь, что когда-нибудь он вернётся и скажет своё веское слово нам – скифам, печенегам, половцам, разбившим шатры от Китая до Польши.

- Американец русского происхождения Виктор Басов, защитник лотосов, с двумя пулевыми отверстиями в голове, был обнаружен ночью в кафе на смотровой площадке отеля Hilton, что в центре Хуа Хина. Незадолго до обнаружения его тела, кафе покинули молодой человек и девушка. Их фотороботы удивительно напоминают Сергея-пятиборца и его подругу – Кристину. Пресса расценила это убийство как борьбу за рынки нелегального сбыта оружия. Под нажимом США, тайские власти арестовали в ответ российского «торговца смертью» Александра Вуда.

- Олег в Думе, всё так же звонко любит Родину и стучит по трибуне кулаком.

Внешне он производит цветущее впечатление, но я, зная его, представляю, как по ночам он прикладывает к бутылке с водкой, чтобы успокоить совесть и заснуть.

- Лена Д. вышла замуж за состоятельного и неизлечимо больного американца и живёт теперь в Бостоне. Иногда печатаясь в русскоязычной прессе под псевдонимом «Чайка». Мы относимся друг к другу, как и прежде, с большой симпатией.

- Курт, бывший сотрудник Штази, не удержался и черкнул мне открытку с юга Африки, из Намибии, где до сих пор проживает влиятельная немецкая община. Без указания обратного адреса и информации о себе. Весточка означала, что он жив и его близкие тоже в порядке.

- Полина – русская красавица и эскорт для состоятельных мужчин, пропала с моего горизонта. Да она и не обещала поддерживать отношения.

- Анна заканчивает учёбу в Германии и мечтает переехать в Израиль, поселиться в пограничном кибуце и защищать страну предков.

- Римма по-прежнему вся в делах, и я по-прежнему не знаю, для чего я ей нужен.

- Моя дочь Светлана переписывается с десятком иностранных женихов, надеясь покинуть родину и переселиться на Запад. А я эгоистично представляю, во что превратится моя могила и могилы семьи, когда эта последняя веточка будет привита к другому дереву.

- Я собираю деньги на длительную поездку в Бирму, для поисков своего сорванного и утраченного лотоса – Муан Чан, или просто Микки. Я хочу проникнуть в этот район, под видом руководителя научной экспедиции, заручившись через Алекса формальной поддержкой с китайской стороны. Это необходимо в переговорах с военной администрацией Мьянмы.

- Сестра Микки, как и ожидалось, успешно трудится в гостиничном бизнесе, и уже замечена руководством отеля Menam.

THE END